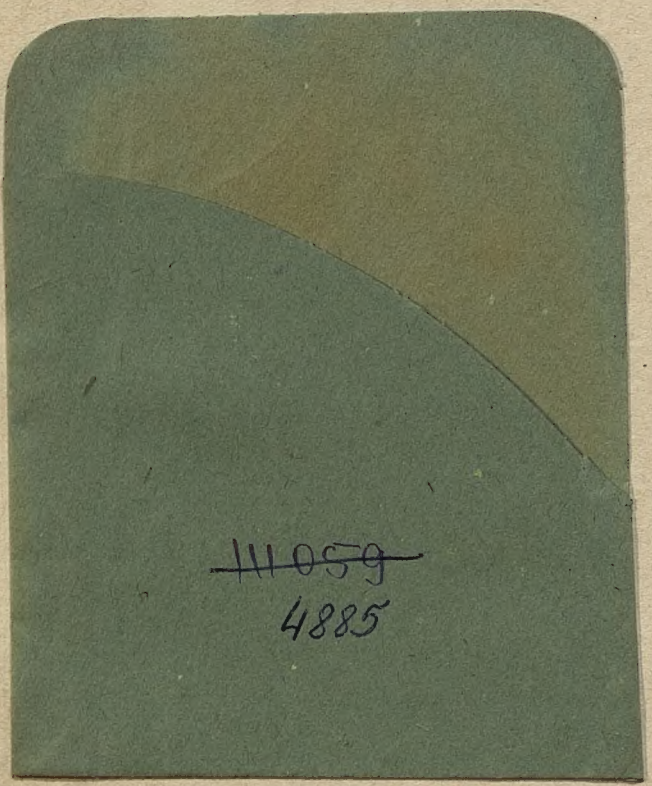
Ж. 22

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ

КОМНАТА | ШКАФЪ XLVI
ПОЛКА 6 | № 9940 ИНВЕНТАРЯ



~~111059~~
4885

9940

N. Karéiev. Notes séparées sur l'histoire économique de l'époque de la révolution française.

XLVI-6
ор 30454
9(44)

Н. Карѣевъ.

Н059-4885

БѢГЛЫЯ ЗАМѢТКИ
ПО
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ ФРАНЦІИ
ВЪ ЭПОХУ РЕВОЛЮЦІИ.

СЕРІЯ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

Проверено 1936 г.

9(44)4

Отдѣльный оттискъ
изъ «Извѣстій С.-Петербургскаго Политехническаго Института
Императора Петра Великаго».
1912 г. Томъ XVII.

Уральский Индустриальн. Ин-тут
имени С. М. КИРОВА
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Пр. 1940
Пр. 2010

Типографія Шредера. Гороховая 49.

Предисловіе.

Настоящая книга составилась изъ статей, печатавшихся подъ тѣмъ же заглавіемъ въ „Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института“ за 1911 и 1912 гг. Изъ послѣднихъ строкъ книги читатель можетъ усмотрѣть, что въ намѣренія автора, въ моментъ ея выхода въ свѣтъ, входило продолжать и впредь эти замѣтки по мѣрѣ накопленія новаго матеріала.

За послѣдніе годы, закончивъ изложеніе исторіи XIX вѣка въ „Исторіи Западной Европы въ новое время“ и завершивъ серію своихъ „Типологическихъ курсовъ по исторіи государственнаго быта“, авторъ возвратился къ болѣе спеціальнымъ занятіямъ эпохою французской революціи и ея исторіографіей, обнародовавъ по этому предмету нѣсколько книгъ и статей, отчасти посвященныхъ и экономической исторіи Франціи въ концѣ XVIII в.[1]). Какую форму получитъ общее подведеніе итоговъ подъ этими его занятіями, сказать еще съ полною опредѣленностью трудно, но, во всякомъ случаѣ, русскій читатель, интересующійся предметомъ, найдетъ, надѣюсь, въ упомянутыхъ работахъ автора, въ томъ числѣ и въ „Бѣглыхъ замѣткахъ“, указанія на то, какъ за послѣдніе годы вообще разрабатывается исторія Франціи въ эпоху революціи.

---

[1]) См. на слѣд. страницѣ.

Послѣднія работы автора по исторіи эпохи французской революціи.

Что сдѣлано въ исторической наукѣ по вопросу о положеніи французскихъ рабочихъ передъ революціей 1789 г.? 1911.

Парижскія секціи временъ французской революціи. 1911.

Неизданные документы по исторіи парижскихъ секцій (1790—1795). 1912.

Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ (1902—1911). 1912.

La densité de la population des différentes sections de Paris pendant la révolution. 1912.

Отзывъ о соч. проф. Ардашева „Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка (Отчетъ о XIII присужденіи премій митр. Макарія. 1910).

Новая книга по исторіи французской революціи (Рус. Бог., 1910).

Русская книга о французскихъ рабочихъ въ эпоху великой революціи (тамъ же, 1911).

Отношенія между религіей и политикой у философовъ XVIII в. (тамъ же, 1911).

Политическія выступленія парижскихъ секцій въ эпоху революціи (тамъ же 1912).

Догма государственнаго права дореволюціонной Франціи (Журн. Мин. Нар. Просв., 1911).

Русская книга по исторіи личной свободы во Франціи (Истор. Обозрѣніе, 1911).

Les travaux russes sur l'histoire de la révolution française (Bul. de l'histoire moderne, 1912).

Un nouveau livre russe sur les ouvriers français pendant la révolution (La Révolution française, 1912).

Въ этотъ перечень не вошли мелкія библіографическія замѣтки о новыхъ работахъ по исторіи французской революціи, печатавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы».

Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи.

Н. И. Карѣева.

I.

Въ іюньской и іюльской книгахъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1911 г. напечатана статья, занимающая около 70 страницъ убористаго шрифта и носящая заглавіе „Вопросы промышленности и торговли въ наказахъ депутатовъ третьяго сословія генеральныхъ штатовъ 1789 года“. Подписана статья именемъ—Евгеній Петровъ. Объ этой работѣ мнѣ уже пришлось печатно высказать свое мнѣніе, когда она еще не была напечатана, ибо то, что мы теперь имѣемъ въ указанныхъ книгахъ „Ж. М. Нар. Просв.“, представляетъ собою не что иное, какъ наиболѣе существенную часть сочиненія, написаннаго г. Е. Петровымъ на такъ называемую медальную тему, предложенную Историко-Филологическимъ факультетомъ Спб. университета на 1909 г., причемъ иниціатива темы принадлежала мнѣ, и мною же былъ составленъ для факультета отзывъ о работѣ г. Петрова.

Уже нѣсколько лѣтъ и въ Петербургскомъ университетѣ, и на Высшихъ Женскихъ курсахъ я веду семинарій, темою котораго являются, коротко говоря, экономическія пожеланія и требованія буржуазіи по наказамъ 1789 г. Однимъ изъ мотивовъ, заставившихъ меня остановиться на такой темѣ, было то, что по данному вопросу нѣтъ спеціальной литературы, и такимъ образомъ учащимся представляется полная возможность совершенно самостоятельной работы по источ-

нику безъ необходимости имѣть дѣло съ большимъ количествомъ пособій. Отъ участниковъ и участницъ семинарія требовалось только общее знакомство съ тѣмъ, что такое наказы 1789 г., какъ историческій источникъ, да съ главнѣйшими фактами экономическаго быта Франціи наканунѣ революціи, равно какъ съ экономическими ученіями эпохи. Самая работа должна была совершаться по текстамъ наказовъ въ такихъ ихъ изданіяхъ, какія мы имѣемъ въ старыхъ „Archives parlementaires“ Лорана и Мавидаля и въ новой „Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la révolution française“. Главною цѣлью семинарскихъ занятій было обученіе методу разработки разныхъ частныхъ вопросовъ экономической исторіи Франціи по наказамъ 1789 г., но иногда случалось, что отдѣльные участники семинарія (изъ тѣхъ, которые не ограничивались однимъ годомъ занятій) дѣлали такія маленькія изслѣдованія, которыя заслуживали быть напечатанными въ какихъ-либо спеціальныхъ изданіяхъ. Однимъ изъ пріемовъ работы было приведеніе въ извѣстность всѣхъ встрѣчающихся въ наказахъ взглядовъ на тотъ или другой частный вопросъ, хотя бы и мелкій предполагалось, что изъ соединенія многихъ отвѣтовъ на такіе частные вопросы можетъ получиться и нѣчто болѣе общее и цѣльное.

Въ интересахъ такого изученія наказовъ 1789 г., въ которомъ аналитическое ихъ разсмотрѣніе могло бы завершиться синтезомъ полученныхъ результатовъ и которое могло бы, благодаря этому, привести къ рѣшенію научныхъ вопросовъ, мною и была предложена тема объ отношеніи наказовъ третьяго сословія къ вопросамъ обрабатывающей промышленности и торговли. Повторяю, этотъ предметъ почти не былъ спеціально разрабатываемъ въ литературѣ, такъ какъ три-четыре бѣглыхъ статьи, посвященныя экономическимъ требованіямъ наказовъ, почти ничего не давали для интересующихся вопросомъ. Именно, брошюра Боннассьё „Examen des cahiers de 1789 au point de vue commercial et industriel“ (1885) довольно поверхностна, а работы J. Lair'a и V. Sorel'я касаются только отдѣльныхъ мѣстностей, какъ и

статья Bloch'a [1]). Книга Пикара „Les cahiers de 1789 et les classes ouvrières“ вышла только въ 1910 г., и г. Е. Петровъ не могъ ею воспользоваться даже для окончательной редакціи своей работы, какую мы имѣемъ въ „Ж. Мин. Нар. Просв.“

Работа молодого историка была удостоена золотой медали по моему отзыву, напечатанному въ годичномъ университетскомъ отчетѣ среди другихъ профессорскихъ отзывовъ о медальныхъ сочиненіяхъ студентовъ [2]). Здѣсь его я воспроизводить не стану, тѣмъ болѣе, что не все, что составляло содержаніе работы г. Петрова, было имъ включено въ напечатанную имъ статью [3]). Цѣлью настоящей моей замѣтки является ознакомленіе читателя съ тѣми выводами, къ которымъ пришелъ авторъ новаго изслѣдованія по наказамъ.

Г. Петровъ справедливо жалуется на то, что „существующая литература о наказахъ лишь въ слабой степени расчистила ему путь: вылавливаніе,—говоритъ онъ,—изъ массы наказовъ текстовъ, оправдывающихъ предвзятый взглядъ, широкія обобщенія данныхъ, достовѣрныхъ лишь для опредѣленной части наказовъ, нерѣдко, наконецъ, политическая тенденціозность,—таковы ея главные грѣхи“. Въ основу своей работы онъ положилъ „городскіе и сводные окружные наказы [4]), имѣющіе преобладающій интересъ для рѣшенія вопросовъ торговли и промышленности“, которые, въ общемъ, хорошо извѣстны, благодаря чему выводы по вопросамъ промышленности и торговли могутъ быть болѣе прочно обоснованы. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ разсмотрѣнія, каково было отношеніе наказовъ къ коренному вопросу промышленности, къ вопросу о формахъ промышлен-

[1]) Les cahiers du baillicage d'Orléans au point de vue économique.

[2]) См. актовую книжку Спб. Университета, заключающую въ себѣ отчетъ за 1909 г.

[3]) Именно, онъ опустилъ все, что касается фактическихъ экономическихъ отношеній во Франціи наканунѣ революціи, такъ какъ эта часть его сочиненія была написана только по существующимъ пособіямъ.

[4]) Т. е. наказы, иначе говоря, областные, отдѣльныхъ бальяжей и сенешальствъ.

ной дѣятельности, т. е. защищали ли они цеховую организацію или отстаивали свободу труда? Въ сужденіяхъ наказовъ по этому вопросу онъ вообще не находитъ однообразія. „Между тѣмъ, говоритъ онъ, какъ наказы дворянства и духовенства, если касаются этого предмета, высказываютъ обыкновенно одни и тѣ же пожеланія либеральнаго характера, въ наказахъ третьяго сословія рѣзко выражены двѣ противоположныя точки зрѣнія; встрѣчаются и среднія рѣшенія, примиряющія, иногда противорѣчивыя... Видно, что дѣло задѣвало за живое; видно, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ ставился и разрѣшался самостоятельно—въ зависимости отъ мѣстныхъ интересовъ и отъ симпатій преобладающихъ слоевъ. Противникамъ цеховъ, по наблюденіямъ автора, ученіе о естественномъ правѣ давало теоретическія предпосылки для ихъ домогательствъ". Наприм., въ одномъ наказѣ сказано: „ничто такъ не препятствуетъ развитію и усовершенствованію ремеслъ, какъ монополіи, которыми пользуются ремесленныя корпораціи подъ названіемъ ученичества и званія мастера (maîtrise). Всякому человѣку природой дано неотъемлемое право пользоваться дарами природы. За употребленіе, которое онъ изъ нихъ дѣлаетъ, онъ отвѣтственъ передъ всѣмъ обществомъ, которому онъ тѣмъ самымъ уплачиваетъ свой долгъ. Но онъ тщетно будетъ стремиться исполнить эту священную обязанность, если, кромѣ талантовъ, онъ не обладаетъ еще богатствомъ. У него нѣтъ свободы въ выборѣ занятій, ему не удастся достичь желаемаго положенія: привилегированное невѣжество купило право душить и терзать таланты, преслѣдовать ихъ, принуждая ихъ къ праздности. Эта незаконная дочь захватила наслѣдіе генія и травитъ его. Злоупотребленія эти прекратятся, когда упразднятъ цехи. Тогда среди ремесленниковъ возродится благородное соревнованіе, воспрянетъ предпріимчивость, которая станетъ болѣе плодотворной и дѣятельной, а геній, возстановленный въ своихъ правахъ, породитъ чудеса".

Г. Петровъ приводитъ еще нѣсколько подобныхъ выдержекъ, иногда и еще болѣе характерныхъ для раціоналисти-

ческой „философіи“ XVIII вѣка, отмѣтивъ еще и то, что нерѣдко, вмѣстѣ съ требованіемъ упраздненія цеховъ, высказывается пожеланіе, чтобъ уничтожены были „исключительныя привилегіи въ области промышленности“, т. е. привилегированныя и королевскія мануфактуры. „Правительство, говорится въ немурскомъ наказѣ, составленномъ физіократомъ Дюпономъ, не можетъ препятствовать кому бы то ни было въ его естественномъ правѣ распоряженія своими капиталами и своимъ трудомъ, поскольку его трудъ не служитъ препятствіемъ для труда другихъ людей. Правительство не можетъ утверждать за кѣмъ-либо права, котораго оно само не имѣетъ“. Другіе наказы высказывали, впрочемъ, болѣе умѣренные взгляды: необходимо лишь „сократить, насколько возможно, число исключительныхъ привилегій“; необходимо давать привилегіи лишь для поощренія дѣйствительно полезныхъ нововведеній, при чемъ срокъ пользованія ими долженъ быть строго ограниченъ и т. п. Но такова была и тенденція французскихъ администраторовъ второй половины XVIII в., понимавшихъ необходимость крайней осторожности въ раздачѣ привилегій. Авторъ даже подчеркиваетъ то, что о привилегіяхъ говорятъ многіе наказы, но лишь коротко и мимоходомъ. „Повидимому, прибавляетъ онъ, съ измѣненіемъ правительственной политики вопросъ потерялъ свою остроту“. Данная категорія наказовъ, по наблюденіямъ г. Петрова, „мало говоритъ о формахъ промышленной дѣятельности, которыми слѣдовало бы замѣнить цеховую организацію; это понятно: они вѣрятъ въ полезность невмѣшательства, они—за „laissez faire“: желающій заниматься промышленною дѣятельностью долженъ лишь заявить о томъ полиціи. Настроенные индивидуалистически, эти наказы не предлагаютъ никакой корпоративной организаціи взамѣнъ цеховой“, за очень рѣдкими исключеніями, тутъ же приводимыми авторомъ.

Наказы часто пускаются въ критику правительственной политики въ данной области, и немурскій cahier даже критикуетъ на почвѣ фактовъ; но его критику, какъ и многихъ другихъ антицеховыхъ наказовъ, авторъ находитъ односторонней. Наказы полагаютъ, что въ новой цеховой организаціи 1776—

1780 г.г. исчезли всѣ старые институты, которые имѣли хоть „видимость полезности“: ученичество, chef d'oeuvre; между тѣмъ „заботливо сохранено все, что только было безусловно вреднаго“: право цеховъ преслѣдовать другъ друга судебными процессами и „фискальная сторона прежнихъ цеховъ“, которая яко бы даже расширена, какъ будто „правительственная политика въ этой области состояла лишь въ накопленіи и сохраненіи всевозможныхъ пережитковъ“. Что это было не такъ, г. Петровъ доказываетъ путемъ простой справки о правительственныхъ мѣропріятіяхъ эпохи: эдиктъ 25-го марта 1755 г. разрѣшилъ лицамъ, пріобрѣтшимъ въ какомъ-либо городѣ званіе мастера, занятіе ремесломъ почти по всей территоріи Франціи; постановленіемъ Совѣта отъ 7-го декабря 1762 года разрѣшено было текстильное производство въ селахъ, и потомъ свобода сельской обрабатывающей промышленности была подтверждена постановленіемъ отъ 28-го февраля 1766 года и пр. и пр. Впрочемъ, всѣ подобныя реформы не удовлетворяли сторонниковъ полной экономической свободы, и наказы часто задавались вопросомъ о причинѣ уклоненія правительства отъ „les vrais principes“, усматривая ее въ фискальныхъ выгодахъ правительства. „Дѣйствительно, говоритъ авторъ, и въ вопросѣ о цехахъ, какъ и въ другихъ отрасляхъ управленія, фискальныя нужды диктовали правительству мѣропріятія, искажавшія его же собственныя освободительныя начинанія“, но этого все-таки недостаточно для объясненія всей правительственной политики, ибо среди наказовъ есть весьма значительная группа, отстаивающая цехи, а ихъ разборъ показываетъ, „съ какой сильной защитой запитересованными цеховаго строя встрѣчалось французское правительство, весьма чутко прислушивавшееся къ голосу торгово-промышленной буржуазіи“.

Г. Петровъ пришелъ еще къ тому выводу, что и отстаивающіе цеховой строй наказы не были чужды новыхъ идей и даже часто сражались тѣмъ же оружіемъ, что и ихъ враги, примѣняя его для своихъ цѣлей. Въ видѣ иллюстраціи этого положенія онъ приводитъ рядъ выдержекъ изъ наказовъ, гдѣ по поводу цеховъ говорится и объ естественномъ правѣ,

и объ общественномъ договорѣ. Кромѣ того, по его наблюденіямъ, „наказы, отстанвающіе монополію цеховъ, не менѣе, чѣмъ ихъ антагонисты, негодуютъ на другія монополіи и привилегіи", что опять подтверждается рядомъ выдержекъ. Но особенно много приводится г. Петровымъ выдержекъ изъ наказовъ въ пользу сохраненія цеховъ и даже возвращенія ихъ въ прежнее состояніе. Есть cahiers, прямо высказывающіеся за отмѣну эдикта 1776 г., реформировавшаго цехи, за возстановленіе стараго порядка (l'ancien régime), за монополію цеховъ, какъ законное ихъ право, за исключительное право цеховыхъ мастеровъ на сбытъ извѣстныхъ товаровъ, за запрещеніе разносной торговли въ мѣстностяхъ, гдѣ есть цехи, за распространеніе цеховой организаціи на ремесла, которыя не были ей подчинены, за распространеніе ея и на села и т. п. Для передачи всего этого г. Петрову потребовалось нѣсколько страницъ.

Особенно интересны сообщаемыя авторомъ данныя о борьбѣ наказовъ со свободою сельской обрабатывающей промышленности,—вопросъ, который онъ прямо называетъ острымъ. Въ послѣднее время эта сельская индустрія сдѣлалась предметомъ особаго вниманія, къ которому я еще возвращусь въ своихъ замѣткахъ по поводу разработки этого предмета Е. В. Тарле и М. М. Ковалевскимъ, здѣсь же позволю себѣ только остановиться на томъ, какъ вопросъ освѣщается въ работѣ г. Петрова. Молодой историкъ останавливается, между прочимъ, на двухъ наказахъ фабрикантовъ (въ смыслѣ терминологіи XVIII в.) города Труа. „Наказъ цеха текстильныхъ фабрикантовъ, читаемъ мы здѣсь, начинается заявленіемъ: „земледѣліе—первый источникъ богатства государства, а промышленность и торговля—второй источникъ"; экономическая политика, благопріятствующая второму въ ущербъ первому, главнѣйшему, должна быть оставлена; но съ еще большей поспѣшностью надо отринуть систему, которая, имѣя предлогомъ пользу второго источника, на самомъ дѣлѣ, какъ показалъ опытъ, пагубна не только для земледѣлія, но и для промышленности и торговли. Какъ ни странно,—продолжаетъ г. Петровъ,—этимъ физіократиче-

скимъ налетомъ окутано требованіе уничтоженія свободы сельской обрабатывающей промышленности. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, свидѣтельствующемъ объ интеллигентности автора наказа, доказывается при помощи цифръ крайняя губительность этой „liberté du commerce“ какъ для земледѣлія, такъ и для городской промышленности округа г. Труа“. Итакъ, „сельскія фабрики должны быть совершенно запрещены“. Другой наказъ (вязальщиковъ, шляпниковъ и скорняковъ) рѣшительно требовалъ полнаго упраздненія сельскихъ фабрикъ, „какъ вредныхъ для земледѣлія и для сельскихъ работъ“. Наоборотъ, „сельскіе депутаты—противъ цеховъ, за свободу труда: это съ совершенною опредѣленностью, заявляетъ г. Петровъ доказываютъ ихъ наказы. Значительная часть представителей городовъ отстаиваетъ цехи. Чья партія, спрашиваетъ онъ, побѣдитъ въ собраніи бальяжа? Чье требованіе попадетъ въ бальяжный наказъ? Наказы показываютъ намъ, что за рѣшеніе этого вопроса во многихъ мѣстахъ Франціи шла серьезная борьба“. За этимъ утвержденіемъ авторъ опять приводитъ цѣлый рядъ указаній на то, какъ третье сословіе городовъ требовало одного, третье сословіе деревень—другого, и какъ спорный вопросъ рѣшался въ отдѣльныхъ случаяхъ, причемъ принимались и компромиссныя формулировки. Въ одномъ наказѣ даже нельзя понять, замѣчаетъ авторъ, чего онъ желаетъ: упраздненія цеховъ или только уменьшенія чрезмѣрно высокихъ вступительныхъ взносовъ? Эту неясность онъ не считаетъ возможнымъ объяснить безтолковостью составителя: „наказъ S. Chatellerault—одинъ изъ самыхъ интеллигентныхъ наказовъ третьяго сословія, и нужно думать, что мотивомъ противорѣчиваго требованія было желаніе согласить несогласимое, и противорѣчивости этого желанія не удалось скрыть“. Еще болѣе рѣзкое противорѣчіе обнаружилъ г. Петровъ въ наказѣ г. Орлеана, который требовалъ упраздненія цеховъ и установленія свободы труда; „но если, сказано дальше, цехи будутъ сохранены, пусть вдовы пользуются правомъ продолжать дѣло своихъ мужей; пусть это право будетъ распространено на дѣтей и на зятей (!) мастеровъ“. „Другими словами, прибавляетъ авторъ, если, вопреки

желанію г. Орлеана, монополіи будутъ существовать, Орлеанъ проситъ не смягченія и ослабленія этихъ монополій, а, наоборотъ, ихъ усугубленія. Такое противорѣчіе, думаетъ г. Петровъ, можно объяснить только тѣмъ, что побѣжденному меньшинству удалось добиться въ видѣ компенсаціи включенія въ наказъ (вопреки смыслу наказа) одного изъ своихъ требованій".

По поводу этого разногласія касательно цеховъ, являющагося предметомъ то горячихъ нападокъ, то не менѣе горячей защиты, г. Петровъ произвелъ общій подсчетъ бывшихъ въ его рукахъ наказовъ и раздѣлилъ ихъ на категоріи дружественныхъ цехамъ, имъ враждебныхъ и, такъ сказать, неопредѣленныхъ (т. е. неясныхъ или противорѣчивыхъ), причемъ въ первыхъ двухъ категоріяхъ есть и городскіе, и областные наказы. Всѣхъ городскихъ и областныхъ наказовъ въ изданіи Лорана и Мавидаля г. Петровъ изучилъ до двухъ съ половиною сотенъ, кромѣ 40 въ другихъ изданіяхъ, но изъ нихъ такихъ, въ которыхъ говорится о формахъ промышленной дѣятельности, насчиталъ лишь 136, т. е. половину общей цифры. Всѣ эти наказы и перечислены имъ по указаннымъ категоріямъ. Далѣе, среди городскихъ наказовъ — больше дружественныхъ цехамъ (26 противъ 14), среди областныхъ преобладаютъ враждебные цехамъ (51 противъ 30), въ общемъ же итогѣ перевѣсъ, хотя и небольшой, оказался на сторонѣ защитниковъ свободы труда (65 противъ 56).

Къ своей медальной работѣ г. Петровъ приложилъ карту Франціи, на которой отмѣтками разныхъ цвѣтовъ было показано, какое въ какой мѣстности сложилось отношеніе къ цехамъ, поскольку оно выразилось въ наказахъ. Эта интересная карта была изготовлена авторомъ еще во время его занятій въ семинаріи, и нужно жалѣть, что онъ не могъ, очевидно, воспроизвести ее въ приложеніи къ своей статьѣ въ „Ж. М. Нар. Пр.". Дѣло въ томъ, что эта карта служитъ наглядной иллюстраціей къ сдѣланному авторомъ географическому обзору Франціи, основанному на „сопоставленіи отношенія каждой отдѣльной области къ цехамъ и ея экономи-

ческаго уровня". Обзоръ этотъ настолько важенъ, что я привожу его здѣсь цѣликомъ.

„Экономически развитой крайній сѣверъ, говоритъ г. Петровъ, съ городами Лиллемъ, Валансьеномъ и Аррасомъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, какъ оказывается, отстаиваетъ цеховой строй. На сѣверо-востокѣ въ промышленной Шампани, а также въ Лотарингіи, наказы которой часто жалуются на то, что фабрики грозятъ поглотить весь лѣсъ, тоже значительное количество наказовъ высказывается а цехи; слѣдуетъ при этомъ отмѣтить цеховыя симпатіи наиболѣе значительныхъ промышленныхъ центровъ этого района: бальяжей Реймсскаго, Сенъ-Мену, Меца, Нанси; изъ значительныхъ центровъ въ противоположномъ смыслѣ высказывается лишь бальяжъ Труа. На сѣверо-западѣ, образуемомъ Нормандіей, мы констатируемъ довольно благопріятное отношеніе къ цехамъ въ наиболѣе промышленномъ районѣ, прилегающемъ къ устью Сены, славившемся своими суконными мануфактурами. Наоборотъ, пустынный Котантенъ вмѣстѣ съ прилегающей къ нему провинціей Мэномъ отстаиваютъ свободу труда.

Средняя полоса Франціи, составляющая бассейнъ Луары, какъ въ наше время, такъ и 120 лѣтъ назадъ была наиболѣе отсталой въ экономическомъ отношеніи. Но именно эта часть Франціи оказывается очагомъ экономическаго свободомыслія; за цехи стоятъ немногія мѣстности: Анжу, Пуатье, Ангумуа, Клермонъ; партизанами же свободы труда оказываются: отсталый въ промышленномъ отношеніи Пуату, самыя бѣдныя провинціи Франціи Нивернэ и Берри съ пресловутою Солонью, приводившею въ отчаяніе Артура Юнга, земледѣльческія области, какъ Немуръ, Божолэ и др. Въ этой полосѣ Франціи даже нѣсколько городовъ въ рѣшительныхъ выраженіяхъ требуютъ упраздненія цеховъ: таковы, напр., затерявшійся въ чащахъ Оверни Ріомъ и Шалэ въ виноградической Сентонжи.

Что касается юга Франціи, то здѣсь труднѣе придти къ какимъ-либо обобщеніямъ, главнымъ образомъ, по недостатку данныхъ въ наказахъ. Интересно, однако, отмѣтить

сочувствіе цехамъ наиболѣе промышленной части Лангедока, сенешальства Монпелье, и либеральныя симпатіи горной пиренейской страны Фуа, мало-культурныхъ горныхъ мѣстностей сѣвернаго Прованса и Кагора и ничтожныхъ городовъ въ родѣ Villeneuve-lès Avignon и Anduze. Изъ значительныхъ приморскихъ городовъ Байонна—за свободу труда, но болѣе значительный Марсель высказывается иначе: наказъ родины марсельезы стоитъ за упроченіе цеховаго строя. Тѣхъ же взглядовъ наказы другихъ приморскихъ городовъ: Нанта, Бреста, Кана.

Городскіе наказы, продолжаетъ авторъ, конечно, особенно важны для выясненія взглядовъ торгово-промышленной буржуазіи. Достаточно самаго бѣглаго сопоставленія названій городовъ, перечисленныхъ въ приведенномъ выше спискѣ [1]), чтобъ убѣдиться, что цифровое отношеніе 26 (за цехи) къ 14 (противъ цеховъ) далеко еще не выражаетъ сути дѣла. Среди сочувствующихъ цехамъ города перваго ранга, какъ Руанъ, Мецъ, Труа и цѣлый рядъ другихъ промышленныхъ центровъ. Въ числѣ враждебныхъ цехамъ, кромѣ упомянутой выше Байонны, значительнымъ экономическимъ центромъ былъ только Орлеанъ, одинъ изъ немногихъ французскихъ городовъ, въ которыхъ руководящій слой городской буржуазіи отвергъ цеховыя рамки. Почти всѣ остальные либеральные города, всѣ эти невѣдомые міру Meʼуы и Pithiviers—города больше лишь по названію, да по административному устройству, экономически же мало чѣмъ отличаются отъ селъ. Ясно, что большинство торгово-промышленной буржуазіи въ вопросѣ о цехахъ было настроено вполнѣ консервативно; фактъ вовсе не парадоксальный, принимая во вниманіе земледѣльческій характеръ страны и ремесленный укладъ ея городской промышленности. Нужно только, прибавляетъ г. Петровъ, отрѣшиться отъ той ошибочной картины необыкновенной индустріализаціи Франціи, которую Жоресъ въ угоду марксистской концепціи нари-

[1]) Невоспроизводимый мною списокъ наказовъ, распредѣленныхъ по категоріямъ.

совалъ въ своей исторіи революціи [1]). Такимъ образомъ, при численномъ преобладаніи враждебныхъ цехамъ наказовъ, весьма значительная ихъ часть принадлежитъ всевозможнымъ медвѣжьимъ угламъ, въ которыхъ экономическая жизнь пульсировала очень слабо, но гдѣ за то былъ, можетъ быть, налицо начитанный стряпчій или лѣкарь, отлично знавшій, чего требуютъ „les vrais principes“, и воспользовавшійся своими познаніями при составленіи наказа“.

Въ заключеніе этого обзора г. Петровъ разсматриваетъ, какъ отнесся къ цехамъ Парижъ. Для сужденія объ этомъ, кромѣ наказа города Парижа, онъ воспользовался наказами отдѣльныхъ избирательныхъ участковъ (изъ 60 ихъ до насъ дошло 19 цѣликомъ и нѣсколько въ небольшихъ отрывкахъ, и 12 наказовъ прямо или косвенно касаются вопроса). Здѣсь избирательными единицами были не корпораціи, какъ въ другихъ городахъ, а избирательные участки; цехи тѣмъ самымъ были отстранены отъ давленія какъ на выборы, такъ и на характеръ наказовъ. Тѣмъ не менѣе лишь одинъ изъ послѣднихъ высказался въ осторожной формѣ за упраздненіе цеховъ; пожеланія другого уклончивы; остальные сочувствуютъ цехамъ, и при этомъ многіе протестуютъ противъ правъ „привилегированныхъ мѣстъ“, въ которыхъ свободный трудъ укрывался отъ цехового режима [2]). „Не приходится поэтому удивляться, замѣчаетъ авторъ, что наказъ г. Парижа

---

[1]) Характерно, что, устанавливая главные „типы индустріи наканунѣ революціи“, Жоресъ вовсе даже и не упоминаетъ о цехахъ, а исчисляетъ всего два: крупную централизованную мануфактуру и домашнюю промышленность, производившую на скупщика. (Изд. Глаголина, стр. 58). Примѣч. г. Петрова, вообще нерѣдко исправляющаго частныя мнѣнія нѣкоторыхъ историковъ.

[2]) Между прочимъ, нашъ историкъ здѣсь оспариваетъ М. М. Ковалевскаго, утверждающаго, что „въ отпечатанныхъ Шассеномъ наказахъ приходскихъ собраній Парижа на ряду съ ходатайствами о сохраненіи цеховой организаціи встрѣчаются совершенно обратныя“, и что они „являются даже болѣе или менѣе общимъ правиломъ“ (Происх. совр. дем., Т. I, ч. 3—4, стр. 211). Какъ разъ обратно: общимъ правиломъ является то, что проф. Ковалевскій считаетъ исключеніемъ.

домогается укрѣпленія цеховаго строя путемъ возстановленія порядковъ, предшествовавшихъ реформѣ августа 1776 года".

Отмѣчу еще, что подписями подъ парижскимъ наказомъ такихъ дѣятелей революціи, какъ Байльи, Гильотенъ, Камюсъ, Тарже, г. Петровъ пользуется, чтобы коснуться одного вопроса, рѣшеніе котораго считаетъ очень важнымъ для выводовъ всей своей работы. „Сложилось, говоритъ онъ, представленіе, что цехи XVIII в. были явленіемъ, безвозвратно осужденнымъ въ глазахъ современниковъ, доказательствомъ чего, говорятъ, можетъ служить экономическая литература того времени; лишь фискальные интересы правительства и старанія нѣкоторыхъ заинтересованныхъ задерживали полное упраздненіе цеховъ". Авторъ думаетъ, что „этотъ взглядъ нуждается въ нѣкоторомъ коррективѣ. Неужели же наказы третьяго сословія, весьма многочисленные и исходящіе часто изъ оживленныхъ экономическихъ центровъ, были исключительнымъ, совершенно одинокимъ явленіемъ въ жизни того времени? Врядъ ли это вѣроятно. Подписи Бальи и Гильотена подъ наказомъ, отстаивающимъ цехи, не случайный фактъ", прибавляетъ г. Петровъ, напоминающій еще о томъ, какая солидарность установилась между Бальи и Гильотеномъ, съ одной стороны, и главными цехами, съ другой, въ началѣ революціи. Мало того, впослѣдствіи, уже въ эпоху революціи, самъ Маратъ высказался противъ свободы труда, какъ принципіальный защитникъ цеховъ, предложившій только планъ ихъ реформы.

Въ доказательство того, что составители наказовъ, отстаивавшихъ цехи, были людьми, не менѣе интеллигентными, нежели составители наказовъ, враждебныхъ цехамъ, г. Петровъ ссылается на то, что среди наказовъ первой категоріи есть очень толковые. Кромѣ того, онъ приводитъ взгляды на цехи, какіе были высказаны составителями статей о нихъ въ энциклопедіи Дидро и д'Аламбера,—взгляды, весьма далекіе отъ точки зрѣнія правовѣрныхъ физіократовъ.

Заслуга г. Петрова заключается въ добросовѣстномъ и вдумчивомъ отношеніи къ вопросу о томъ, какъ смотрѣли наказы 1789 г. на цехи. Въ связи съ этимъ онъ критикуетъ

взгляды своихъ предшественниковъ, обнаруживая въ ихъ основѣ чисто фактическіе промахи. Авторъ обнаружилъ невѣрности у Шабо, написавшаго въ „Révolution française“ за 1883 г. статью „Французская революція и рабочій вопросъ“. Этотъ писатель, какъ показываетъ критикъ, ввелъ въ заблужденіе и М. М. Ковалевскаго, который съ полнымъ довѣріемъ къ Шабо воспроизвелъ его ошибочную статистику наказовъ: Шабо утверждалъ, будто большинство наказовъ противъ цеховъ (а *за* только 13), но Левассёръ вѣрнѣе понималъ дѣло, хотя и самъ неправильно утверждалъ, что лишь очень немногіе бальяжи высказывались противъ цеховъ. Вполнѣ правильный взглядъ на дѣло г. Петровъ находитъ только у Мартенъ-Сенъ-Леона, но и въ его мнѣніе онъ вноситъ частныя поправки.

Разсмотрѣвъ отношеніе наказовъ къ различнымъ формамъ промышленной дѣятельности, г. Петровъ желалъ бы выяснить, „какъ смотрятъ наказы на взаимоотношенія общественныхъ классовъ, занятыхъ въ промышленности, прежде всего,—какъ стоитъ въ наказахъ третьяго сословія рабочій вопросъ“. Этотъ вопросъ, по его словамъ, не привлекъ къ себѣ вниманія составителей наказовъ: изъ областныхъ и городскихъ наказовъ третьяго сословія онъ нашелъ только пять въ той или иной мѣрѣ касающихся рабочаго вопроса. Нѣсколько лучше освѣщаютъ вопросъ первичные наказы большихъ городовъ; среди марсельскихъ наказовъ мы находимъ даже 3 наказа, принадлежащихъ самимъ рабочимъ; въ собраніи наказовъ г. Труа—2 наказа подмастерьевъ. „Въ послѣднихъ нѣтъ вовсе своеобразныхъ требованій (по рабочему вопросу). Болѣе интересны требованія марсельскихъ рабочихъ. Два наказа рабочихъ (сапожниковъ и слесарей) въ рѣшительныхъ выраженіяхъ требуютъ отмѣны цеховой монополіи; „устройство въ цехахъ прекрасное, мы съ этимъ согласны“, говорятъ слесари,—„но все-таки развѣ это порядокъ, что мы при такихъ же знаніяхъ лишь за отсутствіемъ средствъ не можемъ получить работы“? Авторъ дальше дѣлаетъ рядъ выписокъ, характеризующихъ отношеніе буржуазіи къ рабочимъ. Напр., рабочіе просили о возстановленіи

рабочихъ братствъ. Составители городского наказа Марсели упоминаютъ, что „рабочіе-шляпники и другіе жалуются на уничтоженіе ихъ союзовъ, имѣвшихъ цѣлью дѣла благочестія и благотворительности“ и „что столяры, слесари, каменотесы и др. ходатайствуютъ о возстановленіи этихъ союзовъ“, но самъ наказъ не защищаетъ этого пожеланія. „Причину такой сдержанности, говоритъ авторъ, понять легко, сопоставивъ ее съ тѣмъ, какія чувства къ рабочимъ союзамъ выражены въ другихъ наказахъ третьяго сословія“. Наказъ г. Нима и наказъ Нимскаго сенешальства рѣшительно требуютъ „уничтоженія незаконныхъ сборищъ подмастерьевъ, а также упраздненія союзовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ devoirs и gavots, для чего правила, установленныя въ городѣ Парижѣ, должны быть распространены на все королевство“. Есть подобныя заявленія и въ другихъ наказахъ, очень ясно обнаруживавшихъ вообще свою враждебность не къ какимъ-либо отдѣльнымъ рабочимъ обществамъ, а ко всему рабочему движенію вообще. „Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, при всей скудости данныхъ, нетрудно различить вполнѣ опредѣленную тенденцію въ отношеніи наказовъ третьяго сословія къ рабочимъ; это отношеніе отличается крайней подозрительностью и крайней суровостью“.

Первую главу своей работы, посвященную вопросамъ промышленности, г. Петровъ заканчиваетъ разсмотрѣніемъ того, какъ стоитъ въ наказахъ вопросъ о правительственной политикѣ въ сферѣ промышленности. Изъ всей массы наказовъ третьяго сословія, имъ изученныхъ, онъ нашелъ только 59 областныхъ и городскихъ, которые говорятъ о регламентаціи промышленности. Сравнительная незначительность этой цифры позволяетъ ему думать, что, „благодаря реформамъ, къ концу стараго порядка вопросъ стоялъ не такъ остро; однако, оговаривается онъ, цифра эта и не такъ мала и не даетъ, по крайней мѣрѣ, основанія предполагать, что реформа 1779 г. удовлетворила третье сословіе“. По его словамъ первое впечатлѣніе подтверждается содержаніемъ наказовъ. Немурскій наказъ изображаетъ всѣ вредныя стороны регламентаціи: „регламенты стѣснительны и

вредны. Клейма ничего не доказываютъ; они не свидѣтельствуютъ о качествѣ (матерій), такъ какъ нельзя не ставить одинаковыхъ клеймъ на матеріи какъ высшаго, такъ и низшаго сорта; они не даютъ даже возможности установить, отечественнаго происхожденія товаръ—или нѣтъ, такъ какъ иностранцы превосходно ихъ поддѣлываютъ, коль скоро это имъ выгодно; эти клейма увеличиваютъ лишь расходы и всевозможныя неудобства;..... изъ-за нихъ къ безъ того непріятнымъ осмотрамъ инспекторовъ, которые все-таки—люди интеллигентные и полны лучшихъ намѣреній, присоединяются еще невыносимые, безъ конца повторяемые осмотры приказчиковъ откупа, людей неразвитыхъ и равнодушныхъ къ пользѣ торговли и промышленности; не получая вознагражденія, они видятъ въ тюкахъ (матерій) лишь поводъ для конфискаціи". Съ этимъ заявленіемъ сопоставляются и другіе такого же рода, но, по словамъ г. Петрова, было бы ошибочно думать, что „точка зрѣнія полнаго отрицанія и рѣшительнаго новаторства въ вопросѣ о регламентаціи такъ характерна для наказовъ. Въ нѣкоторыхъ,—поясняетъ онъ свою мысль,—мы находимъ стремленія совершенно иного рода", и за этимъ слѣдуетъ длинный рядъ заявленій о необходимости даже возстановленія прежнихъ строгостей или только измѣненія содержанія регламентовъ при сохраненіи въ нихъ стараго духа. Интересующіеся вопросомъ найдутъ у г. Петрова массу цѣнныхъ указаній на этотъ счетъ.

На сторонѣ существовавшей системы авторъ насчитываетъ лишь шесть наказовъ. „За то, говоритъ онъ, весьма велика группа наказовъ, проникнутыхъ духомъ реформы, вполнѣ пріемлемой и для правительства стараго порядка: главное требованіе реформистскихъ наказовъ, передача инспекторскихъ функцій избираемымъ представителямъ торгово-промышленнаго класса, пользовалось принципіальнымъ сочувствіемъ въ правительственной средѣ, и лишь нѣкоторыя привходящія соображенія (главнымъ образомъ,—о различіи мѣстныхъ условій) задерживали его проведеніе въ жизни". Что касается до наказовъ, враждебныхъ всякой регламентаціи, то ихъ авторъ насчитываетъ столько же, сколько ре-

формистскихъ. Онъ находитъ интереснымъ выяснить, „не лежитъ ли въ основѣ этого разнорѣчія по частному вопросу болѣе глубокое общее противорѣчіе: быть можетъ, говоритъ онъ, въ противоположность одной категоріи наказовъ, придерживающихся покровительственной системы, другая отстаиваетъ невмѣшательство государства въ судьбы промышленности“? но тотчасъ же объявляетъ, что такое предположеніе было бы совершенно ошибочнымъ. Именно, на нѣсколькихъ примѣрахъ онъ показываетъ, что отрицательное отношеніе къ регламентаціи промышленности уживалось въ наказахъ съ сочувствіемъ „покровительству“. „Такое настроеніе свойственно вообще наказамъ третьяго сословія. Наказъ Орлеанэ, ограничивающій покровительство дарованіемъ „liberté, immunité et sûreté“—рѣдкое исключеніе; большинство же требуетъ „encouragements“ болѣе осязательнаго свойства“. Указавъ на то, какія же поощренія требовались отъ правительства, г. Петровъ заключаетъ главу такими словами:

„Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ вопросѣ объ отношеніи правительства къ промышленности наказы третьяго сословія весьма далеки отъ принципа физіократовъ, теоретиковъ невмѣшательства: „le commerce doit aller tout seul“. Они—за покровительство, но не въ формѣ привилегій, а въ формѣ пособій, ссудъ, премій и почетныхъ отличій. Взгляды наказовъ близки къ правительственной практикѣ конца стараго порядка, установившейся въ 50-хъ годахъ XVIII столѣтія. Придерживаясь попрежнему принципа покровительства, правительство значительно рѣже прибѣгало къ раздачѣ монополій, какъ къ средству покровительства, предпочитая именно тѣ средства поощренія, которыя такъ горячо рекомендуютъ наказы третьяго сословія“.

Отъ вопросовъ промышленности г. Петровъ переходитъ къ вопросамъ торговли. Чаще всего, по его наблюденіямъ, обсуждался въ наказахъ вопросъ о таможенныхъ заставахъ внутри государства и о свободѣ внутренней торговли, насчитывавшій во Франціи уже болѣе полутораста лѣтъ существованія. Значительное даже большинство наказовъ въ этомъ вопросѣ было совершенно солидарно. Одни ограничивались краткой

Библиотека

формулировкой пожеланія о перенесеніи на внѣшнія границы таможенныхъ заставъ, отдѣляющихъ древнюю Францію отъ новой; другіе входятъ въ подробности, но всѣ сходятся во взглядѣ, что уничтоженіе внутреннихъ таможенъ—предметъ „истинно-патріотическихъ желаній“, ибо эти перегородки отчуждаютъ французовъ другъ отъ друга. Однако, даже „въ такомъ назрѣвшемъ вопросѣ, какъ вопросъ объ уничтоженіи внутреннихъ таможенъ, въ вопросѣ, радикальному разрѣшенію котораго вполнѣ сочувствовало правительство“, авторъ указываетъ рядъ компромиссныхъ наказовъ. Но были также cahiers, стоявшіе за сохраненіе таможенныхъ линій внутри государства, именно наказы провинцій à l'instar de l'étranger effectif: Эльзаса, Лотарингіи и Трехъ Епископствъ, которые обыкновенно рѣшительно протестовали противъ перенесенія таможенныхъ заставъ на внѣшнія границы государства, такъ какъ это лишило бы ихъ свободной торговли съ заграничными областями. Кромѣ того, мы видимъ, какъ въ нѣкоторыхъ наказахъ другихъ провинцій партикуляристическія симпатіи скрещиваются съ объединительными, нивеллирующими тенденціями эпохи: „мы,—такъ формулируетъ въ общемъ видѣ историкъ случаи подобнаго рода,—требуемъ упраздненія всѣхъ мѣстныхъ привилегій; если же, однако, онѣ не будутъ цѣликомъ уничтожены, мы просимъ наши привилегіи нерушимо сохранить и даже пріумножить. Мы видимъ, такимъ образомъ, прибавляетъ онъ, что партикуляристическія привычки отразились въ наказахъ: даже въ жгучемъ вопросѣ о таможенномъ объединеніи государства при несомнѣнномъ преобладаніи объединительныхъ симпатій, изрѣдка слышны и партикуляристическіе голоса“.

По вопросу о внѣшнихъ таможняхъ между наказами почти не было разногласій, и даже физіократическій Немурскій бальяжъ не стоялъ на точкѣ зрѣнія свободы торговли. Г. Петровъ перечислилъ всѣ cahiers, „сколько-нибудь прикосновенные къ фритредерству, желая наглядно показать, до чего ихъ мало. Для громаднаго большинства наказовъ третьяго сословія, говоритъ онъ, необходимость внѣшнихъ таможенъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній: въ стереотипной фор-

мулѣ „le reculement des douanes intérieures aux frontières du royaume“ какъ бы противополагается несомнѣнная вредность внутреннихъ заставъ столь же несомнѣнной полезности внѣшнихъ таможенъ. Обыкновенно рѣчь идетъ лишь объ исправленіи, о пересмотрѣ дѣйствующихъ тарифовъ. Со стороны формальной, во-первыхъ, таможенныя ставки должны быть одинаковы на всѣхъ границахъ королевства, во-вторыхъ, тарифъ долженъ быть ясенъ, опредѣленъ, не возбуждать никакихъ сомнѣній“. Упорядоченіе тарифа наказы видѣли или въ покровительствѣ отечественной обрабатывающей промышленности или въ созданіи благопріятнаго для Франціи торговаго баланса. Съ точки зрѣнія идей того времени въ этихъ двухъ различныхъ формулировкахъ авторъ справедливо видитъ по существу одно и то же.

Разсматривая этотъ вопросъ, г. Петровъ массою выдержекъ изъ наказовъ доказываетъ, что къ вывозу сырья за границу наказы относились вполнѣ отрицательно, требуя вывозныхъ пошлинъ и даже совершеннаго запрещенія вывоза, что, наоборотъ, вывозъ французскихъ мануфактуратовъ они предлагали всячески поощрять (освобожденіемъ отъ вывозныхъ пошлинъ, возвращеніевъ акцизныхъ сборовъ, прямыми преміями). Равнымъ образомъ, всѣ наказы сходились въ требованіи ввозныхъ пошлинъ или умѣренно-покровительственныхъ, или даже рѣзко-запретительныхъ. Приводя взгляды наказовъ на внѣшнюю торговлю, г. Петровъ останавливается и на ихъ аргументаціи. Къ сожалѣнію, бо́льшая часть формулировокъ въ наказахъ страдаетъ неопредѣленностью, и авторъ не рѣшается сказать, какая точка зрѣнія преобладала, находя только, что и умѣренно-покровительственной, и запретительной „совершенно, повидимому, несвойственно позднѣйшее историческое пониманіе задачъ протекціонизма (со времени Ф. Листа), которое, однако, не чуждо было уже Кольберу. Съ точки зрѣнія наказовъ охранительный тарифъ—постоянное орудіе политики „торговаго баланса“. Сопоставляя умѣренно-покровительственное требованіе одного наказа и запретительное пожеланіе другого съ программою, формулированною Кольберомъ („понизить до

крайности вывозныя пошлины на продукты собственныхъ мануфактуръ, уменьшить ввозныя пошлины на необходимое для фабрикъ сырье и закрыть доступъ произведеніямъ иностранной промышленности поднятіемъ, до возможно высокаго уровня, взимаемыхъ съ нихъ пошлинъ"), авторъ констатируетъ совпаденіе основъ тарифной политики, защищаемой въ указанныхъ наказахъ, съ тѣми задачами въ этой области, которыя ставилъ себѣ министръ Людовика XIV. Если, однако, Кольберъ смотрѣлъ на свою тарифную политику лишь какъ на временные „костыли", то въ наказахъ третьяго сословія 1789 г., по наблюденіямъ г. Петрова, никогда не указывается, что охранительно-запретительныя мѣры имѣютъ лишь преходящее значеніе.

„Зная, на какихъ принципахъ громадное большинство наказовъ желаетъ построить таможенную политику Франціи, мы, продолжаетъ авторъ, можемъ предугадать отношеніе наказовъ къ торговому договору съ Англіей, заключенному въ 1786 году. Торговый договоръ 1786 г.—одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ въ томъ рядѣ мѣропріятій, посредствомъ которыхъ французское правительство стремилось реформировать таможенную политику внутри государства—установленіемъ свободы торговли, во внѣшней торговлѣ—путемъ заключенія ряда торговыхъ договоровъ, близкихъ къ принципамъ „свободной торговли". Но фритредерство, какъ было сказано, совершенно чуждо наказамъ третьяго сословія; понятно поэтому, что отношеніе наказовъ къ торговому договору 1786 г.—рѣзко отрицательное". Это общее положеніе иллюстрируется какъ всегда у автора, множествомъ выдержекъ, показывающихъ, какъ непопуляренъ былъ англо-французскій договоръ 1786 г. Столь же подробно разсматриваются далѣе требованія, касающіяся спеціальныхъ интересовъ морской торговли, порто-франко, каботажа и т. п. съ очень любопытными ссылками на то, какъ французскій торговый классъ относился къ кромвелевскому навигаціонному акту 1651 г. О послѣднемъ наказы иногда говорили, какъ объ образцѣ для подражанія. „Правда, замѣчаетъ г. Петровъ, самое упоминаніе объ актѣ имѣется лишь въ меньшинствѣ наказовъ;

но съ этимъ намъ пришлось бы считаться лишь въ томъ случаѣ, если бы нужно было прослѣдить вліяніе англійскаго законодательства на воззрѣнія наказовъ, тогда какъ намъ для характеристики воззрѣній наказовъ важно лишь констатировать совпаденіе взглядовъ наказовъ по вопросу о морской торговлѣ съ кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи меркантилистической системы". Это совпаденіе авторъ и прослѣживаетъ на разборѣ высказываемыхъ въ наказахъ пожеланій. Между прочимъ, навигаціонный актъ былъ враждебенъ частнымъ привилегіямъ, такъ какъ его цѣлью было уравненіе всѣхъ англійскихъ подданныхъ въ извлеченіи выгодъ изъ морской и колоніальной торговли. Наказы третьяго сословія относятся большею частью отрицательно къ привилегированнымъ компаніямъ, стоя за свободу колоніальной торговли для всѣхъ французскихъ подданныхъ, но только для французскихъ, ибо въ духѣ навигаціоннаго акта 1651 года они рѣшительно настаиваютъ на устраненіи иностранцевъ отъ торговыхъ сношеній съ французскими колоніями и на воспрещеніи колоніямъ сбывать свои продукты куда-либо, кромѣ метрополіи. Г. Петровъ упоминаетъ, что этотъ запретительный принципъ проводился и въ торговой политикѣ правительства, но что въ послѣдній періодъ стараго порядка колоніальный режимъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ, причемъ въ торговой сферѣ были проведены кое-какія реформы (которыя имъ и перечисляются). Какъ отступленія отъ прежней системы, эти реформы подверглись въ наказахъ осужденію, очень притомъ иногда рѣзкому. Обозрѣвъ массу относящихся къ вопросу заявленій, авторъ замѣчаетъ, что наказы такъ же понимаютъ роль колоній въ національной экономической жизни, какъ понимали ее государственные люди старой Франціи: „колоніи были предназначены къ тому, чтобы изъ первыхъ рукъ доставлять метрополіи продукты, которыхъ она сама не производитъ".

Слѣдующій вопросъ, разсматриваемый въ работѣ г. Петрова, это—вопросъ о политикѣ хлѣбной торговли, на которомъ, какъ извѣстно, французскіе экономисты и политики XVIII в. сосредоточивали много вниманія. „Онъ, под-

черкиваетъ авторъ, сильно занималъ и правительство; во второй половинѣ столѣтія, подъ вліяніемъ противоположныхъ теченій, оно три раза измѣняло политику; реформы, направленныя къ освобожденію хлѣбной торговли, смѣнялись возвращеніемъ регламентовъ и запретовъ; но окончательное рѣшеніе не было найдено. Неудивительно, что этотъ вопросъ сильно занимаетъ депутатскіе наказы 1789 г.". Прежде всего, въ работѣ нашего историка рѣчь идетъ о вопросахъ внутренней торговли хлѣбомъ. Изъ того, что по этому предмету говорятъ наказы третьяго сословія, дѣлается тотъ выводъ, что, „по взгляду наказовъ, свобода внутренней торговли хлѣбомъ не есть универсальное средство для достиженія той цѣли хлѣбной политики, которую они преслѣдуютъ: это—средство, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ полезно, въ другихъ опасно, иногда же—несущественно. Цѣль же, указываемая въ наказахъ,—стремиться къ удешевленію хлѣбныхъ цѣнъ. Физіократическій наказъ Немурскаго бальяжа не могъ, конечно, стать на такую точку зрѣнія безъ ущерба для самыхъ основъ физіократической политики; понятно поэтому несовпаденіе его программы съ пожеланіями другихъ наказовъ, несовпаденіе, часто переходящее въ противоположность". Разобравъ множество отдѣльныхъ предложеній, касающихся хлѣбной торговли, г. Петровъ приходитъ къ тому заключенію, что пожеланія наказовъ по вопросу о хлѣбной торговлѣ весьма далеки отъ программы „laisser faire", формулируемой немурскимъ наказомъ и наказомъ прихода Chevannes, представителемъ котораго былъ Дюпонъ. „Это, продолжаетъ онъ, не расхожденіе въ частностяхъ, а различіе въ принципахъ". Именно, онъ приводитъ разсужденіе наказа Chevannes, составитель котораго аргументируетъ, вопреки обыкновенію наказовъ, не съ точки зрѣнія потребителя, а съ точки зрѣнія производителя: „фермеры арендуютъ землю для того, чтобы воспользоваться ея урожаемъ. Этотъ урожай—плодъ ихъ предварительныхъ затратъ, плодъ ихъ труда въ потѣ лица. Они расчитывали, что въ годы плодородія они получатъ хорошій урожай и могутъ продавать хлѣбъ дешево; въ годы же недорода, собравъ мало,

они смогутъ вознаградить себя высокой цѣной. Съ такимъ расчетомъ они заключили аредный договоръ, который санкціонировала государственная власть. Она приняла формальное обязательство не мѣшать съ своей стороны выполненію условій, на которыхъ договоръ заключенъ; она нарушаетъ важнѣйшее изъ нихъ, когда старается регулировать хлѣбныя цѣны".—„Какъ чужды нашимъ наказамъ эти воззрѣнія теоретика-физіократа! восклицаетъ г. Петровъ. Другія общественныя симпатіи, другая отправная точка зрѣнія; другіе аргументы, другіе выводы".

Объ условіяхъ ввоза хлѣба наказы почти вовсе не говорятъ и, повидимому, традиціонная политика правительства, разрѣшавшая свободный ввозъ хлѣба, не встрѣчала со стороны наказовъ возраженій. Но ихъ мнѣнія относительно вывоза хлѣба были чрезвычайно разнообразны,—начиная съ неограниченной свободы вывоза и кончая полнымъ его запретомъ. Впрочемъ, г. Петрову удалось найти только три наказа въ пользу адептовъ неограниченной свободы, и онъ обращаетъ вниманіе читателя на то, что среди нихъ нѣтъ немурскаго наказа; „въ случаяхъ рѣзкаго столкновенія доктрины съ господствующимъ общественнымъ мнѣніемъ авторъ немурскаго наказа предпочитаетъ обходить вопросъ молчаніемъ". Есть еще группа наказовъ, которые хотя и признаютъ свободу вывоза, какъ общее правило, но допускаютъ ограниченіе ея въ случаяхъ неурожая и чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ. Къ этой группѣ г. Петровъ относитъ 10 наказовъ. Полнаго воспрещенія вывоза хлѣба требуютъ всего 5 областныхъ и городскихъ наказовъ. Значительно больше наказовъ (21), считающихъ запрещеніе вывоза нормальнымъ порядкомъ, отъ котораго въ извѣстныхъ случаяхъ можно, однако, отступать. Наконецъ, есть группа наказовъ (12), которые не высказываются принципіально за ту или другую политику, а предлагаютъ всецѣло сообразоваться съ требованіями момента. Кромѣ того, нашъ изслѣдователь сопоставляетъ мнѣнія наказовъ третьяго сословія съ взглядами Кольбера по вопросу о хлѣбной торговлѣ. Это была политика низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, „можетъ быть, полезныхъ

для потребителя, но крайне вредныхъ для производителя“, и какъ разъ ея придерживалось большинство наказовъ третьяго сословія.

Послѣдними рубриками анализа содержанія наказовъ третьяго сословія по вопросамъ торговли являются кредитъ и организація торгово-промышленнаго класса. По первому вопросу cahiers высказываются противъ запрещенія французскимъ законодательствомъ срочныхъ процентныхъ ссудъ. „Насколько часто, замѣчаетъ г. Петровъ, говорятъ наказы о разрѣшеніи частнаго кредита, настолько рѣдко говорится въ нихъ объ организаціи общественнаго кредита, т. е. о банкахъ. Повидимому, наказы отразили на себѣ опасливое отношеніе французскаго общества XVIII вѣка къ банковымъ предпріятіямъ (послѣ крушенія системы Ло)“. Что касается организаціи торгово-промышленнаго класса, то подъ нею разумѣются въ главныхъ торговыхъ городахъ и коммерческіе суды изъ выборныхъ представителей торговаго класса, и торговыя палаты, тоже составленныя изъ выборныхъ представителей торгово-промышленнаго класса и обязанныя „обсуждать и составлять предложенія, способныя, по ихъ мнѣнію, облегчить и расширить торговую дѣятельность, а также указывать въ жалобахъ на то, что противно пользѣ торговли“. Имъ также было ввѣрено избраніе депутатовъ торговли, которые должны были освѣдомлять правительство о мѣстныхъ торговыхъ нуждахъ и принимать участіе въ разработкѣ законопроектовъ по дѣламъ торговли. Институтъ коммерческихъ судовъ одобряло громадное большинство наказовъ, и вся ихъ критика сводилась къ разбору отдѣльныхъ дефектовъ, всѣ ихъ пожеланія—къ упроченію этихъ судовъ и къ расширенію ихъ компетенціи. Такимъ же было отношеніе наказовъ третьяго сословія и къ торговымъ палатамъ. Стремясь обезпечить за торговыми палатами больше вліянія на торговую политику правительства, наказы настаивали на укрѣпленіи связи между торговыми палатами и депутатами торговли, членами „Королевскаго совѣта по дѣламъ торговли“.

Свою интересную работу г. Петровъ заканчиваетъ об-

щими выводами, занимающими въ ней 8—9 страницъ. Онъ ставитъ здѣсь вопросъ объ общемъ содержаніи требованій изученныхъ имъ безъ малаго трехсотъ наказовъ касательно промышленности и торговли, т. е. вопросъ „объ основѣ торгово-промышленной политики наказовъ“ или о томъ, „какія экономическія воззрѣнія по преимуществу выражены въ наказахъ“. Исходнымъ пунктомъ своего отвѣта на этотъ вопросъ авторъ дѣлаетъ мнѣніе М. М. Ковалевскаго о томъ, что эти документы „отразили на себѣ довольно яркое вліяніе той теоріи государственнаго невмѣшательства въ экономическую дѣятельность, которую Гурнэ высказалъ въ извѣстномъ афоризмѣ—„laissez faire“ и которая на цѣлое столѣтіе опредѣлила собою характеръ господствующей экономической доктрины и политику европейскихъ правительствъ по отношенію къ промысламъ и торговлѣ“. Г. Петровъ изъ всего изложенія названнаго ученаго, въ особенности же изъ вступительныхъ строкъ къ параграфу, въ которомъ находятся приведенныя слова, правильно усматриваетъ, что проф. Ковалевскій имѣлъ въ виду доктрину физіократовъ, но не соглашается съ этимъ. „Физіократы, говоритъ онъ, отстаивая въ интересахъ земледѣлія постоянныя, но высокія цѣны на хлѣбъ, требовали невмѣшательства государства во внутреннюю торговлю хлѣбомъ и свободы вывоза хлѣба; ввозныя же пошлины, повидимому, ими допускались; наказы, отстаивая низкія хлѣбныя цѣны, требуютъ вмѣшательства государства путемъ устройства общественныхъ магазиновъ, преслѣдованія скупокъ и т. п., требуютъ ограниченія или воспрещенія вывоза хлѣба; ввозу же слѣдуетъ, наоборотъ, покровительствовать. Во внѣшнемъ обмѣнѣ физіократы рекомендуютъ активную торговлю сырыми продуктами и пассивную—продуктами обрабатывающей промышленности; они отстаиваютъ принципъ свободы торговли; сознавая необходимость *постепеннаго* проведенія въ жизнь этого принципа, физіократы привѣтствуютъ торговый договоръ 1786 г.; наказы высказываются за таможенную политику, содѣйствующую пассивной торговлѣ сырыми продуктами и активной торговлѣ фабрикатами; отсюда, въ частности, требованіе высокаго охранительнаго обложенія

иностранныхъ издѣлій и протестъ противъ договора 1786 года. Что касается морской и колоніальной торговли, физіократы, слѣдуя принципамъ свободы торговли, требуютъ уничтоженія торговыхъ монополій; наказы также протестуютъ противъ привилегій торговыхъ компаній, но не въ интересахъ свободы торговли: они настойчиво требуютъ ограниченія иностраннаго торговаго судоходства и совершеннаго недопущенія иностранцевъ во французскія колоніи. Въ вопросѣ о кредитѣ физіократы высказывались за высокій ссудный процентъ и были противниками его законодательной нормировки [1]); наказы же, отстаивая низкій процентъ, требуютъ вмѣшательства государства путемъ законодательной его нормировки. Не проводится идея невмѣшательства и въ пожеланіяхъ наказовъ, касающихся промышленности: въ противоположность физіократамъ, наказы требуютъ и въ этой области encouragements, а на охранительную тарифную политику смотрятъ какъ на лучшее средство такого „поощренія“.

Что касается регламентаціи промышленности и цехового устройства, продолжаетъ г. Петровъ, то въ этихъ вопросахъ наказы, какъ онъ показалъ, не единодушны. „Но, можетъ быть, вліяніе физіократическаго ученія проявляется, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ наказахъ, которые рѣшаютъ эти вопросы такъ же, какъ рѣшали ихъ физіократы?“ Авторъ не считаетъ себя въ правѣ a priori это утверждать: „въ отрицательномъ отношеніи къ цехамъ и къ регламентаціи, точно такъ же, какъ въ отрицательномъ отношеніи къ привилегіямъ и къ внутреннимъ таможнямъ, нѣтъ ничего спеціально-физіократическаго; такіе взгляды высказывали представители различныхъ экономическихъ направленій. Если изъ мотивировки требованія не видно, что оно внушено физіократіей, слѣдуетъ вчитаться въ другія требованія того же наказа, посмотрѣть, не формулированы ли они также въ согласіи съ

[1]) Кенэ еще признавалъ необходимымъ законодательное опредѣленіе максимальнаго процента; но позднѣйшіе представители доктрины, болѣе близкіе къ эпохѣ составленія наказовъ, Тюрго и Дюпонъ, высказались за невмѣшательство.

физіократическими принципами". Но и такого совпаденія въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ онъ не находитъ: „требуя упраздненія цеховъ, внутреннихъ таможенъ и пр., наказы въ то же время предлагаютъ мѣрами государственнаго вмѣшательства понизить хлѣбныя цѣны, установить запретительные тарифы и т. п.".

Впрочемъ, возражая такимъ образомъ, г. Петровъ указываетъ на то, что „нѣкоторые наказы, говоря о значеніи земледѣлія въ національномъ хозяйствѣ, опредѣляютъ его роль въ духѣ и въ формулахъ физіократовъ", но, оговаривается онъ дальше, „эти физіократическія заявленія ни къ чему не обязываютъ даже эти нѣсколько подверженные физіократіи наказы: изъ физіократическихъ посылокъ они не дѣлаютъ физіократическихъ выводовъ, и все остальное содержаніе оказывается въ полномъ противорѣчіи съ ними". Другими словами, „даже затронутые физіократіей наказы не идутъ дальше воспріятія формулъ, которыя остаются мертвымъ придаткомъ, не вліяютъ на содержаніе конкретныхъ требованій". Г. Петровъ особенно подчеркиваетъ, что „ни одно требованіе торгово-промышленной политики, спеціально свойственное физіократамъ, не стало общимъ достояніемъ наказовъ третьяго сословія. Но, можетъ быть, воздѣйствіе физіократовъ можно обнаружить, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ пунктахъ программы наказовъ, въ которыхъ взгляды физіократовъ совпадали съ воззрѣніями остальныхъ реформаторовъ той эпохи? Для отвѣта на этотъ вопросъ наказы вовсе не даютъ намъ матеріала", прибавляетъ авторъ.

Г. Петровъ совѣтуетъ вообще не удивляться тому, что вліяніе физіократовъ могло быть лишь столь незначительнымъ: эта „секта экономистовъ", эти „доктринеры" (les hommes à système; самое слово système имѣло дурной смыслъ по ассоціаціи съ „системой" Ло) пользовались еще нѣкоторымъ успѣхомъ въ началѣ своей дѣятельности; впослѣдствіи же довѣріе къ нимъ сильно упало". Ихъ роль въ идейной жизни французскаго общества того времени онъ считаетъ поэтому сильно преувеличенною позднѣйшими историками и усваиваетъ взглядъ Левассера: „если эта

школа и надѣлала много шума, нельзя, во всякомъ случаѣ, сказать, что общественное мнѣніе глубоко проникло ея ученіемъ; оно поддерживалось лишь въ тѣсномъ кругу учениковъ: это дало основаніе противникамъ школы назвать ее „сектой“. „Даже М. М. Ковалевскій, продолжаетъ авторъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи ограничиваетъ свое первоначальное заявленіе, говоря о „не столько положительномъ, сколько отрицательномъ воздѣйствіи физіократовъ на людей 1789 г.“, въ томъ числѣ на составителей cahiers. Въ связи съ этимъ онъ, между прочимъ, признаетъ, что физіократы „неспособны поколебать вѣру въ необходимость регламентировать хлѣбную торговлю и даже устанавливать максимумъ цѣнъ на продукты первой необходимости“, терпятъ полное пораженіе въ вопросѣ о свободѣ внѣшней торговли; однако,—и въ этомъ состоитъ отрицательное воздѣйствіе,—„они доставили дѣятелямъ революціи критерій для сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ всей существующей въ ихъ время экономической и общественной организаціи; они подняли знамя возстанія противъ меркантилизма и цеховой исключительности, провозгласили свободу собственности, свободу труда“. Критикъ признаётся, что не располагаетъ въ наказахъ какими-либо твердыми данными для рѣшенія вопроса объ„ отрицательномъ воздѣйствіи“, да и не видитъ въ этомъ вопросѣ большого интереса, считая гораздо болѣе важнымъ разрѣшить вопросъ о „положительномъ воздѣйствіи“.

По его мнѣнію, хорошо обоснованному, принципы физіократіи въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда наказы ихъ высказывали, оставались мертвою буквою, и наоборотъ, „основное положеніе меркантилизма, идея выгоднаго торговаго баланса, является въ наказахъ третьяго сословія всепроникающимъ принципомъ, объединяющимъ отдѣльныя пожеланія, придающимъ ихъ совокупности характеръ системы. Озабоченные тѣмъ, аргументируетъ авторъ, чтобы французская звонкая монета не уплывала за границу, наказы въ согласіи съ принципами меркантилизма предлагаютъ такъ регулировать внѣшній обмѣнъ, чтобы предметами активной торговли были продукты обрабатывающей промышленности, болѣе до-

рогіе, предметами же пассивной—сырые продукты, болѣе дешевые. Важнѣйшее средство для достиженія этой цѣли—тарифная политика, освобождающая отъ пошлинъ ввозимое сырье и затрудняющая ввозъ фабрикатовъ; наоборотъ, вывозъ отечественныхъ фабрикатовъ долженъ быть совершенно свободенъ; ему слѣдуетъ даже оказывать поощреніе (путемъ премій, возвращенія акцизныхъ сборовъ). Чтобы вывозъ могъ достигнуть широкихъ размѣровъ, необходимо приложить всѣ усилія къ развитію отечественной обрабатывающей промышленности. Однимъ изъ такихъ средствъ въ программѣ первоначальнаго меркантилизма было надѣленіе предпринимателей монополіями; противъ монополій, какъ противъ всѣхъ „привилегій и изъятій“, наказы горячо протестуютъ; но отбрасывая, какъ негодное, это средство, наказы рѣшительно поддерживаютъ другіе пункты меркантилистической программы. Слѣдуетъ давать „поощренія“ (encouragements) предпринимателямъ въ видѣ премій, ссудъ, пособій. Для достиженія успѣха въ вывозной торговлѣ важно удешевить стоимость отечественныхъ фабрикатовъ. Во-первыхъ, надо уничтожить отягчающіе ихъ поборы, прежде всего таможенныя пошлины внутри государства; къ этому стремился еще Кольберъ; на уничтоженіи внутреннихъ таможенъ настаиваетъ громадное количество наказовъ. Во-вторыхъ, необходимо удешевить самое производство; для этого прежде всего нужно обезпечить отечественной промышленности обильное и дешевое сырье; вполнѣ въ духѣ меркантилизма наказы предлагаютъ воспретить вывозъ сырыхъ продуктовъ за границу, а иностранное сырье привлекать посредствомъ премій. Важнымъ средствомъ для обезпеченія выгоднаго торговаго баланса меркантилисты считали удешевленіе ссуднаго процента, такъ какъ дешевизна кредита удешевляетъ производство; въ согласіи съ этимъ наказы настойчиво требуютъ разрѣшенія роста и законодательной нормировки процента ради его возможнаго пониженія. Необходимо, наконецъ, обезпечить отечественной промышленности дешевыя рабочія руки. Меркантилистскіе политики старались достигнуть этого двумя путями: во-первыхъ, суровымъ преслѣдованіемъ

рабочихъ союзовъ (наказы, какъ мы видѣли, добиваются ихъ запрещенія); во-вторыхъ, системой мѣропріятій, направленныхъ къ удешевленію съѣстныхъ припасовъ, прежде всего—хлѣба; вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ разрѣшается задача дешеваго продовольствія города сельскими продуктами. Задача хлѣбной политики наказовъ меркантилистическая: достиженіе дешевыхъ хлѣбныхъ цѣнъ. Средства—тѣ же, которыми издавна пользовались политики-меркантилисты: препятствовать вздорожанію запрещеніемъ скупокъ зерна, содѣйствовать удешевленію учрежденіемъ государственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, воспрещеніемъ продавать хлѣбъ гдѣ-либо, кромѣ рынка, иногда установленіемъ хлѣбныхъ таксъ; той же цѣли служитъ внѣшняя политика: вывозъ хлѣба можетъ быть разрѣшаемъ, лишь когда Франціи обезпечены низкія хлѣбныя цѣны; наоборотъ, ввозъ хлѣба во Францію всегда долженъ быть свободенъ. Такъ какъ границу Франціи съ сѣверо-запада, запада и отчасти съ юга составляетъ прибрежная морская полоса, важное значеніе въ дѣлѣ внѣшней торговли, которой наказы, въ духѣ меркантилизма, придаютъ такое большое значеніе, пріобрѣтаетъ морская торговля. Необходимо поэтому развить морское судоходство: наказы предлагаютъ для этого въ духѣ навигаціоннаго акта 1651 года рядъ мѣръ, направленныхъ къ устраненію (по возможности) иностранцевъ и къ монополизаціи морскихъ торговыхъ сношеній въ рукахъ французовъ. Развитіе отечественнаго морского судоходства имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что даетъ возможность должнымъ образомъ использовать выгоды колоніальной торговли. Колоніальной торговлѣ меркантилистическая политика придавала большое значеніе: съ колоніями легче всего было установить „выгодный торговый балансъ“, такъ какъ метрополія могла сбывать въ колоніи свои фабрикаты и по дешевой цѣнѣ получать оттуда сырье. Эта политика, всецѣло жертвующая интересами колоній ради выгодъ метрополіи, съ большой настойчивостью проводится въ наказахъ: необходимо, по взгляду наказовъ, совершенно запретить торговыя сношенія французскихъ колоній съ иностранцами, а торговыя отношенія колоній къ метрополіи

урегулировать такимъ образомъ, чтобъ сырые продукты колоній, не подвергаясь обработкѣ на мѣстѣ, доставлялись въ метрополію для нуждъ ея промышленности“ [1]).

Но, можетъ быть, этому сближенію требованій наказовъ съ принципами меркантилизма противорѣчитъ то, что наказы удѣляютъ довольно много вниманія нуждамъ земледѣлія, которое очень часто характеризуется, какъ „первое богатство государства“? Авторъ думаетъ, что противорѣчія тутъ нѣтъ. „Во второй половинѣ XVIII вѣка, говоритъ онъ, жизнь выдвинула на первый планъ вопросы сельскаго хозяйства. Это выразилось и въ литературѣ, проникшейся интересомъ къ земледѣлію, выразилось въ частности въ доктринѣ физіократовъ. Наказы не остались глухи къ голосу общественнаго мнѣнія и вобрали, вшитали въ себя тѣ требованія изъ области сельско-хозяйственной культуры, которыя занимали интеллигенцію, тѣ требованія по части улучшенія крестьянскаго быта, которыя волновали крестьянъ. Однако, это не отразилось на торгово-промышленныхъ воззрѣніяхъ наказовъ, сохранившихъ всѣ привычки меркантилистической мысли: въ вопросѣ о хлѣбной торговлѣ наказы рѣшительно отстаиваютъ программу меркантилистической политики къ явному ущербу для „перваго богатства государства“; агрикультурныя симпатіи оказываются безспльными, а основы—непоколебленными.“

Я позволилъ себѣ эти длинныя выписки изъ статьи г. Петрова въ виду того, что въ нихъ онъ подводитъ итоги подъ такими детальными требованіями наказовъ, которыя я пропускалъ при изложеніи содержанія его статьи. Притомъ, авторъ очень рельефно на этихъ страницахъ отмѣчаетъ черты различія между содержаніемъ наказовъ и ученіемъ физіократовъ и черты сходства между этимъ содержаніемъ и меркантилизмомъ. Не будемъ, однако, при этомъ забывать, что рѣчь идетъ не о наказахъ вообще, а только о наказахъ, на содержаніи которыхъ отразились интересы и стремленія

[1]) Г. Петровъ не включилъ въ это сближеніе отношенія наказовъ къ цехамъ и къ регламентаціи промышленности, ибо въ этихъ вопросахъ среди наказовъ, какъ мы видѣли, нѣтъ единодушія.

торгово-промышленнаго класса, идеологія котораго въ экономическихъ вопросахъ была меркантилистическая: вѣдь это еще не значитъ, что на такой же точкѣ зрѣнія стояли духовенство, дворянство, крестьяне, экономическія пожеланія которыхъ еще ждутъ изслѣдователя.

Изъ своего взгляда на меркантилистическій характеръ требованій буржуазіи въ областяхъ промышленности и торговли г. Петровъ дѣлаетъ еще одинъ важный общій выводъ. Въ своей работѣ онъ не разъ имѣлъ случай отмѣчать „совпаденіе многихъ пунктовъ программы наказовъ третьяго сословія, программы общественнаго обновленія, со взглядами государственныхъ людей старой Франціи“: предъявляя свои требованія, cahiers руководились тѣми же экономическими идеями, которымъ слѣдовали въ своей дѣятельности и правители государства. Поэтому нѣтъ принципіальнаго противорѣчія между торгово-промышленными программами наказовъ и правительства. „Противорѣчіе, говоритъ авторъ, появляется лишь тогда, когда правительство порываетъ съ традиціей: торговый договоръ 1786 года заключенъ подъ вліяніемъ фритредеровъ, наказы третьяго сословія полны жалобъ на этотъ договоръ; постановленіе Совѣта отъ 30-го августа 1784 г. допустило иностранцевъ во французскія колоніи, наказы обрушиваются на это постановленіе“. Это не значитъ, что наказы были довольны существующимъ порядкомъ: они были имъ такъ же недовольны, какъ недоволенъ былъ всякій сознательный дѣятель стараго порядка, какъ недовольно было и само правительство, стремившееся къ реформамъ. „Рѣшительное недовольство наказовъ вызываютъ внутреннія таможни: въ единеніи съ правительствомъ они требуютъ ихъ уничтоженія. Много нареканій вызываетъ порядокъ регламентаціи промышленности; въ наказахъ одинаково сильно представлены сторонники ея отмѣны и ея реформы. Правительство усваивало точку зрѣнія общества; устами аббата Террэ оно называло инспектора „совѣтникомъ фабриканта, руководителемъ въ его трудѣ“ и т. п. Нельзя, продолжаетъ г. Петровъ, говорить о взглядѣ наказовъ третьяго сословія (какъ цѣлаго) на цехи: здѣсь одинаково сильно представлены обѣ противо-

положныя точки зрѣнія. Правительство какъ бы шло по линіи наименьшаго сопротивленія, не отмѣняя цеховъ, но реформируя ихъ устройство. Въ старомъ строѣ было много безпорядка, мало однообразія, много изъятій: идетъ ли рѣчь о привилегіяхъ, объ условіяхъ хлѣбной торговли, о колоніяхъ или о существующей системѣ тарифовъ, наказы требуютъ исправленія всѣхъ этихъ „злоупотребленій“. Имъ чуждо желаніе ломать самые институты. Особенно ярко доказываютъ это требованія наказовъ по вопросамъ организаціоннымъ, вопросамъ, близкимъ сердцу третьяго сословія: наказы высоко цѣнятъ тѣ судебные и представительные институты, которые составляли при старомъ порядкѣ организацію торгово-промышленнаго класса; они желаютъ ихъ укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія“. Поэтому, по словамъ г. Петрова, „не духомъ революціи, а духомъ реформы вѣетъ отъ всей торгово-промышленной программы наказовъ третьяго сословія, и не правительство Людовика XVI стало бы препятствовать ея проведенію въ жизнь. Если бы весь споръ представителей націи съ правительствомъ исчерпывался вопросами, разобранными въ настоящей работѣ, слѣдовало бы признать, что не странной претензіей, не бутадой были слова Людовика XVI, сказанныя въ королевскомъ засѣданіи Генеральныхъ Штатовъ 23-го іюня 1789 года: „зная ваши наказы, зная, что между всеобщимъ желаніемъ націи и моими благодѣтельными намѣреніями существуетъ полное соотвѣтствіе, я буду питать ту полную увѣренность, которую она должна внушать эта столь рѣдкая гармонія“. Но дѣло какъ-разъ въ томъ, что суть спора представителей націи съ правительствомъ заключалась не въ вопросахъ, постановку которыхъ въ наказахъ торгово-промышленнаго класса изучалъ г. Петровъ.

Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ „Вопросовъ промышленности и торговли“ весьма интересны, и нужно только желать, чтобы онъ продолжалъ свои изслѣдованія въ той же области, идя правильнымъ путемъ по возможности исчерпывающаго извлеченія изъ наказовъ тѣхъ данныхъ по разнымъ вопросамъ, какія только тамъ имѣются. Безъ

Фундаментальной Научной библіотеки Ур. Г. У.

изученія наказовъ нельзя, собственно говоря, ступить ни одного шага въ занятіяхъ экономическою исторіею послѣдней поры стараго порядка и революціи. Между тѣмъ многіе историки ими пренебрегаютъ, считая ихъ недостаточно надежнымъ источникомъ. Но вѣдь на то и существуетъ историческая критика, чтобы умѣло пользоваться свидѣтельствами прошлаго. Г. Петровъ знакомъ съ вопросомъ о степени цѣнности наказовъ, какъ историческаго источника, и читалъ объ этомъ предметѣ капитальный трудъ А. М. Ону, первое начало котораго было заложено также на практическихъ занятіяхъ подъ моимъ руководствомъ много лѣтъ тому назадъ, когда авторъ его еще сидѣлъ на студенческой скамьѣ.[1])

Экономическою исторіей Франціи занимались нѣкоторые русскіе ученые, но не всегда они, къ сожалѣнію, обращали должное вниманіе на наказы. Лѣтъ двадцать тому назадъ одинъ изъ нашихъ спеціалистовъ по XVIII в. во Франціи, Г. Е. Аѳанасьевъ въ своей докторской диссертаціи „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в.“ (1892), переведенной и на французскій языкъ, совсѣмъ не изслѣдовалъ вопроса о томъ, какъ къ этому вопросу отнеслись наказы, хотя и сказалъ нѣсколько словъ объ этомъ, оказавшихся не вполнѣ вѣрными. Въ ближайшее къ намъ время ту же ошибку повторилъ Е. В. Тарле въ своемъ обширномъ трудѣ „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи“ (1909—1911), какъ я уже указалъ на это въ своей статьѣ объ этой книгѣ [2]). Работа г. Петрова заключаетъ въ себѣ

[1]) А. Ону. Выборы 1789 г. во Франціи и наказы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія истинному настроенію страны. Спб. 1908.

[2]) См. въ „Рус. Бог.“ за 1911 г., V, стр. 15—18. Недостаточно внимательное отношеніи къ наказамъ тамъ, гдѣ безъ нихъ совсѣмъ нельзя обойтись, обнаружено было мною еще въ извѣстномъ трудѣ проф. П. Н. Ардашева „Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка“ (1900 и 1906), о чемъ см. въ моемъ отзывѣ объ этой книгѣ, помѣщенномъ въ академическомъ „Отчетѣ о тринадцатомъ присужденіи преміи митрополита Макарія“ (стр. 38—39 или 16—17 отдѣльнаго оттиска. Спб. 1910).

кое-что восполняющее пробѣлы въ почтенныхъ трудахъ гг. Афанасьева и Тарле, въ первомъ—по вопросу о томъ, какъ отнеслись наказы къ существовавшей во Франціи регламентаціи хлѣбной торговли, во второмъ—по вопросамъ о сельской обрабатывающей промышленности и о торговомъ договорѣ 1786 г. съ Англіей.

II.

Въ упомянутой статьѣ своей о книгѣ Е. В. Тарле [1]) я указалъ, какое важное значеніе имѣетъ въ ней рядъ страницъ второго тома (стр. 78 и слѣд.), посвященныхъ вопросу о распространенности во Франціи обрабатывающей промышленности въ деревняхъ. Это — вопросъ, которому, — выражаясь словами автора, — особенно не повезло, и крупною его заслугою было то, что онъ имъ занялся болѣе, чѣмъ кто-либо другой [2]). Французская научная критика уже успѣла оцѣнить эту работу, совершенную авторомъ „Рабочаго класса“, такъ какъ онъ выпустилъ въ свѣтъ и переводъ соотвѣтственныхъ страницъ названнаго труда подъ заглавіемъ „L'industrie dans les campagnes en France à la fin de l'ancien régime“ (Paris 1910).

Деревенская промышленность издавна существовала во Франціи, но была легализована только въ 1762 г. спеціальнымъ эдиктомъ, который разрѣшилъ крестьянамъ выдѣлку всякихъ тканей безъ обязанности входить въ составъ цеховъ, но съ подчиненіемъ всѣмъ правиламъ, регламентировавшимъ промышленность. Общее значеніе сельской индустріи, по хорошо обоснованному мнѣнію проф. Тарле, заключалось въ томъ, что она нанесла сильный ударъ цеховой организаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подорвала еще регламентацію промышленности, такъ какъ надзоръ за деревенскою промышленностью оказался совсѣмъ невыполнимымъ. Изслѣдователь собралъ массу данныхъ, свидѣтельствующихъ о развитіи во Франціи передъ

[1]) Русская книга о французскихъ рабочихъ въ эпоху великой революціи („Русское Богатство“, май и іюнь 1911 года).

[2]) О томъ же предметѣ см. еще стр. 384, 400, 442 и др. второго тома

революціей сельской индустріи. Хотя я, съ своей стороны, могъ бы привести рядъ свидѣтельствъ о томъ, что цѣлыя области были лишены такого подспорья для пропитанія своихъ жителей, тѣмъ не менѣе факты, собранные въ книгѣ проф. Тарле, даютъ право утверждать, что во многихъ мѣстахъ деревня успѣшно соперничала съ городомъ, что деревня иногда даже превосходила городъ, что нерѣдко промышленный заработокъ крестьянина-рабочаго былъ не побочнымъ, а главнымъ въ его скромномъ бюджетѣ. На занятіе кустарными промыслами толкала крестьянъ неблагодарность почвы, и, разумѣется, Артуръ Юнгъ невѣрно понималъ, гдѣ причина и гдѣ слѣдствіе, когда плохое состояніе сельскаго хозяйства въ извѣстныхъ мѣстностяхъ объяснялъ тѣмъ, что въ нихъ крестьяне предпочитали прясть или ткать, хотя, конечно, и бывали отдѣльные случаи развивавшагося пренебреженія къ земледѣлію подъ вліяніемъ особаго, тамъ и сямъ, развитія кустарныхъ промысловъ. Интересны также сообщаемыя Е. В. Тарле свѣдѣнія о томъ, какъ само правительство, въ послѣднюю пору стараго порядка, покровительствовало сельской индустріи и какъ сельскіе хозяева недоброжелательно смотрѣли на занятія, отнимавшія рабочія руки отъ сельскаго хозяйства.

Нѣкоторыя страницы книги проф. Тарле, на которыхъ трактуется вопросъ, испещрены цифрами, касающимися заработковъ деревенскихъ рабочихъ, занятыхъ пряжей, тканьемъ и т. п. Но особенно интересны свѣдѣнія, сообщаемыя имъ относительно типовъ промышленной организаціи не только въ разныхъ провинціяхъ, но и въ одной и той же провинціи, а иногда въ одной и той же деревнѣ. „Французская деревня, говоритъ онъ, работала и продавала не по одному и тому же шаблону“ (т. II, стр. 102). Во французскихъ деревняхъ существовали и ремесло (Handwerk), и домашняя промышленность (Hausindustrie) съ подраздѣленіемъ послѣдней на четыре разновидности (работа для домашняго употребленія съ продажею излишка на городскомъ рынкѣ, посредничество между производителемъ и рынкомъ предпринимателя при собственномъ сырьѣ производителя, то же съ

сырьемъ отъ предпринимателя и даже со станкомъ, доставляемомъ послѣднимъ). Всѣ эти формы авторъ нашелъ засвидѣтельствованными въ архивныхъ документахъ.

Стачечное движеніе уже существовало въ городахъ, но въ деревняхъ его не было. Е. В. Тарле объясняетъ это разрозненностью деревенскихъ производителей, и отсутствіе въ деревняхъ борьбы капитала и труда было, по его мнѣнію, причиною того, что весь процессъ замѣны однѣхъ формъ промышленности другими ускользнулъ отъ вниманія публицистовъ XVIII в. Самъ авторъ, изображая этотъ процессъ, пользовался донесеніями инспекторовъ мануфактуръ, черезъ которыхъ правительство было прекрасно освѣдомлено о томъ, что дѣлалось въ деревняхъ и какъ оттуда шла гибель для всей прежней системы регламентаціи. „Часъ пробилъ для цеховъ, говоритъ историкъ, не 2 марта 1791 г., когда Людовикъ XVI подписалъ законъ, уничтожавшій ихъ, а 7 сентября 1762 г., когда Людовикъ XV легализовалъ деревенскихъ фабрикантовъ, совершенно независимыхъ отъ какой бы то ни было цеховой организаціи“ (т. II, стр. 115). Авторъ приводитъ рядъ жалобъ цеховыхъ людей на то, что въ деревняхъ обходятся законы о производствѣ тѣхъ или другихъ вещей, и о томъ же доносили и инспекторы мануфактуръ. Архивы дали нашему изслѣдователю обильный матеріалъ обо всемъ этомъ, но кромѣ неизданныхъ источниковъ, которыми онъ пользовался, источниковъ рукописныхъ, есть еще источники изданные, печатные, а къ нимъ онъ отнесся съ страннымъ пренебреженіемъ [1]).

[1]) Я вообще упрекнулъ проф. Тарле въ томъ, что онъ пренебрежительно отнесся къ печатному матеріалу („Рус. Бог., V, стр. 15 и слѣд). Тотъ же упрекъ сдѣлалъ ему потомъ рецензентъ „Revue Critique“ (9 sept. 1911, № 36), подписавшійся иниціалами Е. Т.: „l'auteur a fait dans les archives quelques sondages, mais il a oublié de consulter la nombreuse littérature imprimée de son sujet“ (стр. 198). Впрочемъ, рецензентъ имѣетъ въ виду мѣстныя исторіи, а не изданія наказовъ. Отмѣчу враждебный русскому изслѣдователю тонъ замѣтки, въ которой язвительно говорится, что авторъ „procède selon les méthodes de la science germanique“ и что „la forme de son exposé se ressent par trop du langage technique et abstrus en honneur dans les Universités d'Outre-Rhin“. Болѣе спра-

Выше я уже отмѣтилъ, что онъ совсѣмъ пренебрегъ наказами. Онъ пользовался разными жалобами, протестами, просьбами и т. п. и до 1789, и послѣ 1789 г., но почему-то главныя жалобы и просьбы, содержащіяся въ наказахъ этого года, оставилъ внѣ круга своего вниманія, какъ будто бы наказовъ и не существовало (если не считать рѣдкихъ и случайныхъ ссылокъ на этотъ матеріалъ, да и то больше изъ вторыхъ рукъ [1]). Есть, во-первыхъ, наказы цеховыхъ ремесленниковъ нѣкоторыхъ городовъ (Труа, Орлеана, Марсели), а рядомъ съ ними изрѣдка и наемныхъ рабочихъ. Во-вторыхъ, въ наказахъ торгово-промышленнаго класса онъ нашелъ бы массу разныхъ заявленій со стороны именно этого класса по интересовавшимъ его вопросамъ, въ томъ числѣ и по вопросу о сельской промышленности. Въ третьихъ, нѣкоторые томы „Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la révolution française" заключаютъ въ себѣ и разныя фактическія данныя, касающіяся рабочаго класса и промышленности вообще, а въ частности и сельской индустріи. Дѣло въ томъ, что нѣкоторымъ томамъ предпосланы введенія, рисующія экономическую жизнь эпохи въ той или другой области. Далѣе, иногда въ спискахъ деревенскихъ избирателей, являвшихся для составленія наказа, встрѣчаются указанія на ихъ профессіи ткача и т. п., что даетъ возможность сказать, было ли развито и насколько распространено ткачество въ данной деревнѣ. Наконецъ, нерѣдко сообщаются передъ текстами деревенскихъ наказовъ извлеченныя изъ архивовъ свѣдѣнія экономическаго характера объ отдѣльныхъ деревняхъ и отмѣтки о родахъ промышленности, въ нихъ существовавшей. Всѣмъ этимъ проф. Тарле пренебрегъ, и я сказалъ бы даже: пренебрегъ совершенно непростительнымъ образомъ. Кромѣ того, въ

ведливо отнесшійся къ работѣ проф. Тарле Picavet (къ „Revue du mois" отъ 10 окт. 1911 г.) аттестуетъ ее, какъ „une monographie consciencieuse", и выражаетъ желаніе, чтобы авторъ продолжалъ свое изслѣдованіе „avec le même sens de la division des problèmes" (стр. 499—500).

[1]) „Русс. Бог." V, стр. 16.

„Collection de documents inédits“ онъ пренебрегъ и кое-чѣмъ иным, также имѣющимъ отношеніе къ занимавшему его вопросу.

Дальнѣйшія страницы этой моей замѣтки будутъ имѣть цѣлью дополнить факты, собранные Е. В. Тарле, однородным матеріаломъ изъ изданій наказовъ и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, которыми онъ не пользовался,—дополнить конечно, не съ цѣлью исчерпать предметъ, а лишь съ цѣлью показать, какого матеріала добровольно лишилъ себя авторъ „Рабочаго класса“.

Я начну съ наказовъ бальяжа Труа [1]), такъ какъ тамошняя промышленность особенно часто упоминается въ книгѣ проф. Тарле [2]). Въ I т. изданія наказовъ бальяжа Труа имѣется очеркъ экономическаго состоянія этой области, занимающій около 40 страницъ (XXIV—LXVII) и подраздѣленный на главы о сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ. Экономическое положеніе бальяжа было близкимъ къ нищетѣ, въ числѣ же причинъ упадка земледѣлія редакторъ Верньe считаетъ „умноженіе, съ 1765 г., заводовъ (usines), qui accaparaient déjà la main d'oeuvre“ (стр. XXV). Индустрія, прежде бывшая городскимъ дѣломъ,

[1]) Въ двухъ томахъ „Cahiers de doléances du bailliage de Troyes“ (1909 и 1910) LXXVIII (введеніе)+685 стр. въ первомъ томѣ и 793 во второмъ, итого 1556 стр. Изъ приблизительно 1470 стр., занятыхъ наказами, на городъ Труа съ его communautés, corporations et faubourgs приходится 288 страницъ, а почти все остальное занято приходскими наказами или, по крайней мѣрѣ, свѣдѣніями о состояніи приходовъ, въ качествѣ справокъ, собранныхъ редакторомъ. Всѣхъ приходовъ въ бальяжѣ было около 300 (87 въ I томѣ и 208 во II). Свѣдѣнія о приходахъ даются такія: населеніе (въ цифрахъ feux-дымовъ или жителей, иногда съ обозначеніемъ количества laboureurs и manouvriers), кто былъ сеньёръ мѣстности, изъ чего состояла территорія (количество земли), какіе налоги платились приходомъ, какіе у него были имущества или доходы, какая промышленность въ немъ существовала (далеко не всегда, однако), и т. п.? Иногда имѣется протоколъ собранія и списокъ comparants. Редактировалъ оба тома *J.-J. Vernier*.

[2]) Рабочій классъ, I, 90; II, 27, 91—94, 112 и слѣд., 119, 132, 133 147, 220, 221.

очень скоро проникла и въ самыя маленькія деревни. Станки умножались во всемъ районѣ, привлекая къ себѣ и удерживая при себѣ почти всю совокупность (totalité) работниковъ [1]). Авторъ отмѣчаетъ и то, что въ наказахъ бальяжа мы встрѣчаемъ многочисленныя жалобы противъ слишкомъ большого развитія промышленности въ деревняхъ (стр. XXVII). „Aussi, говоритъ онъ, le cultivateur souffrait plus que tout autre de cet engoument pour la production manufacturière“ (стр. XXVIII). Или еще: „l'agriculture avait à lutter contre l'industrie qui lui enlevait les ressources et les bras nécessaires à son développement“ (стр. XXIX).

Въ спеціальной главѣ о промышленности Вернье говоритъ, что во всемъ бальяжѣ она была въ большомъ почетѣ, самъ же городъ Труа, „по числу и значенію своихъ мануфактуръ, занялъ преобладающее мѣсто (un rang prépondérant) между другими городами королевства. На Труа съ полнымъ правомъ смотрѣли, какъ на одинъ изъ крупныхъ промышленныхъ центровъ“ (стр. XXXV). Здѣсь было развито льняное производство, и окрестные крестьяне сѣяли много льна, но когда „фабриканты“ Труа стали выписывать

[1]) Здѣсь дѣлается ссылка на извѣстный фактъ, что въ приходѣ Планси въ 1777 г. было 63 laboureurs, а въ 1788 ихъ осталось лишь 3 (и „une grande partie du territoire restait inculte“). Этотъ примѣръ уменьшенія числа сельскихъ хозяевъ съ 63 на 3 былъ еще приведенъ мною въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“ (1879), стр. 162, причемъ у меня была сдѣлана ссылка на „Archives Parlementaires“ (т. VI, стр. 162). Проф. Тарле (т. II, стр. 133), приводя тотъ же примѣръ, ссылается на указанную мною книгу, но онъ могъ бы найти то же самое на стр. 81 перваго тома изданія Вернье (въ наказѣ „fabricants d'étoffes de soie, laine, fil et coton“). Конечно, теперь, когда приходскіе наказы бальяжа Труа изданы, прежде всего, естественно было обратиться къ наказу прихода Планси и къ свѣдѣніямъ объ этомъ приходѣ, какія были въ распоряженіи у Вернье, но, къ моему удивленію, въ числѣ приходовъ даннаго бальяжа такого, который носилъ бы имя Планси, не оказалось. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ интересующему насъ мѣсту наказа фабрикантовъ всякихъ матерій это обстоятельство осталось неотмѣченнымъ. На картѣ въ атласѣ Бретта (см. ниже) я тоже около Труа не нашелъ никакого Планси. Что это значитъ, сейчасъ объяснить не берусь.

ленъ изъ Бретани, мѣстная культура льна пала (стр. XXXVII). „До 1765 г. тканье канифаса (des basins) и бумажнаго полотна было исключительно сосредоточено внутри города (dans l'intérieur de la ville); деревня имъ еще совсѣмъ не занималась, и пряжа хлопчатой бумаги въ деревняхъ была даже неизвѣстна. Одна изъ первыхъ деревенскихъ мануфактуръ была устроена около 1764 г. въ Ориньи-ле-Секъ, въ центрѣ наиболѣе безплодной части Шампани" (стр. XXXVIII—XXXIX). Вернье даже сообщаетъ интересныя подробности объ этой мануфактурѣ, имѣвшей цѣлью пріохотить крестьянъ къ ткачеству. Когда сдѣлана была эта попытка, въ Труа насчитывалось лишь 900 станковъ, а въ 1785 г. ихъ было уже 2700 (стр. XL). Вернье разсказываетъ еще, какъ распространилась la bonneterie, занявшая въ деревняхъ очень скоро около 8—10 тыс. рабочихъ обоего пола (стр. XLII). Авторъ даже перечисляетъ приходы, гдѣ передъ 1789 г. процвѣтало это производство. Въ бальяжѣ въ большомъ количествѣ выдѣлывались и грубыя пеньковыя ткани. Съ 1786 г. промышленность въ области стала переживать настоящій кризисъ, о которомъ Вернье собралъ достаточное количество данныхъ, причемъ отмѣтилъ и вредное вліяніе торговаго договора съ Англіей [1]). Безработица передъ 1789 г. получила угрожающій характеръ (стр. LXI и слѣд.). Любопытно приводимое авторомъ письмо мэра Труа (Claude Huez) отъ 1788 г. [2]), въ которомъ говорится о необходимости какого-то „arrêt du

---

[1]) Объ этомъ договорѣ у проф. Тарле говорится въ разныхъ мѣстахъ, но многое онъ могъ бы подтвердить и пополнить данными, какія мы находимъ въ наказахъ и въ примѣчаніяхъ или во введеніяхъ къ нимъ, помѣщенныхъ въ ихъ новѣйшихъ изданіяхъ. Въ очеркѣ Вернье и объ этомъ довольно много, между прочимъ, въ главѣ о торговлѣ (стр. LIX и слѣд.).

[2]) „Il est bien à craindre que l'on ait peine à passer l'hiver tranquillement. En mon particulier, je trouve très prudent de ne point faire connaître ces sujets d'inquiétudes aux ministres qui, malheureusement sont plus prompts à envoyer des forces militaires que des secours en argent qui seraient bien plus propres à procurer le calme que des troupes dont le logement aggraverait les charges des malheureux", стр. LXII.

Conseil au sujet des marchandises fabriquées dans les campagnes".

Все введеніе, написанное Вернье къ редактированному имъ изданію, основано на архивныхъ данныхъ, которыми онъ пользовался также для составленія примѣчаній къ отдѣльнымъ наказамъ. Къ сожалѣнію, повинуясь министерскому циркуляру, которому въ такомъ дѣлѣ не должно было бы быть мѣста, онъ довелъ свои примѣчанія до минимума [1]). Къ счастью, однако, редакторъ нашелъ все-таки нужными примѣчанія объ экономическомъ состояніи отдѣльныхъ приходовъ.

Я просмотрѣлъ наказы разныхъ корпорацій г. Труа и нашелъ въ нихъ просьбы, касающіяся деревенской промышленности. Вотъ эти пожеланія:

Marchands (en gros): que tous fabricants de campagnes ne puissent être inquiétés pour la vente des marchandises de leur fabrique, la liberté étant le germe de l'industrie, стр. 69.

Fabricants d'étoffes: Жалоба на то, что, благодаря новой системѣ, les cités se dépeuplent et les campagnes s'appauvrissent, l'agriculture est négligée et les fabriques des villes sont abandonnées... Les propriétaires et les cultivateurs... tous, d'une voix unanime, répondront que l'établissement des fabriques dans la campagne prive la terre d'une multitude de travailleurs и т. д. Здѣсь же ссылка на приходъ Plancy près Troyes, гдѣ изъ 63 сельскихъ хозяевъ осталось только 3 (стр. 81). Фабриканты просятъ о сосредоточеніи производства въ городѣ, вопреки желанію купцовъ: les marchands de la ville soutiennent les fabriques de la campagne; ils votent pour leur conservation. Mais ce voeu, d'un intérêt absolument personnel, и т. д. (стр. 82). Поэтому корпорація вотировала pour la suppression de toutes les fabriques de campagne, стр. 85.

Epiciers-ciriers-chandelliers: ...que, pour le bien de l'agriculture aux environs de la ville de Troyes, il soit expressément défendu aux gens de campagne de s'occuper doréna-

[1]) „Les notes explicatives, comme le veut la circulaire ministérielle du 5 avril 1905, ont été réduites au minimum (!!!), стр. LXXI.

vant de la filature de coton, ainsi que de la fabrique de toile, стр. 90.

Maîtres-fabricants bonnetiers, chapeliers, pelletiers-fourreurs: que toutes les fabriques des campagnes soit (sic!) entièrement supprimées, comme étant préjudiciables à l'agriculture de la terre et aux ouvrages des campagnes, стр. 120.

Maîtres-tailleurs: que toutes les fabriques des campagnes soient entièrement supprimées, стр. 123.

Cordonniers: que toutes les fabriques de campagne soient entièrement anéanties, rapport à la mauvaise fabrication qui s'y fait, et les astreindre à l'agriculture, et aux villes conserver leurs manufactures, стр. 152.

Maîtres-serruriers, taillandiers, maréchaux: nous demandons que toutes les fabrications de campagne soient supprimées, стр. 164.

Maîtres-fondeurs, chaudronniers, potiers d'étain, etc.: nous demandons que toutes les manufactures qui sont établis dans les campagnes, hors des banlieues, soient supprimées, rapport à l'agriculture qui est négligée, et qui ôtent le commerce de nos villes, comme ne payant pas les droits, стр. 171.

Compagnons des arts et métiers, т. е. наемные рабочіе цеховыхъ мастеровъ очень длинно тоже высказываются противъ деревенскоїи индустріи, между прочимъ, потому, что она вредна для „рабочихъ, живущихъ (domiciliés) въ семъ городѣ Труа“, стр. 185.

Compagnons-bonnetiers, жалуясь на то, что механическіе станки вредятъ ручноїи работѣ, говорятъ о ихъ значительномъ распространеніи по деревнямъ, où les habitants ont abandonné et négligé la culture des terres pour se jeter pour ainsi dire avec passion à cette branche de commerce, y étant favorisés par ces mêmes mécaniques qui leur donnent des facilités pour anéantir en quelque façon les maîtres des villes. Составитель наказа совѣтуетъ мастерамъ обратить на это вниманіе, стр. 192.

Въ наказѣ всего третьяго сословія г. Труа тоже гово-

рится о распространеніи по деревнямъ такихъ занятій, какъ la tisseranderie, la bonneterie, la filature à la mécanique (стр. 217). Наказъ считаетъ это язвою для деревень, ибо l'exemple des artisans,... mieux habillés, mieux nourris, moins fatigués, gagnant davantage, éveille la cupidité du villageois occupé du travail pénible des terres (стр. 218). Отсюда общее пожеланіе: que les filatures de laine et coton, ainsi que les manufactures de tisseranderie et de bonneterie, soient concentrées... dans les principales villes de commerce et dans les bourgs et villages qu'elles pourraient vivifier sans nuire à l'agriculture (стр. 220). Это мнѣніе отличается умѣренностью, но въ наказѣ имѣется длинный § 181, выражающій особыя пожеланія „коммерсантовъ, фабрикантовъ и другихъ (представителей) искусствъ и ремеслъ", также не очень рѣшительный по отношенію къ деревенской индустріи: certaines corporations demandant la suppression des fabriques de la campagne et la continuation des jurandes, d'autres demandant la liberté entière et indéfinie, chacune croyant avoir des moyens à l'appui de sa demande, il paraît prudent d'en laisser la décision aux États généraux, стр. 228.

Противъ деревенской промышленности высказывались и нѣкоторые бурги. Въ бургѣ Arcis-sur-Aube, гдѣ было 564 feux и 900 жителей занималось пряденіемъ хлопчатой бумаги (стр. 292), возобладало занесенное и въ наказъ мнѣніе, que les métiers à bas établis dans les villages nuisent à l'agriculture et qu'il faudrait n'en permettre que dans les villes et les gros bourgs (стр. 297). Подобныя заявленія шли и изъ другихъ мѣстъ [1]).

Изъ 87 приходовъ, наказы которыхъ помѣщены или о которыхъ, по крайней мѣрѣ, собраны кое-какія данныя [2]) въ первомъ томѣ „Cahiers de doléances du bailliage de Troyes",

[1]) Деревни Aumont (стр. 323), Bercenay-le-Hayer (стр. 364), Bierne (стр. 413), Bourdenay (стр. 440), Cervet (стр. 510), Crésansignes (670) и пр. Мотивировка—вредъ, наносимый земледѣлію. Въ общей массѣ деревенскіе наказы, вооружающіеся противъ деревенской индустріи, представляютъ собою, впрочемъ, рѣдкія исключенія.

[2]) Дѣло въ томъ, что отъ нѣкоторыхъ не имѣется наказовъ.

я не насчитываю и двухъ десятковъ, объ индустріи которыхъ даются въ примѣчаніяхъ редактора какія-либо свѣдѣнія. Привожу все, что имѣется:

Arcis-sur-Aube (стр. 292): 564 дыма (feux); выдѣлка бумажныхъ чулокъ; 300 станковъ, 900 работниковъ.

Assencières (стр. 312): 45 дымовъ; 12 человѣкъ, занятыхъ пряденіемъ.

Auberterre (стр. 317): 50 дымовъ; 10 чулочныхъ станковъ и 20 прядильщиковъ хлопчатой бумаги.

Aumont (стр. 321): 66 дымовъ; 4 чулочныхъ станка, 2 для тканья хлопчатой бумаги.

Bouy-Luxembourg (стр. 443): 278 жителей, изъ коихъ 5 или 6 дѣвушекъ, занятыхъ бумажною пряжею.

Bucey-en-Othe (стр. 461): 89 дымовъ; два фабриканта хлопч.-бум. тк., владѣющіе 3 станками, два дома прядутъ шерсть, два—хлопч. бумагу.

Butteaux (стр. 483): перечислены comparants, среди которыхъ указаны три ткача.

Chaource (стр. 547): 320 дымовъ; до 1788 г. нѣсколько прядиленъ шерсти, содержавшіяся труаскими фабрикантами, но пришедшія въ полный упадокъ, а среди comparants значатся ткачи и т. п.

La Chapelle St. Luc (стр. 561): три негоціанта изъ Труа въ 1784 г. устроили ткацкую фабрику въ 20 станковъ.

La Chapelle-Vallon (стр. 562): 167 дымовъ; 12 чулочныхъ станковъ, 15 для выдѣлки бумажныхъ тканей; бо́льшая часть жителей (и даже labourеurs) занимаэтся пряжей хлопчатой бумаги.

Chappes (стр. 573): 104 дыма, 3 ткача.

Charmont (стр. 577): 140 дымовъ; 38 жителей занимаются пряденіемъ хлопчатой бумаги.

Chauchigny (стр. 592): 81 дымъ; 35 чулочныхъ и колпачныхъ станковъ; 4 человѣка занимаются ткачествомъ; многіе прядутъ хлопчатую бумагу.

Le Chêne (стр. 596): 104 дыма; одинъ фабрикантъ чулокъ; половина, по крайней мѣрѣ, прихода занята пряденіемъ хлопчатой бумаги.

Chennecy (стр. 601): 226 дымовъ; только двое съ недавняго времени занимаются пряденіемъ хлопчатой бумаги и продаютъ въ Труа свою пряжу.

Clérey (стр. 627): 214 дымовъ; 5 станковъ de bonneterie съ 1782 г.; двѣ прядильни шерсти, занимающія 20 человѣкъ.

Coursan (стр. 644): 72 дыма; въ концѣ наказа имена присутствовавшихъ при его составленіи, среди которыхъ рядомъ съ нѣсколькими laboureurs и manouvriers указаны два ткача.

Creney (стр. 667): 105 дымовъ; два ткача съ 1786 г., и четверо прядутъ хлопчатую бумагу.

Подобныя же отмѣтки продолжаются и во второмъ томѣ изданія Вернье, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ выдержекъ.

Dierrey-St.-Julien (стр. 15): 228 жит.; 35 станковъ для тканья; 12 чел. заняты пряжей хлопчатой бумаги.

Dierrey-St.-Pierre (стр. 20): 29 станковъ для хлопч.-бум. тканей, поставленныхъ три года назадъ; 6 чулочныхъ станковъ, поставленныхъ четыре года назадъ; 3 станка для грубаго холста; 60 человѣкъ заняты пряденіемъ хлопч. бум., изъ конхъ 30 работаютъ лишь по 6 мѣсяцевъ въ году.

Estissac et Thuisy (стр. 70): 4 ткача для хлопч.-бум. тканей; 6 шерстопрядиленъ, занимающихъ дѣтей, пришлый людъ и 24 мѣстныхъ жителя; 26 (garçons et filles) заняты пряденіемъ хлопч. бум.

Faux-Villecerf (стр. 97): 330 жит.; въ 1787 г. было 2 чулочныхъ станка и одинъ для хлопч.-бум. тканей, заведенные за годъ передъ тѣмъ; бо́льшая часть женщинъ и дѣвушекъ заняты пряденіемъ хлопч. бум. по окончаніи полевыхъ работъ.

Fouges (стр. 105—108): 138 жит.; 12 лицъ занято пряденіемъ хлопч. бум.

Fontaine-St.-Georges (стр. 115): 191 жит.; 2 чулочныхъ станка съ янв. 1787 г.; двѣ пряхи хлопч. бум.

Fontvannes (стр. 117—118): 225 жит.; съ 1787 г. 3 чул. станка, 4 для хл.-б. тканей.

Lusigny (стр. 235—236): 770 жит.; 7 пеньковыхъ ткачей, имѣющихъ 8 станковъ.

Macey (стр. 240): 12 ч. занимаются зимою пряденіемъ хл. б.; 2 чулочныхъ станка.

Les Maupas (стр. 273): 4 ткача и 1 шерстопрядъ.

Mergey (стр. 281): въ 1787 г. 30 ч. занималось пряденіемъ хлопч. бум.

Mesnil-St.-Loup (стр. 293): въ 1787 г. 6 ткачей и 3 bonnetiers; бо́льшая часть дѣвушекъ и женщинъ заняты бумагопряденіемъ.

Mesnil-Sellières (стр. 303): въ 1787 г. 4 станка для хлопч.-бум. тканей, 10 станковъ для суконщиковъ Труа, заведенные лѣтъ за 5—6; 30 рабочихъ двѣ трети года заняты пряденіемъ шерсти и бумаги.

Mesnil-Vallon (стр. 308): въ 1787 г., 2 чул. ст., 2 ткацкихъ; 6 лицъ заняты бумагопряденіемъ.

Molins (стр. 315): „quelques tours à filer du coton occupés par de petites filles qui filent pour les faiseurs de bas au métier des environs qui travaillent pour Troyes“.

Montiéramey (стр. 339—340): 456 жит.; 200 человѣкъ заняты пряденіемъ шерсти.

Montreuil (стр. 349): 6 tisserands en toile de chanvre de ménage ayant ensemble 9 métiers.

Nogent-sur-Aube (стр. 382): 4 чул. ст.; 8 пряхъ хл. б.

Nozay (стр. 389): одинъ чулочный станокъ, 12 пряхъ хл. б.

Paisy-Cosdon (стр. 389): en 1787, un métier de bonneterie et une mécanique de coton; une seule famille (la mère et deux filles) occupées à la filature du coton.

Palis (стр. 403): въ 1787 г. 17 ст. de bonneterie, 2 ткацкихъ; 15 machines avec plusieurs rouets ou tours occupant environ 60 personnes.

Le Pavillon (стр. 340): 1 чул. ст. съ 1785 г., 12—à coton; 50 чел. заняты пряденіемъ хл. б.

Payns (стр. 414): 12 чулочныхъ фабрикъ; 18 станковъ (?); 15 чел. заняты пряжей шерсти или хлоп. бум.

На этомъ я остановлюсь, сдѣлавъ выписки изъ половины

всѣхъ напечатанныхъ во II томѣ изд. Вернье свѣдѣній объ отдѣльныхъ приходахъ [1]).

Вотъ, слѣдовательно, какой матеріалъ имѣется въ изданіи наказовъ бальяжа Труа. Такого обилія детальныхъ данныхъ мы не найдемъ въ другихъ изданныхъ пока томахъ „Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la révolution française", что, конечно, нужно учесть: не во всей Франціи сельская промышленность получила такое развитіе, какъ здѣсь. Но и относительно даннаго бальяжа мы имѣемъ свѣдѣнія далеко не о всѣхъ деревняхъ. Значитъ ли это, однако, что во многихъ деревняхъ совсѣмъ не было кустарей, или же просто о нихъ у Вернье не имѣлось никакихъ извѣстій? Пока вопросъ приходится оставить открытымъ, какъ и вопросъ, не были ли приходы, въ которыхъ значатся кустари, расположены по сосѣдству съ городомъ Труа. Къ сожалѣнію, издатели наказовъ не прилагаютъ къ ихъ текстамъ подробныхъ картъ отдѣльныхъ мѣстностей [2]).

Кромѣ томовъ, содержащихъ въ себѣ наказы бальяжа Труа, Е. В. Тарле нашелъ бы, конечно, соотвѣтствующій матеріалъ и въ другихъ томахъ.

---

[1]) Приходъ Payns значится подъ № 101, а всѣхъ приходовъ въ этомъ томѣ 207.

[2]) Для того, чтобы опредѣлить мѣстоположеніе отдѣльныхъ деревень Франціи, оказывается даже недостаточнымъ превосходный „Atlas des bailliages ou juridictions assimilées ayant formé unité électorale en 1789 dressé d'après les actes de la convocation conservés aux Archives Nationales par Armand Brette" (Paris. MDCCCIV). Bailliage de Troyes большею своею частью входилъ въ составъ généralité de Châlons, карта котораго дана на листѣ № 4 этого громаднаго атласа, оказывающагося, однако, слишкомъ малымъ для того, чтобы на немъ могли быть отмѣченными всѣ приходы бальяжа. Въ виду этого моя попытка по этой картѣ опредѣлить бо́льшую или меньшую близость отдѣльныхъ приходовъ къ г. Труа не могла дать желательныхъ результатовъ. Если бы наказы приходовъ бальяжа Труа были расположены не въ алфавитномъ порядкѣ, а по топографическимъ группамъ (какъ въ изданіи орлеанскихъ наказовъ), изслѣдователи находились бы въ лучшемъ положеніи.

Одними изъ первыхъ въ указанной коллекціи наказовъ были изданы (1906—1907) подъ ред. Bloch'a cahiers Орлеанскаго бальяжа съ обстоятельнымъ введеніемъ объ экономическомъ состояніи области. Блокъ за „существенно характерную черту старой орлеанской деревни" признаётъ „l'existence parallèle sur son territoire d'une population agricole et d'une population artisane".

При этомъ онъ указываетъ, что „souvent les paysans oignent à la culture une profession manuelle de petite industrie" (т. I, стр. XLIII). Особенно было много ткачей: „depuis l'édit de 1762, l'industrie de la toile s'est développée dans les campagnes" (та же стр.). Блокъ спрашиваетъ, слѣдуетъ ли различать въ населеніи деревень двѣ категоріи, и отвѣчаетъ: „en réalité elles se confondaient le plus souvent. Les artisans, en général, ne vivent pas exclusivement de leur industrie qui n'était qu'une industrie de secours" (стр. XLV). Были, впрочемъ, и просто artisans (стр. XLVI).

Въ краткихъ описаніяхъ приходовъ Орлеанэ, за очень рѣдкими исключеніями [1]), нѣтъ упоминаній о промышленности, а въ спискахъ comparants мѣстами большинство представляютъ собою vignerons, и лишь въ видѣ исключенія кустари. Среди comparants бурга Вузона мы встрѣчаемъ sergers и texiers; послѣдніе попадаются и въ сосѣднихъ приходахъ, но первые больше не встрѣчаются.

Въ изданіи реннскихъ наказовъ подъ редакціей Сэ и Лезора [2]) также имѣются данныя по интересующему насъ вопросу. Во введеніи къ первому тому есть параграфъ о деревняхъ, гдѣ сообщаются кое-какія свѣдѣнія объ „industriers rurales", получившихъ большое развитіе, вслѣдствіе „l'insuffisance de la production agricole", причемъ отмѣчается,

[1]) Vouzon et LaMotte Beuvron: il y a au bourg de Vouzon une manufacture de serge qui a occupé jusqu'à deux cents métiers; aujourd'hui elle en occupe environ vingt, et les fabricants sont tous très pauvres, стр. 424.

[2]) Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Rennes.., publiés et annotés par *Henri Sée et André Lesort*. Rennes. Первый томъ 1909 г.

что въ городахъ льняныхъ и пеньковыхъ тканей выдѣлывалось мало, а вся работа была въ деревняхъ. „Les artisans, qui travaillaient à leur compte, étaient pour la plupart des journaliers de la campagne“. См. стр. XXI—XXII (со ссылкою на неизданную работу Boudrais „L'industrie et le commerce de la toile en Bretagne du XVe au XIX siècle“). Но шерстяныя и бумажныя ткани выдѣлывались въ городахъ (стр. XXV).

Въ примѣчаніяхъ къ наказамъ редакторы пользовались „Dictionnaire de Bretagne“ d'Ogée, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1778—1780, въ которомъ есть указанія на экономическое состояніе (между прочимъ, и на промыслы) отдѣльныхъ приходовъ, о чемъ см. стр. LXXXVIII введенія. Просматривая примѣчанія редакторовъ, я нашелъ, что отмѣтки объ „industriers rurales“ у Оже все-таки рѣдки (см. стр. 437, 640 и др.). Иногда среди „comparants“ того или другого прихода указаны ткачи, тогда какъ въ примѣчаніи, взятомъ у Оже, ничего не говорится о томъ, чтобы жители прихода занимались какимъ-либо промышленнымъ трудомъ. Такимъ образомъ, я могу только констатировать неполноту показаній Оже въ интересующемъ насъ вопросѣ.

Указавъ мимоходомъ, что въ изданіи есть цеховые наказы (стр. 53 и слѣд.), отмѣчу, что передъ отдѣльными приходскими наказами помѣщаются списки „comparants“, изъ которыхъ не всегда можно усмотрѣть ихъ соціальное положеніе, но очень часто оно обозначается. Иногда въ спискѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда существованія въ приходѣ промышленныхъ занятій, а иногда, наоборотъ, даются даже такія отмѣтки, какъ garçon menuisier, garçon teinturier и т. п.

Наказы Sens'скаго бальяжа, изданные подъ редакціей *Ch. Poirée*, имѣютъ также отношеніе къ вопросу. Редакторъ интересовался, между прочимъ, вопросомъ: une industrie particulière ajoutait-elle aux ressources que le cultivateur tirait de la terre? (стр. XXIII). Томъ особенно интересенъ вслѣдствіе близости Sens'а къ Труа.

Пересмотрѣвъ еще рядъ томовъ съ наказами, могу отмѣтить, что нѣкоторые не дали мнѣ никакой почти поживы.

Во введеніи къ нимскимъ наказамъ (редакція *Bligny et*

Bondurant) объ экономическомъ состояніи области сказано мало, и редакторы думаютъ, что cahiers изображали состояніе области sous des couleurs plus sombres que la réalité (т. I, стр. XXV).

Столь же неважно для насъ и изданіе кагорскихъ наказовъ (редакція *Fournastier*): въ index'ѣ даже нѣтъ словъ „industrie", „manufacture" и т. п. Изъ другого источника мы, впрочемъ, вообще знаемъ, что обрабатывающая промышленность въ области и не процвѣтала (См. ниже показанія Latapie).

Мало матеріала въ двухъ томахъ наказовъ бальяжа Блуа (редакція *Lesueur et Cauchie*), хотя кое-что и можетъ попасться. Напр., въ бургѣ Venil указана une petite fabrique du plus gros drap à l'usage des gens rustiques qui occupe le plus petit peuple.

Очевидно, были во Франціи цѣлыя области, въ которыхъ сельская промышленность не была развита, что подтверждается и другими печатными источниками, равнымъ образомъ не использованными проф. Тарле [1]).

Въ числѣ томовъ, составляющихъ „Collection de documents inédits" имѣется одинъ, представляющій собою сборникъ отвѣтовъ по одной анкетѣ, произведенной въ февралѣ 1789 г. коммиссіей провинціальныхъ штатовъ Дофинэ: „Recueil des réponses faites par les communautés de l'élec-

[1]) Въ „Documents pour servir à l'histoire de l'industrie et des manufactures en Limousin, publiés par M. A. Fray-Fournier" въ цѣломъ рядѣ документовъ говорится о промышленности въ городахъ (которые въ мемуарѣ инспектора Cornuau, сотрудника Тюрго, перечисляются), но о деревенской промышленности нигдѣ ни слова. Цѣлью моей не было пересмотрѣть всѣ изданія наказовъ съ данной точки зрѣнія. Есть, конечно, такіе, въ которыхъ свѣдѣнія подобнаго рода отсутствуютъ. Сошлюсь для примѣра на наказы Аррасскаго бальяжа (еще въ изд., сдѣланномъ въ 1891 г. Loriquet), о которыхъ въ 1911 г. вышла книга подъ заглавіемъ: „Наказы третьяго сословія Аррасскаго бальяжа въ 1789 г. Сочиненіе студентовъ университета Св. Владиміра Никифорова, Руткевича и Евстафьева подъ ред. проф. Ардашева". Въ ней обзору содержанія наказовъ по вопросамъ промышленности посвящены стр. 91—94, и о сельской индустріи не сказано ни одного слова.

tion de Gap au questionnaire envoyé par la commission intermédiaire des états du Dauphiné“ (ред. аб. Гильома). Въ числѣ вопросовъ анкеты, произведенной въ округѣ Гапъ, есть касающіеся „индустріи или торговли жителей“, а редакторъ изданія снабдилъ печатаемый имъ матеріалъ своими примѣчаніями, иногда очень цѣнными. Самое интересное, что я могъ извлечь изъ внимательнаго просмотра отвѣтовъ на вопросъ о промыслахъ жителей въ данной мѣстности, это—почти полное отсутствіе въ ней сельской обрабатывающей промышленности,—явленіе, повторяю, встрѣчающееся и въ другихъ мѣстахъ.

Издатель этого тома, снабжающій отвѣты на вопросы своими примѣчаніями, говоритъ, что эти отвѣты „forment un ensemble bien complet et d'un réel intérêt“ (стр. XIII). Къ сожалѣнію, иногда на интересующій насъ вопросъ (по порядку подъ № 17) совсѣмъ нѣтъ отвѣта, но бываютъ отмѣтки и такого рода, что жители „n'ont ni industrie ni commerce d'aucun genre“. Вотъ наудачу нѣсколько примѣровъ:

Gap: aucune industrie (стр. 205).

Montgardin: c'est aux habitants des villes et gros lieux qui peuvent en profitier, à refléchir sur cet article, т. е. относительно 17 вопроса (271).

Le pays est trop misérable pour y faire établir la moindre fabrique en laine ou en coton (472).

Особенно часты отвѣты, что жители занимаются только земледѣліемъ, а на зиму уходятъ на сторону для заработковъ (стр. 49, 67, 89, 95, 101, 119, 133, 283, 353, 361, 422, 461, 483, 534, 538, 559, 565). Не менѣе часто я находилъ пожеланія, чтобы были заведены для заработковъ тѣ или другія индустріи, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій (стр. 68, 89, 126, 139, 168, 205, 212, 342, 387, 395, 422, 483, 538, 559 [1]).

[1]) На стр. 496 еще читаемъ: „les habitants sont oisifs pendant au moins cinq mois d'hiver. Mais si l'on établissait dans le voisinage de fabriques ou des manufactures et qu'on détaille les ouvrages, l'appât du gain pour réveiller l'industrie des habitants“. Равнымъ образомъ, на

Конечно, имѣются и отвѣты съ указаніемъ на существованіе промышленныхъ заведеній, но очень рѣдко.

Приведу примѣры:

Menteyer: 5—6 personnes faisant le métier des cardeurs à laine, 2 faisant d'étoffe, но только зимой (243).

Pelleautier: il y a pourtant dans la communauté 4 fabricants de toiles et 3 d'étoffes, mais il n'emploient que le fil et la laine que leurs portent différents particuliers" (325—326).

Ribiers: quelques fabricants de toiles et d'étoffes, mais ils ne fabriquent que pour l'usage du pays (368).

И помимо коллекціи по экономической исторіи можно было бы указать нѣкоторыя изданія документовъ, гдѣ есть извѣстія о сельской промышленности [1]), не говоря о томъ, что о ней спорадически упоминается и вообще въ пособіяхъ по экономической исторіи Франціи [2]).

стр. 514: „il y aurait beaucoup de bras à occuper pendant la saison morte de la campagne, s'il s'établissait quelques ateliers de filature dans le voisinage". Это вообще характерныя для всѣхъ случаевъ заявленія.

[1]) *Hippeau.* Le gouvernement de Normandie. T. V содержитъ свѣдѣнія о деревенской промышленности въ окрестностяхъ Руана и въ Pays-de-Caux. Напримѣръ, о Mortagne сказано, что ткачествомъ было занято 400—500 maîtres fabricants, dont le tiers environ travaille lui-même à la fabrication, à laquelle au surplus sont employés huit à neuf cents ouvriers. Plusieurs fabricants sont épars aussi dans un arrondissement de trois à quatre lieues, стр. 405. Въ Алансонѣ съ предмѣстьями и одной сосѣдней деревней въ 1782 г. было 96 фабрикантовъ при 495 станкахъ, а въ 19 другихъ приходахъ 228 фабрикантовъ при 525 станкахъ, стр. 413. La ville de Conches et les environs n'ont d'autre ressource que le filage de la laine, стр. 427.

[2]) Для образца привожу слѣдующія выдержки: „Sur les frontières de l'Anjou ... un petit groupe de villages, dépendance industrielle de Cholet, fabrique activement des mouchoirs et des coutils, qui servent à approvisionner tous les marchands de Poitiers et du Poitou". *P. Boissonnade.* Essai sur l'organisation du travail en Poitou depuis le XI siècle jusqu'à la révolution. 1900. I, 59. Этотъ товаръ даже вывозился за границу, а въ 1778 г. въ Пуату было 157 городовъ, бурговъ и деревень, занятыхъ текстильнымъ производствомъ, I, 64 и слѣд. „Sur la frontière de la province ... des tisserands répandus au milieu des campagnes produisaient les mouchoirs et les coetis (coutils)", I, 267—268. Ср. II, 5, 41. En 1753 les serruriers prennent des précautions pour

Въ заключеніе укажу еще на одинъ интересный источникъ, кое-что дающій по вопросу, насъ сейчасъ занимающему. На стр. 120 второго тома своего труда проф. Тарле отмѣчаетъ объемистую рукопись Латапи о руанской промышленности. Авторъ „Рабочаго класса“ нашелъ ее въ Національномъ архивѣ [1]), но ему осталось неизвѣстнымъ, что отъ этого Латапи дошли до насъ и другія вещи. Латапи былъ инспекторъ мануфактуръ, составившій-было цѣлый планъ систематическаго описанія Франціи при помощи, между прочимъ, инспекторовъ мануфактуръ. Сохранились дневникъ служебной поѣздки (journal de tournée) Латапи, относящійся къ концу семидесятыхъ годовъ XVIII в., и часть написанной имъ „Notice sur la généralité de Bordeaux“, относящейся къ 1785 г. Напечатаны были обѣ эти работы въ 34, 35 и 38 томахъ „Archives historiques du département de Gironde“.

Цѣлью объѣзда Латапи было дать точный отчетъ о состояніи мануфактуръ, особенно „dans les cantons les plus pauvres et où la misère du peuple exige de prompts secours“. Драгоцѣнны въ этомъ документѣ такія отмѣтки: „Il y a quelques tisserands dans la ville (Condom), mais la majeure

empêcher que les ouvriers de la compagne et ceux des petites villes voisines puissent leur faire concurrence en venant vendre à Toulouse des objets dépendants de l'art de serrurier. F. Dumas. Les corporations de métiers de la ville de Toulouse an XVIII siècle (изъ „Annales du Midi“, t. XII. 1900), стр. 8. Не буду умножать примѣровъ.

[1]) Въ Arch. Nat. я видѣлъ въ одномъ картонѣ (F[12] 560) среди инспекторскихъ отчетовъ, упоминающихъ о fabriques de la campagne, просительное письмо какъ-разъ этого самаго Latapie о желаніи получить мѣсто, съ приложеніемъ рекомендательныхъ писемъ, гдѣ говорится, что онъ „se destine à la partie des manufactures“ или „à remplir une place d'inspecteur de manufacture“. Въ томъ же картонѣ имѣется рукопись „Reflexions preliminaires sur un mémoir intitulé: Voyage de Rouen ou observation sur l'état actuel des arts et manufactures de Rouen, Elboeuf, Louviers, Evreux et Andely faites dans les mois de mai, juin et juillet 1773 par M. Latapie“. Въ рукописи главнымъ образомъ технические подробности съ рисунками.

[2]) Біографію его написалъ Cosme въ „Rev. cath. de Bordeaux“ за 1889 г.

partie sont répandus dans la campagne, où ils ne travaillent qu'à des toiles de ménage pour le pays". О городѣ Agen сказано, что пенька прядется въ сосѣднихъ деревняхъ. „Il y a environ douze fabricants de toiles à Sainte-Livrade et un beaucoup plus grand nombre répandus dans la campagne... Ces tisserands de la campagne sont des paysans qui ne travaillent à leur métiers que lorsque la culture des champs leur donne quelque relâche... Cette manufacture fait travailler 6000 âmes, dont 600 dans la ville (Cahors) и т. п. (см. стр. 323, 340, 348, 363, 384). Нерѣдко при этомъ указывается, что работа происходитъ на частныхъ заказчиковъ (стр. 363, 366, 369, 370, 410).

Что касается до „Notice la généralité de Bordeaux", то въ ней мы находимъ, напр., такія отмѣтки при названіяхъ отдѣльныхъ мѣстностей:

Около Бордо: on n'y trouve dans tout le pays que des tisserands qui ne travaillent que pour le peuple (стр. 275).

Créon: il n'y a point de fabriques (276).

Il y a à Codillac, comme dans le reste du Bordelais, des tisserands qui font de la toile de ménage à l'usage du pays (277).

Il n'y a point de fabrique d'étoffes à la Réole; il n'y a que quelques tisserands pour les toiles de ménage (281).

Pauliac: il n'y a point de fabrique (288) и т. п. [1]).

Нужно вообще замѣтить, что собираніе такихъ свѣдѣній въ XVIII в. было довольно затруднительно, и планъ Латапи составить систематическое экономическое описаніе Франціи былъ едва ли осуществимъ [2]).

---

[1]) Кстати: Е. В. Тарле говоритъ о томъ, что бумажныя фабрики были сравнительно большія, противъ чего я возражалъ. Къ тому, что было сказано въ моей статьѣ (май, стр. 11—12), могу прибавить такія мѣста изъ „Notice" Латапи: Couze: на разстояніи одной мили 12 papeteries (стр. 338 тома XXXV); Belvès: около на одномъ ручьѣ quatre papeteries (стр. 344).

[2]) Въ письмѣ, подписанномъ Bryard fils и датированномъ 1778 г., имѣется, между прочимъ, такое мѣсто: „Quoique la fabrique soit connue sous le nom d'Aumalle, cette ville ne possède qu'un seul fabricant

Этихъ примѣровъ, полагаю, достаточно для подтвержденія того общаго положенія, что авторъ „Рабочаго класса во Франціи“ совершенно напрасно не обращался къ изданіямъ наказовъ и вообще къ „Collection de documents inédits“ и другимъ печатнымъ источникамъ.

Настоящая замѣтка была уже готова, когда въ окт. книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1911 г. появилась статья М. М. Ковалевскаго о „кустаряхъ-крестьянахъ и фабричныхъ рабочихъ наканунѣ революціи“, входящая въ составъ раньше начатыхъ имъ „Очерковъ соціальнаго быта Франціи“ (стр. 51—76). Авторъ уже раньше писалъ объ этомъ въ I томѣ „Происхожденія современной демократіи“, а теперь воспользовался для той же темы изданіями наказовъ Труа, Ренна, Марселя, Нима и др., но въ этой работѣ нѣтъ ни одной ссылки на изслѣдованіе проф. Тарле. Вѣроятно, очеркъ Ковалевскаго готовъ былъ раньше появленія въ свѣтъ этого изслѣдованія. Къ „Очеркамъ соціальнаго быта Франціи“ я, впрочемъ, еще вернусь въ одной изъ слѣдующихъ замѣтокъ [2]).

---

il y en avait 15 il y a 10 ans, la fabrique est repandue dans environ 60 paroisses, parties de Normandie, partie de Picardie, il en est qui possèdent 10, 12 fabricants, mais je n'ai pu savoir le nombre de métiers battans et je ne saurai jamais au juste quelque peine que je me donne. Авторъ письма хотѣлъ все это узнать чрезъ кюрэ и синдиковъ, но встрѣтилъ сопротивленіе. Arch. Nat. F^{12} 560. Кстати упомяну, что мною лично были просмотрѣны нѣкоторые архивные картоны изъ серіи F^{12}, и въ нихъ я нашелъ много такого матеріала, который еще ждетъ изслѣдователей. Впрочемъ, документы, о которыхъ я говорю, не имѣютъ ближайшаго отношенія къ вопросу объ обрабатывающей промышленности въ деревняхъ. (Со стороны промышленной техники интересны образчики разныхъ тканей, прилагавшіеся инспекторами мануфактуръ къ ихъ отчетамъ. Для профана въ этомъ дѣлѣ бросается въ глаза яркая окраска, какую сохранили до сихъ поръ эти образцики).

[1]) По наказамъ о сельской промышленности кое-что даетъ и г. Петровъ въ своей работѣ, о которой поэтому здѣсь кстати нельзя еще разъ не упомянуть. См. стр. 299 и слѣд. въ іюньской книгѣ „Ж. М. Нар. Просв.“

[2]) Замѣчу мимоходомъ, что и въ работѣ М. М. Ковалевскаго фигурируетъ селеніе Планси (стр. 53).

III.

Въ первой части IX тома коллективной „Histoire de France“, вышедшей въ свѣтъ подъ ред. Э. Лависса[1]), есть глава о положеніи крестьянъ во Франціи передъ революціей и въ ней параграфъ о мелкихъ собственникахъ и арендаторахъ. Авторъ этой главы (Carré), между прочимъ, дѣлаетъ къ указанному параграфу подстрочное примѣчаніе (стр. 247), въ которомъ изъ всѣхъ существующихъ по вопросу мнѣній приводитъ только общіе взгляды двухъ русскихъ историковъ, И. В. Лучицкаго и М. М. Ковалевскаго. Первый, говоритъ онъ, „утверждаетъ существованіе многочисленнаго класса мелкихъ свободныхъ собственниковъ“, тогда какъ другой находитъ, что земля принадлежала въ громадномъ большинствѣ случаевъ привилегированнымъ и городской буржуазіи, крестьяне же являлись лишь съемщиками чужой земли. Авторъ отмѣчаетъ, что проф. Лучицкій очень много изучалъ этотъ вопросъ, но что его цифры и документы встрѣтили со стороны проф. Ковалевскаго суровую критику. По мнѣнію Каррэ, оба представленія страдаютъ односторонностью: „cette conclusion, говоритъ онъ о взглядѣ Ковалевскаго, est probablement aussi excessive que celle de Loutchiski, но самъ возражаетъ только первому изъ нихъ, ссылаясь на Артура Юнга, прямо говорящаго о томъ, что во Франціи было много мелкихъ собственниковъ.

Нельзя не назвать знаменательнымъ то, что въ книгѣ по общей исторіи Франціи, написанной на французскомъ языкѣ французскими учеными для французовъ, по вопросу о дореволюціонномъ землевладѣніи во Франціи приводятся мнѣнія не своихъ, французскихъ, а только русскихъ ученыхъ. Уже сами французскіе историки признали, что русскою наукою сдѣланъ значительный вкладъ въ дѣло изученія стараго порядка и революціи, особенно въ ихъ экономической сторонѣ, и выраженіе „русская историческая школа“ начинаетъ пріі-

[1]) Полутомъ этотъ помѣченъ 1910 г.

обрѣтать право гражданства въ книгахъ и статьяхъ французскихъ ученыхъ [1]). Уже полтора десятка лѣтъ тому назадъ М. М. Хвостовъ, нынѣ профессоръ Казанскаго университета, подводилъ итоги подъ результатами разработки вопроса о крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи русскими историками [2]), а за эти полтора десятка лѣтъ по данному вопросу вышли и новыя еще работы. Прибавлю, наконецъ, что французамъ доступна только доля того, что написано было объ этомъ русскими, такъ какъ далеко не все было переведено (или, по крайней мѣрѣ, своевременно переведено на французскій языкъ). Моя книга „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в." (1879) вышла въ переводѣ только черезъ двадцать лѣтъ (1899) послѣ своего появленія на русскомъ языкѣ, а книга проф. Лучицкаго „Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи, преимущественно въ Лимузенѣ", которая была обнародована уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ (1900), только теперь готовится къ выпуску на французскомъ языкѣ.

Французскій историкъ, сославшійся на мнѣнія русскихъ ученыхъ о мелкой собственности во Франціи передъ 1789 г., не могъ не отмѣтить, что по вопросу существуетъ большое разногласіе. Между обоими названными имъ изслѣдователями даже велась, въ послѣднемъ десятилѣтіи XIX в., довольно острая полемика, да и въ своихъ новыхъ „Очеркахъ соціальнаго быта Франціи", которые уже были названы выше, проф. Ковалевскій выражаетъ свое несогласіе съ выводами проф. Лучицкаго. Оба они, и М. М. Ковалевскій, и И. В. Лу-

[1]) Въ послѣдній разъ я встрѣтилъ это выраженіе въ цитированной выше статьѣ Picavet, гдѣ сказано: «sur la propriété, à la veille de 1789, les recherches fructueuses se sont multipliées depuis une vingtaine d'année. Elles ont été poussées très avant, surtout par l'école historique russe». La revue du mois, loc. cit.

[2]) М. М. Хвостовъ. Новыя работы русскихъ изслѣдователей о земледѣліи и земледѣльческомъ классѣ во Франціи передъ революціей. Изданіе Историческаго Общества при Московскомъ университетѣ. Рефераты, читанные въ 1896 и 1897 г. М. 1898.

чицкій, давно занимаются этимъ вопросомъ, и оба же много по нему написали, продолжая и до сихъ поръ работать въ томъ же направленіи. Проф. Ковалевскій, какъ мы видѣли, возвратился недавно къ вопросу въ упомянутыхъ „Очеркахъ“, а проф. Лучицкій только-что выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжку на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Состояніе земледѣльскихъ классовъ во Франціи наканунѣ революціи“[1]), представляющую собою переводъ (съ нѣкоторыми измѣненіями) русской его статьи объ этомъ предметѣ, напечатанной въ 1910 г.[2]).

И. В. Лучицкій давно уже началъ работать по исторіи крестьянскаго вопроса на Западѣ. Въ 1878 г. онъ предпринялъ (въ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“) обширную, но оставшуюся недоведенною до конца работу подъ заглавіемъ „Исторія крестьянской реформы въ Западной Европѣ“, за которою слѣдовалъ рядъ журнальныхъ статей по исторіи крестьянъ въ разныхъ странахъ (между ними и общая статья о крестьянахъ на Западѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона). Спеціально исторіей французскаго крестьянства онъ сталъ заниматься лѣтъ двадцать тому назадъ, т. е. въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, и тогда же начали появляться его статьи по французскому крестьянскому землевладѣнію и по продажѣ національныхъ имуществъ въ эпоху революціи.

Какъ извѣстно, оба эти вопроса тѣсно связаны между собою: существованіе во Франціи мелкой поземельной собственности въ XIX в. долгое время объясняли распродажею, во время революціи, такъ называемыхъ національныхъ имуществъ, но потомъ открыли, что мелкое крестьянское землевладѣніе было въ странѣ и при старомъ порядкѣ, и стали даже утверждать, что національныя имущества раскупались

[1]) J. Loutchisky. État des classes agricoles en France à le veille de la Révolution. Paris. Honoré Champion. 1911.

[2]) И. Лучицкій. Крестьянство въ Франціи въ XVIII в. Совершенно несоотвѣтственно своему ученому назначенію, она была помѣщена въ изданіи чисто учебнаго характера, именно въ „Книгѣ для чтенія по исторіи новаго времени“ (Москва. 1910).

отнюдь не крестьянами. И. В. Лучицкій занялъ въ этомъ вопросѣ очень опредѣленную позицію, не только изучивъ литературу предмета и печатные источники, но и обратившись къ архивному матеріалу. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ онъ пользовался каникулами, чтобы работать во французскихъ провинціальныхъ архивахъ надъ документами, могущими пролить свѣтъ на вопросъ. Въ его предисловія къ новой французской книжкѣ,—кстати сказать, и посвященной „Aux archivistes des archives départementales“,—перечисляется два съ половиною десятка архивовъ, въ которыхъ онъ работалъ, кромѣ парижскаго Національнаго архива и „quelques autres“. Я не знаю другого изслѣдователя, который предпринималъ бы подобный личный объѣздъ архивовъ такой большой страны, какъ Франція, и уже однажды сравнилъ въ этомъ отношеніи проф. Лучицкаго съ знаменитымъ Артуромъ Юнгомъ, который во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII в. предпринялъ путешествіе по Франціи для изслѣдованія состоянія ея сельскаго хозяйства. Самъ авторъ „L'état des classes agricoles“ заявляетъ въ предисловіи, что ему остается поработать еще въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ архивахъ, дабы завершить трудъ, начатый еще въ 1894 г., считая, впрочемъ, уже имѣющіяся у него данныя совершенно достаточными для общей картины французскаго землевладѣнія наканунѣ революціи.

Главными источниками, изученіемъ которыхъ нашъ изслѣдователь занимался въ архивахъ Франціи, были разные податные списки (rôles des vingtièmes, des tailles, des centièmes et dixièmes), кадастры и межевые списки (arpentements), заключающіе въ себѣ богатѣйшій цифровой матеріалъ. На основаніи ихъ проф. Лучицкій составилъ цѣлый рядъ (частью уже опубликованныхъ имъ) таблицъ распредѣленія поземельной собственности въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи, прямо по отдѣльнымъ приходамъ. Ихъ можно найти въ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, гдѣ результаты своихъ изысканій проф. Лучицкій печаталъ въ формѣ отчетовъ о дававшихся ему заграничныхъ командировкахъ.

Обнародованіе своихъ работъ въ данной области И. В.

Лучицкій началъ съ 1894 г. Именно, въ этомъ году въ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ появилась его статья „Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи и продажа національныхъ имуществъ“, которая была переведена потомъ по-французски и помѣщена въ „Revue historique“. Въ томъ же университетскомъ органѣ за 1895—6 гг. была напечатана другая работа проф. Лучицкаго, „Крестьянская поземельная собственность во Франціи и продажа національныхъ имуществъ“, вышедшая въ свѣтъ также въ переводахъ французскомъ (отдѣльной брошюрой, помѣченной 1897 г.) и нѣмецкомъ (еще раньше, въ 1895 г., въ „Zeitschrift für sozial- und Wirtschaftsgeschichte“). Въ тѣ же годы авторъ напечаталъ еще относящіяся къ вопросу статьи: „Новыя изслѣдованія по исторіи крестьянъ во Франціи въ XVIII в.“ („Унив. Изв.“, 1896), „Къ вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи до и во время революціи“ („Новое Слово“, 1896) и „По поводу одной изъ историческихъ легендъ“ („Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ унив. Св. Владиміра“, 1895). Въ 1900 г., кромѣ того, вышла въ свѣтъ книга нашего изслѣдователя „Крестьянское землевладѣніе во Франціи наканунѣ революціи во Франціи, преимущественно въ Лимузенѣ“, скоро, какъ уже сказано, имѣющая появиться въ переработанномъ видѣ и во французскомъ переводѣ [1]).

Самая послѣдняя работа проф. Лучицкаго заключаетъ въ себѣ сто съ не большимъ страницъ малаго формата (въ русскомъ подлинникѣ около 50 стр. большого формата) и почти совершенно лишена подстрочныхъ примѣчаній, да и тѣ, какія есть, представляютъ собою большею частью указанія относительно того, изъ какого архива взято то или другое извѣстіе. Но авторъ и не придаетъ этой своей небольшой работѣ значенія окончательнаго труда [2]). Послѣдній еще впереди,

[1]) La propriété paysanne en France à la veille de la Révolution (principalement en Limousin).

[2]) Ce court ouvrage n'est que l'ébauche du travail, que je prépare en ce moment sur la propriété foncière au XVIII siècle et où tous les matériaux que j'aurai rassemblés trouveront leur place. Préface, 7.

но и маленькая книжка уже заключаетъ въ себѣ итоги цѣлаго ряда подготовительныхъ работъ, совершенныхъ неутомимымъ изслѣдователемъ аграрнаго строя Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Содержаніе „L'état des classes acricoles" даетъ довольно полное понятіе о томъ, что будетъ представлять собою будущій большой трудъ, обѣщанный авторомъ.

Въ дальнѣйшемъ настоящей замѣтки я только познакомлю читателей съ главнѣйшими выводами автора, по возможности приводя въ наиболѣе существенныхъ мѣстахъ его же собственныя слова [1]), а обсужденіе высказанныхъ въ новой книжкѣ взглядовъ отложу до того времени, когда передъ нами будутъ и соображенія М. М. Ковалевскаго, держащагося по интересующему насъ предмету, какъ было уже упомянуто, совершенно противоположныхъ воззрѣній. Только такимъ путемъ сопоставленія противоположныхъ взглядовъ можно придти къ пониманію причины разногласія въ столь важномъ научномъ вопросѣ, занимающемъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи поземельныхъ отношеній водоюрелціонной Франціи.

Основное положеніе И. В. Лучицкаго заключается въ томъ, что французское крестьянство „удержало значительную часть земель въ своихъ рукахъ и даже, особенно въ послѣдней части XVIII в., до нѣкоторой степени увеличило количество собственной земли". Онъ не говоритъ, чтобы и „во Франціи не было попытокъ къ тому, чтобы обезземелить крестьянство и при помощи личнаго освобожденія превратить его изъ собственника въ простого съемщика, арендатора". Но такія попытки онъ считаетъ безсильными создать во Франціи такой порядокъ вещей. „Онѣ могли осуществиться, да и то въ незначительныхъ размѣрахъ, въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ, затронуть нѣкоторыя области, но основное явленіе, прочность крестьянскаго землевладѣнія и его расширеніе, осталось въ XVIII в. незыблемымъ". Отраженіе этихъ попы-

[1]) Пользуюсь въ такихъ случаяхъ не французскимъ переводомъ, а русскимъ текстомъ.

токъ авторъ готовъ видѣть въ крайней неравномѣрности распредѣленія крестьянскаго землевладѣнія по отдѣльнымъ приходамъ, равно какъ въ маломъ количествѣ земель въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, каковы Бретань, Нормандія, Пуату, Берри, гдѣ, однако, крестьянская собственность все же не была совсѣмъ уничтожена. По его подсчету, въ Пикардіи, Артуа, Бургундіи и т. д. крестьяне владѣли приблизительно третью земли, въ Лимузенѣ, Оверни, Керси — почти половиною, въ Беарнѣ болѣе, чѣмъ половиною, въ Лангедокѣ, Провансѣ, отчасти Гіенѣ, даже двумя пятыми.

„Этотъ фактъ распредѣленія крестьянской собственности, говоритъ Лучицкій, въ большей части Франціи подтверждается другимъ параллельнымъ фактомъ, фактомъ распредѣленія безземельныхъ, не владѣвшихъ даже усадьбой и домомъ. По отдѣльнымъ приходамъ неравномѣрность въ этомъ послѣднемъ отношеніи та же, какъ и по отношенію къ землевладѣнію. Въ центральной Франціи, напр., рядомъ съ приходами, гдѣ насчитывается не болѣе 1—2% совершенно безземельнаго населенія, встрѣчаются и приходы съ 20, 30, 40 и 50%, даже 80% безземельныхъ. И то же въ Пикардіи и др. областяхъ. Но взятыя во всей совокупности данныя эти относительно той же центральной Франціи (Лимузена) даютъ для надѣленныхъ землей 82,4%, а для безземельныхъ всего только 17,6%“. Такой же приблизительно процессъ, онъ находитъ на югѣ Франціи. Процентное отношеніе безземельныхъ крестьянъ къ владѣющимъ землей возрастаетъ на западѣ Франціи, въ Берри и нѣкоторыхъ другихъ. „Въ нижней Нормандіи и области Perche процентъ безземельныхъ доходитъ до 80%. Но это максимальная цифра изъ всѣхъ, какія удалось опредѣлить. Въ сѣв. Франціи, напр., въ Пикардіи, она падаетъ до 1/3 всего числа крестьянъ, записанныхъ въ rôles des tailles (1789—90 гг.)“.

Мало того: проф. Лучицкій утверждаетъ, что во второй половинѣ XVIII в. земельныя владѣнія французскихъ крестьянъ прогрессивно увеличивались. „Уже одни свидѣтельскія показанія, говоритъ онъ, показанія интендантовъ и субделегатовъ въ разныхъ провинціяхъ, ясно указываютъ на этотъ

фактъ, на фактъ той жадности, съ какою набрасывались крестьяне на землю въ цѣляхъ ея пріобрѣтенія мелкими участками. Интенданты Пикардіи прямо утверждали, что большая часть земли скупается крестьянами (laboureurs); . . Данныя относительно Артуа являются прямымъ подтвержденіемъ правильности сообщенія интенданта Пикардіи, а факты, извлекаемые изъ описей приходовъ въ généralité de Soissons (округъ Vermandois et Lionnais), показываютъ и размѣръ передвиженія собственности и перемѣщенія ея въ пользу крестьянъ". За 35 лѣтъ между 1750 и 1785 гг. крестьянами было потеряно всего 23% того количества земли, которое они пріобрѣли за это время, при чемъ это увеличеніе въ размѣрахъ 80,3% совершалось за счетъ буржуазіи. Продажа крестьянами своей земли дворянамъ была совершенно ничтожна (только 10%). Въ другихъ частяхъ Франціи происходило приблизительно то-же, какъ это проф. Лучицкій и иллюстрируетъ цѣлымъ рядомъ цифровыхъ данныхъ.

Изъ однохарактерности перемѣщенія земельной собственности въ областяхъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга и различныхъ по характеру и условіямъ ихъ развитія, проф. Лучицкій заключаетъ и къ „однохарактерности тѣхъ экономическихъ условій, дѣйствіе которыхъ распространялось и вліяло на всю страну, создавая однородныя явленія и въ другихъ мѣстностяхъ". Указываемое имъ явленіе сопровождалось все бо́льшимъ и бо́льшимъ размельченіемъ собственности, увеличеніемъ числа собственниковъ.

Далѣе авторъ указываетъ, что во Франціи уже не было средневѣковыхъ формъ личной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, что значительная часть чисто личныхъ повинностей была перенесена на землю, и что остатки барщины были крайне ничтожны (нѣсколько дней въ году). Съ другой стороны, во Франціи не было, по его мнѣнію, и класса сельскихъ рабочихъ, какой мы встрѣчаемъ въ Англіи. „Во Франціи XVIII в., говоритъ онъ, для существованія подобнаго же класса совершенно не было почвы, и описи и другіе документы того времени не даютъ ни малѣйшей возможности доказать наличность его существованія. Какъ ни былъ

разнообразенъ составъ сельскаго населенія во Франціи того времени, какъ ни были разнообразны группы, на которыя оно распадалось, не было ни одной, которая всецѣло была бы оторвана во всемъ своемъ составѣ отъ земли, которая не владѣла бы землей. Начиная отъ самой, повидимому, обезпеченной землею группы laboureurs и кончая такъ называемыми mendiants, мы во всѣхъ и всюду находимъ одинаковую разномастность каждой группы съ точки зрѣнія надѣленія землей". Проф. Лучицкій не хочетъ видѣть непремѣнно безземельныхъ въ journaliers, manouvriers, valets и т. п., которыхъ только ради ихъ названія „изслѣдователи согласны были зачислить въ безземельные". „Дѣйствительность, аргументируетъ онъ, говорила иное: увеличеніе или уменьшеніе числа безземельныхъ въ этой группѣ, большее или меньшее обезпеченіе ея членовъ землею находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ большей или меньшей долей земельной собственности, находившейся въ рукахъ крестьянъ". Вотъ и примѣры въ центрѣ и на югѣ Франціи, гдѣ процентъ крестьянской собственности былъ наиболѣе высокимъ, процентъ безземельныхъ среди journaliers и т. п. былъ очень низкимъ, иногда ниже процента безземельныхъ среди класса laboureurs и menagers: „въ Лимузенѣ, какъ и Оверни, напр., процентъ безземельныхъ journaliers равнялся 13%, тогда какъ тамъ же для laboureurs онъ составлялъ 23%. Онъ былъ ниже средняго процента для всей области". Наоборотъ, процентъ безземельныхъ увеличивался при переходѣ къ такимъ областямъ, гдѣ крестьянская собственность падала до трети всей земельной площади, или къ областямъ преимущественно западной Франціи. „Рядомъ съ болѣе или менѣе обезпеченными землей, читаемъ мы дальше, стоятъ въ однихъ мѣстахъ небольшія количественно, въ другихъ болѣе значительныя группы journaliers, образующихъ настоящій пролетаріатъ, совпадающій съ той группой, которая отмѣчена въ описяхъ, какъ нищіе, pauvres". Изъ болѣе близкаго изученія состава и дѣятельности и этой безземельной части journaliers авторъ выводитъ что, „смотря по экономическимъ условіямъ данной мѣстности, немалый процентъ безземельныхъ, такъ же, какъ и владѣв-

шихъ мелкими участками или только усадьбой, либо снимали чужую землю и обрабатывали ее на своей счетъ и страхъ, либо переходили къ ремесленной дѣятельности". Въ journaliers онъ не видитъ замкнутой однородной группы: „такихъ группъ не существовало во Франціи XVIII в., такъ какъ въ ней совершался на всемъ протяженіи столѣтія вѣчный переходъ изъ одной группы въ другую". Journaliers, по словамъ проф. Лучицкаго, вели самостоятельное хозяйство въ качествѣ съемщиковъ чужихъ земель или деревенскихъ кустарей и т. п., примѣненіе же ихъ труда въ имѣніяхъ дворянъ и буржуазіи было явленіемъ крайне рѣдкимъ. „Особый самостоятельный классъ свободныхъ сельскихъ рабочихъ, такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, не существовалъ почти вовсе и при экономическихъ условіяхъ того времени выработаться не могъ". И что таково было дѣйствительно положеніе дѣлъ, онъ усматриваетъ „изъ тѣхъ многочисленныхъ жалобъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ самыхъ разнородныхъ мѣстностяхъ Франціи,—жалобъ на недостатокъ рабочихъ силъ и рабочихъ рукъ, какъ на послѣдствія факта существованія крестьянской собственности".

Ослабленіе значенія и роли барщины и отсутствіе спеціальнаго класса наемныхъ сельскихъ рабочихъ нашъ изслѣдователь аграрнаго строя Франціи передъ революціей объясняетъ далѣе какъ организаціей землевладѣнія въ XVIII в., такъ и экономическими условіями, съ нею связанными и удерживавшими земледѣліе почти на одномъ уровнѣ. Сеньёріальныя права продолжали господствовать на всей территоріи, но было бы, замѣчаетъ авторъ, крупною ошибкою изъ этого факта дѣлать выводы и относительно такого же господства и права собственности сеньёровъ на всю подсеньёріальную территорію. „Описи и кадастры, продолжаетъ проф. Лучицкій, въ связи съ livres terriers XVIII в., даютъ намъ слѣдующія отношенія для размѣра поземельной собственности и дворянъ, и духовенства. Въ Артуа для дворянства всего 29%, а духовенства 22%, т. е. 51% противъ 33% крестьянской; въ Пикардіи — для дворянства 33,4%, для духовенства уже только 14,6%, т. е. 47,9% противъ 36,7% крестьянской; въ

Бургундіи 35,1% дворянской, 11,6% для духовенства, т. е. 46,7% при 33,1% крестьянской" и т. д. Не буду продолжать этой выписки, а укажу прямо на выводъ автора: „очевидно, между территоріей сеньёрій и. территоріей, находившейся въ дѣйствительномъ владѣніи дворянства и духовенства, составлявшей ихъ настоящую собственность, существовала весьма существенная разница, и объясненіе для нея легко можно найти, если заглянуть въ тѣ livres terriers, которые сохранились, и особенно въ тѣ, которые даютъ не только описаніе сеньёрій, но и планы".

Другими словами „сеньёрія и земельное владѣніе — два различныхъ института, не покрывающіе другъ друга. Можно быть сеньёромъ, владѣть сеньёріей, и въ то же время не имѣть почти ни клочка земли. Достаточно во многихъ случаяхъ владѣть, напр., только manoir, замкомъ, уже полуразрушеннымъ, служащимъ временнымъ убѣжищемъ для фермера и сборщика сеньёрьяльныхъ правъ, чтобъ владѣть въ то же время и большей или меньшей сеньёріей. Обратно, можно было владѣть дворянской землей и не обладать правами сеньёра. Какъ отчасти въ cahiers, такъ и въ описяхъ, кадастровыхъ книгахъ, aveux и т. п., то и дѣло попадаются указанія, что такой то имѣетъ сеньёрію, но у него въ данной сеньёріи нѣтъ земли". Проф. Лучицкій приводитъ рядъ примѣровъ этого изъ разныхъ областей Франціи, но особый интересъ представляетъ собою еще одинъ общій выводъ проф. Лучицкаго, совершенно новый въ литературѣ.

Во Франціи XVIII в. не были рѣдкостью дворяне, обладавшіе тысячами арпановъ земли, но крупное землевладѣніе въ этой странѣ далеко не имѣло такого характера, какъ въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ. „Вотъ что, по наблюденіямъ автора, даютъ намъ описи крупныхъ имѣній наканунѣ революціи. На самомъ сѣверѣ Франціи, въ Пикардіи (округи Vimeux и Amiens) самыми крупными владѣльцами были въ 1789-90 гг. графъ Gomez и маркизъ Валанграръ. У одного въ качествѣ собственности насчитывалось 2316 journaux (болѣе 1 т. гектаровъ), у другого 2032 journaux (тоже). Но это не были отрубныя владѣнія. Зе́мли одного разбросаны были

въ 14 приходахъ, земли другого — въ 10, т. е. въ среднемъ на приходъ приходилось отъ 150 до 175 journaux (отъ 75 до 100 гектаровъ). Въ другихъ, герцогъ д'Авре, принцъ де-Поа, герцогиня Бпронъ, маркизы Сабле и Сенъ-Блимонъ и др. владѣли: одни не многимъ болѣе 600 гектаровъ, другіе отъ 500 до 600 гектаровъ. У первыхъ трехъ земли разбросаны въ 7, 9 и 10 приходахъ, земли другихъ въ 3, 6 и 7 приходахъ. Тотъ же порядокъ вещей и во владѣніяхъ меньшихъ размѣровъ. Владѣнія отъ 400 до 500 гектаровъ разбиты по 5 и 8 приходамъ, отъ 300 до 400 гект.—въ 2, 4, 5 и 7 приходахъ. Сколько-нибудь крупныхъ владѣній, сосредоточенныхъ въ одномъ приходѣ, здѣсь нѣтъ. И почти буквально то же повторяется и въ Артуа. Въ центральной Франціи, въ Берри и Лимузенѣ, крупныя владѣнія становятся бо́льшими по количественнымъ размѣрамъ, но разбросанность ихъ не менѣе значительна, чѣмъ на сѣверѣ". Опять не продолжаю выдержки и отмѣчаю изъ дальнѣйшаго изложенія лишь тотъ общій фактъ, что на югѣ Франціи крупныя имѣнія совсѣмъ исчезаютъ. Такую же картину рисуетъ авторъ и относительно крупныхъ имѣній буржуазіи.

Конечно, такой характеръ крупнаго землевладѣнія долженъ былъ отразиться и на организаціи сельскаго хозяйства. „Раздробленность, говоритъ авторъ, и крупныхъ и среднихъ имѣній на относительно мелкія части, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, иногда отдаленныхъ другъ отъ друга, понятно, дѣлала если не невозможнымъ развитіе крупнаго хозяйства, то ставила ему трудно преодолимыя препятствія". Такъ именно и было на самомъ дѣлѣ, и „данныя о характерѣ и способахъ веденія хозяйства на земляхъ,—все равно принадлежали ли онѣ, эти земли, дворянамъ и духовенству или буржуазіи, входили ли онѣ въ составъ крупныхъ или среднихъ или, даже во многихъ случаяхъ, и мелкихъ владѣній,—ясно показываютъ, что лишь самый ничтожный процентъ дворянъ, еще меньшій среди буржуазіи, предавался дѣлу веденія самостоятельнаго сельскаго хозяйства. Даже духовенство и особенно монастыри, въ предшествующіе вѣка являвшіеся предпринимателями по части сельскаго хозяйства,

сокращали свои поля, шедшія подъ запашку, и отдавали ихъ въ аренду или исполу". Дальше у проф. Лучицкаго опять идутъ примѣры изъ разныхъ мѣстностей Франціи. Помѣщики большею частью не вели сами хозяйства на своихъ земляхъ: весьма разпространена была отдача доходовъ отъ имѣній на откупъ такъ наз. „фермерамъ" которыхъ, по словамъ автора, не слѣдуетъ смѣшивать съ фермерами въ англійскомъ смыслѣ, т. е. съ съемщиками земли, а не доходовъ. Вотъ какъ велось сельское хозяйство во Франціи, по представленію нашего изслѣдователя, а тогда какое мѣсто могло быть тутъ и барщинѣ, и классу сельскихъ рабочихъ?

Франція наканунѣ революціи рисуется И. В. Лучицкому страною, еще „не вышедшею изъ-подъ господства натуральнаго хозяйства и притомъ хозяйства земледѣльческаго, расчпатаннаго на удовлетвореніе однѣхъ мѣстныхъ потребностей, не затронутаго въ своей чисто-земледѣльческой дѣятельности международнымъ обмѣномъ, участіе въ которомъ создало иные экономическіе порядки въ сѣверо-восточной Европѣ, — порядки, прямо противоположные французскимъ. То, продолжаетъ онъ, что характеризуетъ земледѣльческую дѣятельность Франціи XVIII в. и предшествующихъ вѣковъ, это — отсутствіе прилива капитала къ земледѣлію. Жалобы на этотъ фактъ — жалобы всеобщія, постоянно повторяющіяся въ теченіе особенно второй половины XVIII в.". Авторъ особенно настаиваетъ на отсутствіи прилива капитала къ земледѣлію, ставя это явленіе въ связь съ тѣмъ, что прилива капитала не было и въ сферѣ обрабатывающей промышленности. Характеристика, сдѣланная экономическому строю Франціи передъ 1789 г. проф. Лучицкимъ, вполнѣ подтверждается трудомъ Е. В. Тарле. Вообще капиталовъ во Франціи было мало и какъ-разъ въ этомъ фактѣ, по мнѣнію автора, и заключается объясненіе причинъ, „дѣйствіе которыхъ отражалось на всѣхъ почти сторонахъ земледѣльческой дѣятельности въ странѣ наканунѣ революціи. Имъ прежде всего объясняется та отсталость культуры, которая характеризуетъ экономическую жизнь Франціи". . . . „Вести сколько-нибудь успѣшно крупное хозяйство при существованіи указаннаго

факта было крайне трудно. И эта трудность, создаваемая отсутствіемъ прилива капитала и его слабыми размѣрами, становилась почти невозможной при условіяхъ аграрнаго строя, какъ онъ сложился во Франціи. Расходы по обработкѣ, усиливаемые отсутствіемъ рабочихъ рукъ и исчезновеніемъ барщины, были таковы, что поглощали почти весь доходъ и дѣлали и для дворянина, и для буржуа убыточнымъ предпріятіе". Проф. Лучинскій подчеркиваетъ, что и литература „изобиловала трактатами, указывавшими на трудность вести хозяйство при условіяхъ аграрнаго строя, при отсутствіи класса вольныхъ рабочихъ, при существованіи крестьянства, владѣющаго землей или находящаго заработки въ промышленности". Для того, чтобы поземельная собственность дворянъ, буржуазіи и церкви давала доходъ, оказывалось неизбѣжнымъ при такихъ условіяхъ „сдавать землю въ наемъ и сдавать тѣмъ, кто могъ обработать ее, кто въ ней нуждался и жаждалъ получить ее". Людей, которые могли бы играть роль англійскихъ фермеровъ, было донельзя мало и всѣ условія складывались, собственно говоря такъ, что „для большей части Франціи исключали возможность вести дѣло хозяйства на широкихъ и раціональныхъ основаніяхъ. Вся обстановка экономической жизни страны, соціальныя и политическія условія, система фиска и т. п. усиливали преграды въ этомъ отношеніи". Оставалось передавать дѣло собиранія доходовъ, поступавшихъ въ натуральной формѣ, „посредникамъ, большею частью буржуа, лицамъ, не владѣвшимъ капиталомъ, но имѣвшимъ возможность продажей взыскиваемыхъ съ арендаторовъ сборовъ выручить требуемую и условленную сумму для оплаты собственника и сберечь солидную копейку въ собственный карманъ, создать небольшой капиталъ. Но этотъ капиталъ, особенно настаиваетъ авторъ, не шелъ въ большинствѣ случаевъ на сельско-хозяйственныя предпріятія".

Проф. Лучицкій полагаетъ, что, благодаря такимъ условіямъ, почти исключительными держателями $^3/_4$ всей годной подъ культуру земли являлись крестьяне „экономическими качествами" которыхъ, по его словамъ, „должны были опре-

дѣляться и способы культуры земли, и формы ея держанія въ случаяхъ съемки ея у привилегированныхъ классовъ" Само крестьянство въ эту эпоху разслоялось и географически, и по группамъ, и внутри отдѣльныхъ группъ. „Тутъ были, по словамъ изслѣдователя, и laboureurs и ménagers, сосредоточивавшіе въ среднемъ максимальный размѣръ земельной собственности, и виноградари (vignerons), по характеру предпріятія стоявшіе въ смыслѣ средняго обезпеченія землей очень низко, въ большей части Франціи обладавшіе почти въ три раза меньшимъ въ среднемъ количествомъ земли, чѣмъ laboureurs, и лица, занятыя промыслами: мельники, кабатчики, купцы, продавцы хлѣба, яицъ и т. п., занимавшіе въ среднемъ первое мѣсто послѣ laboureurs, и journaliers, manoeuvres, brassiers, métayers, mendiants, съ одной стороны, artisans (сельскіе ремесленники)—съ другой, занимавшіе послѣднее мѣсто по размѣрамъ средней ихъ обезпеченности землей". Какъ и въ другихъ случаяхъ, проф. Лучицкій и здѣсь приводитъ примѣры съ цифровыми данными изъ разныхъ областей Франціи, дѣлая изъ всего тотъ выводъ, что „это разслоеніе крестьянской массы, эта крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи земли и между отдѣльными домохозяевами, и между отдѣльными приходами, и между членами одной и той же крестьянской группы, создавали для значительной части крестьянъ, владѣвшихъ землею, не говоря о безземельныхъ, полную невозможность обезпечить свое существованіе инымъ путемъ, кромѣ найма чужой земли". А тутъ еще нужно не забывать отсталость земледѣльческой культуры, господство въ большей части Франціи трехполья, при существованіи кое-гдѣ и двухполья! Немудрено, что преобладающею, почти всеобщею формою съемки земли было половничество съ оплатою исключительно натурой: показанія Артура Юнга подтверждаются архивными документами. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ Франціи проф. Лучицкимъ отмѣчаются и еще „разнообразные виды аренды, какъ временной, такъ и долгосрчной, и даже аренды, приводившей въ теченіе извѣстнаго промежутка времени къ полной собственности (arrentement, bail a rente), все еще существо-

вавшей въ нѣкоторой области Франціи и свидѣтельствующей о сохраненіи еще и въ XVIII в. тѣхъ экономическихъ условій, которыя, прибавляетъ авторъ, въ XV и XVI вв. были одной изъ причинъ созданія мелкой крестьянской собственности".

Однимъ изъ характерныхъ явленій въ исторіи XVIII в., особенно второй его половины, нашъ изслѣдователь признаётъ еще стремленіе землевладѣльцевъ увеличивать платежи съемщиковъ. „Нерѣдкіе, говоритъ онъ, случаи задолженности, и раззоренія арендаторовъ, ... въ полной мѣрѣ иллюстрируютъ эту картину и дѣлаютъ понятнымъ фактъ нерѣдкаго же отказа арендаторамъ отъ земли за несвоевременный взносъ платежей и обращеніе этихъ арендаторовъ въ лицъ, увеличивающихъ ту армію нищенствующихъ, контингентъ которыхъ рядомъ пополнялся и разоряющимися, и разоряемыми métayers". Земли сдавались по мелочамъ, но была тенденція превращать ихъ въ участки для краткосрочной денежной аренды, и именно на арендаторовъ такихъ участковъ и падала тяжесть стремленія владѣльческихъ классовъ къ умноженію доходовъ. Для осуществленія ихъ тенденцій „изъ крестьянства выжимались всѣ соки, не дававшіе все-таки, несмотря на увеличеніе нормы платежей, изъ года въ годъ къ концу XVIII в., всего возможнаго и требуемаго владѣльцами отъ земли, отдаваемой ими въ аренду, хотя аренда давала больше, чѣмъ простой métayage". Отсюда авторъ выводитъ проявленіе къ концу вѣка, — „подъ вліяніемъ отчасти и экономическихъ и агрономическихъ ученій и теорій,—англійской системы хозяйства, стремленія перейти къ фермерству на широкій ладъ, къ образованію крупныхъ фермъ, основанныхъ на денежныхъ платежахъ по преимуществу". Это было новое явленіе въ исторіи Франціи, но „при общихъ экономическихъ условіяхъ жизни въ то время оно получило сравнительно мало значенія, развивалось слабо". Послѣднее авторъ доказываетъ опять цифровыми данными. Какъ результатъ неразвитости капитала во Франціи, мало привлекавшаго къ землѣ въ XVIII столѣтіи, „это новое фермерство, естественно, могло дать для удо-

влетворенія потребностей дворянства и вообще привилегированныхъ классовъ сравнительно очень мало, и существованіе его лишь разжигало аппетиты, особенно, когда стали расти цѣны и нѣсколько облегчены были путы, связывавшія торговлю хлѣбомъ. Но это тѣмъ болѣе должно было отзываться на слабомъ экономически крестьянствѣ, особенно той части его, которая была мало обезпечена собственной землей".

На почвѣ описаннаго стремленія помѣщиковъ и выростала та вражда крестьянства къ дворянамъ, которая характеризуетъ конецъ XVIII в., тѣмъ болѣе, что, какъ показываетъ еще И. В. Лучицкій, дворяне усиленно увеличивали и свои сеньёрьяльные доходы съ крестьянъ. Авторъ не берется рѣшить, откуда помѣщики получали больше доходовъ, т. е. отъ земли или отъ сеньёрьяльныхъ правъ, но во всякомъ случаѣ послѣднія являлись крупною частью въ бюджетѣ привилегированныхъ классовъ, тѣмъ болѣе, что сеньёрьяльные доходы извлекались не отъ однихъ только крестьянъ, феодальныя повинности лежали часто и на „благородныхъ" земляхъ: „въ сеньёрьяльныхъ записныхъ книгахъ (lièves) рядомъ съ именами плательщиковъ крестьянъ стоятъ и рядъ именъ дворянъ (écuyers, графовъ и т. д.), и рядъ имепъ буржуа. Въ рядахъ мелкихъ владѣльцевъ дворянъ вообще, такихъ записимыхъ дворянъ было немало, и платежи ихъ, какъ можно судить по даннымъ déclarations, податныхъ книгъ и др., были и разнообразны, и крайне неравномѣрны". Тяжесть феодальныхъ платежей, падавшихъ на крестьянскую массу, хорошо извѣстна, хотя и падала она на населеніе далеко не равномѣрно.

Однимъ изъ важныхъ результатовъ архивныхъ изысканій И. В. Лучицкаго нужно признать его выводъ, что соціальный феодализмъ во второй половинѣ XVIII в. не ослабѣвалъ: а прямо усиливался. „Груды архивныхъ документовъ первой половины XVIII в., говоритъ онъ, вскрываютъ тотъ любопытный фактъ, что во многихъ случаяхъ происходило забвеніе, непримѣненіе на дѣлѣ тѣхъ сеньёрьяльныхъ правъ и платежей, которыми по договорамъ, записаннымъ въ livres terriers, обя-

заны были крестьяне-собственники; они, съ другой стороны, указываютъ на практическое неосуществленіе не забытыхъ правъ и платежей, которые не взыскивались или не вносились крестьянами въ теченіе длиннаго промежутка времени, нерѣдко заходившаго за предѣлы времени, совпадавшіе съ давностью". Примѣры этого, приводимые авторомъ, многочисленны, а въ связи съ ними отмѣчается у него и еще одинъ общій фактъ—накопленіе недоимокъ. „Почти до самыхъ восьмидесятыхъ годовъ задержки въ уплатѣ правъ и чиншей становятся все болѣе и болѣе значительными. Счетныя книги сеньёровъ переполнены перечнями недоимокъ всякаго рода и съ крестьянъ, и съ дворянъ, и съ буржуа. Недоимки уплачиваются туго, многія изъ этихъ недоимокъ насчитываютъ давность въ 30 и болѣе лѣтъ, и нерѣдко для полученія хоть чего-нибудь приходится дѣлать скидки при расчетахъ". Все это указываетъ, что сеньёрьяльный строй находился въ процессѣ прогрессивнаго разложенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, чувствительнымъ образомъ уменьшились и доходы сеньёровъ. Зато, несомнѣнно, росли арендныя цѣны. На сѣверѣ страны, напримѣръ, земля, отдававшаяся въ 1747 году за 475 ливровъ, отдавалась въ 1774 году уже за тысячу ливровъ и т. п. „Чѣмъ ближе, прибавляетъ проф. Лучицкій, мы подходимъ ко времени революціи, тѣмъ замѣтнѣе этотъ ростъ арендныхъ цѣнъ. Въ Бретани метерія [1]), за которую въ 1776 году уплачивалось 200 ливровъ, въ 1778 году уже шла за 350 ливровъ". Параллельно съ этимъ сеньёры пытались увеличивать и свои феодальные доходы. „Попытки эти, по словамъ автора,—то, что получило съ легкой руки Aimé Chérest названіе феодальной реакціи, уже начали сказываться почти съ самаго начала второй половины XVIII вѣка, ... Парализовать послѣдствія забвенія и исчезновенія правъ, довести до нормы все уменьшавшіеся и уменьшавшіеся доходы было возможно: дѣйствовавшее феодальное право давало соотвѣтственное орудіе для этого, въ видѣ такъ называемыхъ reconnaissances, aveux и т. д. Сеньёру

[1]) Métairie—ферма.

предоставлялись возможность и право требовать отъ зависимыхъ лицъ представленія перечня всѣхъ повинностей, слѣдуемыхъ съ каждаго sujet, или вассала, и кромѣ того, и право повѣрки и этихъ aveux, и этихъ reconnaissances". Сеньёрамъ въ этомъ дѣлѣ помогали такъ называемые февдисты, спеціалисты феодальнаго права, особенно въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в. Проф. Лучицкій приводитъ и примѣры такихъ умножателей своихъ доходовъ, въ числѣ коихъ были, напр., извѣстный Монтіонъ и знаменитый Гельвецій. Само правительство въ 1786 г. санкціонировало эту политику сеньёровъ.

По словамъ автора, „къ 1789 г. французское крестьянство чутилось подъ гнетомъ двоякаго пресса. Какъ съемщикуо помѣщичьей земли, ему пришлось выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть прогрессивнаго, можно сказать, галопирующаго роста арендныхъ цѣнъ; какъ собственнику—подвергаться разорительному взысканію недоимокъ, расходамъ, вызываемымъ реставраціей стараго порядка, тяжелому обремененію тѣми уже правильно приводимыми въ исполненіе взысканіями, которыя производились теперь послѣ возстановленія и укрѣпленія старыхъ правъ". Ненависть сельской массы къ помѣщикамъ, съ такою силою проявившаяся въ 1789 году, вполнѣ объясняется изъ этого двойного гнета, подъ которымъ она тогда находилась.

IV.

Въ началѣ третьей замѣтки, посвященной взглядамъ проф. И. В. Лучицкаго на крестьянское землевладѣніе во Франціи, было отмѣчено, что проф. М. М. Ковалевскій далеко не раздѣляетъ этихъ взглядовъ и даже стоитъ на діаметрально-противоположной точкѣ зрѣнія. Именно, онъ отрицаетъ распространенность въ дореволюціонной Франціи мелкой крестьянской собственности, полагая, что почти исключительно вся земля принадлежала тогда, кромѣ короля, духовенству, дворянству и буржуазіи. Этотъ свой тезисъ онъ,

какъ упомянуто было выше, развилъ и въ недавно опубликованныхъ имъ „Очеркахъ соціальнаго быта Франціи“. Въ настоящей замѣткѣ мы и займемся анализомъ взглядовъ проф. Ковалевскаго на этотъ предметъ въ только-что названныхъ „Очеркахъ“, предпославъ ихъ изложенію небольшую справку о прежнихъ работахъ автора въ этой области.

Болѣе раннія работы М. М. Ковалевскаго по интересующему насъ вопросу вошли въ составъ перваго тома „Происхожденія современной демократіи“, вышедшаго въ свѣтъ въ 1895 году, гдѣ, такимъ образомъ, и приходится искать выраженія первыхъ взглядовъ автора на предметъ. Общую оцѣнку этого труда вообще и перваго его тома въ частности я далъ еще въ своей статьѣ „Работы русскихъ ученыхъ по исторіи французской революціи“ [1]), а кромѣ того, только о первомъ его томѣ мнѣ пришлось говорить въ статьѣ „Что сдѣлано въ исторической наукѣ по вопросу о положеніи французскихъ рабочихъ?“, въ которой, однако, было обращено больше вниманія на обрабатывающую промышленность, нежели на сельское хозяйство [2]). Переиздавая въ 1901 г. первую половину I тома, содержащую обзоръ политическихъ и соціальныхъ отношеній стараго порядка, проф. Ковалевскій вдвое ее увеличилъ (съ 334 стр. до 687), но преимущественно по отношенію къ промышленности, цехамъ и индустріальнымъ рабочимъ. Въ 1909 и въ 1911 г. вышли въ свѣтъ во французскомъ переводѣ два отдѣла этого полутома подъ общимъ заглавіемъ „La France sociale et économique à la veille de la révolution“ и съ подзаголовками: „Les campagnes“ и „Les villes“. Наконецъ, въ 1911 г. появилось въ печати и третье изданіе перваго тома (помѣченное 1912 годомъ).

Въ предисловіи къ этому изданію проф. Ковалевскій говоритъ, что читатель найдетъ въ немъ развитіе тѣхъ же мыслей, что и въ первыхъ двухъ. Онъ заявляетъ въ немъ

[1]) Извѣстія Спб. Политехническаго Института за 1904 г. См. стр. 33—59 отдѣльнаго оттиска.

[2]) См. тѣ же „Извѣстія“ за 1911 г. О трудѣ М. М. Ковалевскаго говорится на стр. 11—13 и 22 (отд. отт.).

еще, что къ обоснованію своихъ взглядовъ привлекъ новые матеріалы, главнымъ образомъ, изъ упоминавшейся выше „Collection de documents sur l'histoire économique“, т. е. преимущественно приходскіе наказы, „которымъ онъ придаетъ большое значеніе при характеристикѣ экономическаго и общественнаго быта Франціи въ 1789 году“. Онъ подчеркиваетъ, далѣе, что „не можетъ согласиться съ тѣми, кто, подобно профессору Лучицкому и его ученику Тарле, сознательно воздерживаются отъ пользованія этимъ богатѣйшимъ источникомъ, считая сомнительными раскрываемые имъ факты“. Наконецъ, онъ отмѣчаетъ извѣстное изслѣдованіе г. Ону о наказахъ 1789 г., которое избавило его самого отъ критики этого главнѣйшаго изъ его источниковъ, хотя „нѣкоторыя замѣчанія на этотъ счетъ сдѣланы имъ попутно при разборѣ взглядовъ профессора Лучицкаго на недостовѣрность наказовъ и, наоборотъ, опредѣленность и безспорность данныхъ, извлекаемыхъ изъ налоговыхъ свертковъ“.

Интересующему насъ вопросу въ 3 изданіи книги проф. Ковалевскаго посвящена глава II подъ заглавіемъ „Крестьяне-собственники и крестьяне-пользователи наканунѣ революціи“, занимающая около семидесяти страницъ (стр. 60—131), и въ этой главѣ авторъ не разъ оспариваетъ проф. Лучицкаго, о чемъ у насъ рѣчь будетъ идти впереди. Вторая половина этой главы представляетъ собою перепечатку нѣсколькихъ страницъ изъ „Очерковъ“ [1]). Собственно говоря, въ настоящей замѣткѣ я только и имѣю въ виду эти послѣдніе.

Прежде всего, сообщаю краткія свѣдѣнія о самой этой работѣ проф. Ковалевскаго.

Въ пяти книгахъ „Вѣстника Европы“ за вторую половину 1911 г. онъ напечаталъ рядъ „Очерковъ соціальнаго быта Франціи“ подъ заголовками: „Крестьянское землепользованіе до революціи“ (іюль, три главы), „Общинныя

[1]) Ср. стр. 99 и слѣд. III тома и стр. 9 и слѣд. „Очерковъ“ въ ихъ отдѣльномъ изданіи, о которомъ сказано ниже. Различія между обоими текстами крайне ничтожны.

пользованія во Франціи стараго порядка и обязательный раздѣлъ мірскихъ угодій, предписанный конвентомъ" (августъ), „Кустари-крестьяне и фабричные рабочіе наканунѣ революціи" (октябрь) и „Принудительное отчужденіе и судьба національныхъ имуществъ во Франціи" (ноябрь и декабрь). Въ общей сложности въ этихъ статьяхъ заключается около десяти печатныхъ листовъ (162 страницы), которые и составили бо́льшую часть книги проф. Ковалевскаго, образовавшейся изъ переверстки набора прежнихъ статей съ прибавкою къ нимъ новаго очерка, въ два листа (стр. 162—191), не бывшаго раньше въ печати и имѣющаго своимъ содержаніемъ ликвидацію соціальнаго феодализма во время революціи. Самая книга получила при этомъ новое названіе—„Происхожденіе мелкой крестьянской собственности во Франціи" [1]). Нашему разсмотрѣнію въ дальнѣйшемъ и подлежатъ первыя три главы новой книги, составляющія первый очеркъ.

Въ немъ „въ основу своего изображенія матеріальнаго быта французскаго села и деревни" (стр. 8) авторъ положилъ наказы 1879 г., пользуясь новѣйшими ихъ изданіями въ „Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la révolution française". Съ этою цѣлью онъ беретъ наказы какъ отдѣльныхъ сельскихъ приходовъ, такъ и цѣлыхъ областей [2]). Между прочимъ, онъ перечисляетъ, какія матеріи заключаются въ сельскихъ наказахъ (стр. 7—8), не всегда, мнѣ кажется, отличая то, что находится въ текстѣ самихъ наказовъ, отъ того, что даютъ редакторы въ своихъ къ нимъ примѣчаніяхъ, заимствованныхъ изъ другихъ источниковъ. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это обнаруживается довольно ясно [3]). Для сужденія о значеніи наказовъ при рѣ-

[1]) Въ дальнѣйшемъ ссылки на страницы у меня дѣлаются по переверстанному изданію.

[2]) Онъ ихъ классифицируетъ не совсѣмъ одинаково на стр. 6 п. 7: на первой они имъ дѣлятся на общіе (отъ бальяжей и сенешальствъ) и на частные (отъ сельскихъ и городскихъ приходовъ), а на второй городскіе зачисляются въ первую категорію, во второй же остаются только сельскіе.

[3]) Занимаясь тѣми же наказами, которыми пользовался М. М. Ко-

шеніи вопроса о фактическихъ отношеніяхъ въ деревняхъ это нужно имѣть въ виду.

Первое, что, и на мой взглядъ, можно извлечь изъ приходскихъ наказовъ по вопросу о земельномъ обезпеченіи французскаго крестьянства наканунѣ революціи, это—отмѣчаемая и проф. Лучицкимъ крайняя его неравномѣрность. „Не всѣ крестьяне, говоритъ М. М. Ковалевскій, владѣли полными и даже частичными надѣлами [1]); многіе имѣли только дворовые участки съ огородами. Они слыли въ этомъ случаѣ уже не пахарями (laboureurs), а батраками (manouvriers", стр. 2). Въ другихъ мѣстахъ онъ еще подробнѣе говоритъ о „разслоеніи крестьянской среды на нѣсколько пластовъ", упоминая, наприм., что въ наказахъ мы встрѣчаемъ „фермеровъ", „половниковъ", „пахарей", „батраковъ", и противополагая „фермеровъ и половниковъ" „пахарямъ" (стр. 9), а также прибавляя къ этимъ категоріямъ еще виноградарей, какъ особую группу сельскаго населенія (стр. 10 и 11). И въ другомъ еще мѣстѣ авторъ говоритъ о „разслоеніи французской деревни на классъ пахарей, бывшихъ не всегда собственниками своихъ земель, но во всякомъ случаѣ наслѣдственными ихъ пользователями, и классъ батраковъ, обыкновенно владѣвшихъ только усадьбой и прилегающимъ къ ней огородомъ. Эти батраки, прибавляетъ онъ, представляли собою въ строгомъ смыслѣ слова сельскій пролетаріатъ" (стр. 64). Въ то время, читаемъ мы у проф. Ковалевскаго, какъ manouvriers переходили въ категорію сельскихъ пролетаріевъ, laboureurs пріобрѣтали все болѣе и болѣе характеръ домовитаго крестьянства (стр. 42). Этотъ „сельскій пролетаріатъ" онъ противополагаетъ „зажиточному крестьянству" (стр. 69)

валевскій, я встрѣчалъ такіе случаи при свѣркѣ его цитатъ. Иногда интересующія насъ свѣдѣнія имѣются также не въ самихъ наказахъ, а въ протоколахъ избирательныхъ собраній.

[1]) Термины „надѣлъ" „надѣльная система", „надѣльные крестьяне" довольно часто встрѣчаются въ этой работѣ Ковалевскаго (см. стр. 14, 15, 17, 71, 73, 75). Въ одномъ мѣстѣ читаемъ: „снимаемые крестьянами участки или, точнѣе, надѣлы", стр. 15.

и т. п. [1]). Есть еще встрѣчающійся въ документахъ терминъ „menager“, который, по мнѣнію автора, обозначаетъ обзаведшагося своимъ хозяйствомъ крестьянина, или „хозяйственаго“ крестьянина (стр. 44 и 150).

Какъ laboureurs были обезпечены землею далеко не въ одной мѣрѣ, такъ и manouvriers не могли считаться всѣ одинаково обезземельными. Самъ проф. Ковалевскій указываетъ на то, что изъ числа manouvriers „одни имѣли усадьбы съ небольшимъ участкомъ земли, а другіе—только усадьбу“, причемъ ихъ названіе толкуется въ смыслѣ „работающихъ собственными руками, т. е. безъ всякой упряжи, безъ тѣхъ воловъ и лошадей“, которыми воздѣлывается поле (стр. 9). Въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ свидѣтельство одного наказа о томъ, что въ неурожайные годы батраки разстаются со своими клочками почвы (les quelques pouces de terre), доставлявшими имъ пропитаніе (стр. 12).

Далѣе, по мнѣнію М. М. Ковалевскаго, „имущественная обезпеченность крестьянъ не только не возрасла въ годы, предшествовавшіе революціи, но значительно пала“ (стр. 2), вслѣдствіе стремленія помѣщиковъ переходитъ къ болѣе выгодному использованію своихъ земель. Если, говоритъ онъ далѣе, „дворянское землевладѣніе стало сокращаться въ своемъ размѣрѣ, то не въ пользу крестьянъ-собственниковъ, а въ пользу—частью городской буржуазіи, частью сельскаго мѣщанства, своего рода кулаковъ, слывшихъ подъ названіемъ tiers état rural“ (стр. 3). Что касается вопроса о ростѣ крестьянской собственности, то авторъ не разъ высказываетъ сомнѣніе относительно его возможности. Крестьяне нищенствуютъ: „гдѣ ужъ тутъ думать о пріобрѣтеніи земель въ собственность?“ (стр. 24). „Трудно ждать роста мелкой собственности тамъ, гдѣ, по описанію наказовъ, земледѣлецъ, проведшій всю свою жизнь въ тяжкомъ трудѣ, умираетъ въ

[1]) У проф. Ковалевскаго есть цѣлый рядъ интересныхъ страницъ (65—86) о томъ, какъ расходились интересы и стремленія обоихъ классовъ по отношенію къ общиннымъ землямъ.

большей бѣдности, чѣмъ та, при какой онъ впервые приступилъ къ обработкѣ почвы“ (стр. 26).

Въ общемъ, авторъ не отрицаетъ существованія земельнаго обезпеченія сельскаго населенія, но не хочетъ признавать, чтобы могла идти рѣчь о распространенности крестьянской собственности. Чтобы всѣ laboureurs, за немногими исключеніями, были мелкими собственниками, „какъ это думаетъ проф. Лучицкій, проф. Ковалевскій не считаетъ себя въ правѣ утверждать на основаніи наказовъ“ (стр. 41). Подъ собственностью онъ разумѣетъ собственность только полную, алодіальную, а не ту условную, феодальную собственность, подъ понятіе которой подводятся не только цензовые (чиншевые) участки, но въ сущности и феоды, находившіеся въ рукахъ высшихъ сословій (de jure, по крайней мѣрѣ). Онъ полагаетъ, что если въ сборникахъ кутюмнаго права „примѣняется къ крестьянамъ названіе собственниковъ (propriétaires), то лишь потому, что въ этихъ источникахъ подъ собственностью разумѣется всякое наслѣдственное пользованіе, хотя бы связанное съ производствомъ тѣхъ или иныхъ службъ и платежей“ (стр. 2). Возражая проф. Лучицкому, обнаружившему въ Лимузенѣ массу крестьянъ-собственниковъ, онъ считаетъ далеко „недоказаннымъ утвержденіе, что крестьяне Лимузена пользовались своими землями, какъ собственники, а не какъ наслѣдственные съемщики“ (стр. 4; ср. стр. 38). И въ другихъ мѣстахъ онъ постоянно говоритъ, что рѣчь можетъ идти не о собственности крестьянъ, а лишь о „пользованіи, пожизненномъ или наслѣдственномъ, связанномъ съ существованіемъ надѣльной системы“ (стр. 14). „Подъ мелкими собственниками, заявляетъ онъ еще, разумѣлись въ Котантэнѣ не свободные владѣльцы, а такіе, которые обложены были платежами въ пользу помѣщика“ (стр. 16).

„Франціи этого времени, говоритъ проф. Ковалевскій вообще о тогдашнихъ порядкахъ, извѣстно было одно зависимое владѣніе сельскихъ воздѣлывателей земли, нѣчто подобное вѣчно-наслѣдственной арендѣ, связанной гдѣ съ несеніемъ барщинъ, гдѣ съ платежемъ оброка деньгами или

натуральными продуктами. Цензъ, отвѣчающій понятію польскаго чинша, и шампаръ—то же, что сдача земли съ части годовыхъ урожаевъ, обыкновенно трети, рѣдко когда половины" (стр. 2).

Итакъ, то, что другіе изслѣдователи признаютъ за мелкую крестьянскую собственность, хотя и условную, чиншевую, нашъ авторъ подводитъ подъ понятіе аренды, хотя и наслѣдственной. Это его право, но я боюсь, что при этомъ проф. Ковалевскій смѣшиваетъ сеньёрьяльный цензъ (чиншъ) въ формѣ шампара (т. е. извѣстной части урожая) съ половническимъ оброкомъ [1]), а это далеко не одно и то же, какъ это мною будетъ показано въ другомъ мѣстѣ.

Конечно, когда проф. Ковалевскій настаиваетъ на томъ, что подъ собственниками приходится разумѣть цензитаріевъ, онъ безусловно въ большинствѣ случаевъ правъ, но для того, чтобы придти къ такому выводу, нѣтъ надобности толковать отдѣльныя мѣста наказовъ [2]), а стóитъ только вспомнить, что въ большей части провинцій Франціи дѣйствовалъ принципъ „nulle terre sans seigneur", не допускавшій существованія алодіальной собственности. Но въ такомъ случаѣ ему не слѣдовало бы слишкомъ легко соглашаться на существо-

---

[1]) „Въ большинствѣ провинцій продолжало держаться регулируемое обычаемъ средневѣковое половничество въ формѣ такъ называемаго шампара и уцѣлѣвшаго чуть ли не съ римскихъ временъ ценза или чинша" (стр. 45). Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что помѣстная земля въ большей части Франціи „сосредоточивалась въ рукахъ половниковъ (шампартистовъ)", чѣмъ отожествляетъ métayage и champart (стр. 129). То же самое отожествленіе повторяется нѣсколько дальше (стр. 130), гдѣ проф. Ковалевскій говоритъ о нерасположеніи физіократовъ къ „господствовавшей въ то время системѣ половничества (шампара)".

[2]) Напр., такое мѣсто: „Самый текстъ (наказа) не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что подъ пахарями бальяжа Труа разумѣлись не собственники-крестьяне; иначе наказу не пришлось бы упоминать о производствѣ ими за свои земли платежей собственникамъ. Мы имѣемъ, слѣдовательно, дѣло съ чиншевиками и оброчными владѣльцами, занимающими помѣщичьи земли", стр. 22. Ср. на стр. 23 мѣсто по поводу упоминанія о шампарѣ.

ваніе мелкихъ собственниковъ тамъ, гдѣ дѣйствовалъ принципъ феодальной собственности [1]). Между прочимъ, онъ готовъ признать характеръ собственности за мелкими участками лишь потому, что они въ извѣстныхъ случаяхъ подлежали продажѣ за долги, а этого, думаетъ проф. Ковалевскій, не могло быть по отношенію къ цензовымъ (которые, какъ извѣстно, переходили по наслѣдству и могли отчуждаться путемъ даренія или продажи).

Мѣстами проф. Ковалевскій какъ бы идетъ на уступки и готовъ признать мелкую собственность, которая, однако, „или является настолько дробной, что не обезпечиваетъ достаточнаго дохода для прокормленія двора, или же не отвѣчаетъ современному представленію о независимомъ владѣніи, такъ какъ обложена платежами, натуральными или денежными, въ пользу помѣщика“ (стр. 32). „Мелкая крестьянская собственность, говоритъ онъ еще, существуетъ, но въ скромныхъ размѣрахъ; притомъ она не отвѣчаетъ понятію вполнѣ свободнаго землевладѣнія... Мелкіе собственники многочисленны, но ихъ владѣнія составлены изъ небольшихъ долей“, и сами они „далеко не собственники въ современномъ смыслѣ слова, а эмфитевтическіе владѣльцы, т. е. наслѣдственные арендаторы“ (стр. 33).

Случается иногда еще и такъ, что проф. Ковалевскій готовъ самъ находить „наличность мелкихъ собственниковъ“ тамъ, гдѣ тексты наказовъ на это не уполномочиваютъ, когда, напр., онъ говоритъ о „трехъ маленькихъ пахаряхъ (petits laboureurs), владѣющихъ фермами (fermiers)“, поясняя, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ „мелкими собственниками, такъ мало обезпеченными землею, что они одновременно являются и арендаторами“ (стр. 12), тогда какъ подъ понятіе „labou-

[1]) Наприм., въ приходѣ Sigloy, по его словамъ, уцѣлѣли мелкіе собственники въ лицѣ propriétaires de vignes. Впрочемъ, авторъ тутъ же прибавляетъ, что ихъ участки были обложены рентами (стр. 25). Тогда какіе же это собственники съ точки зрѣнія самого автора? Неизвѣстно, почему онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ тогда замѣчаетъ: «мы, по всей вѣроятности, имѣемъ дѣло въ этомъ приходѣ съ крестьянами-собственниками (стр. 30).

reurs“ подводились и собственники, и половники, и фермеры, разъ они вели самостоятельное хозяйство, т. е. не были наемными рабочими въ чужомъ хозяйствѣ [1]).

Въ общемъ проф. Ковалевскій не разъ отмѣчаетъ, что новѣйшія изданія источниковъ только подтверждаютъ то, что онъ высказывалъ около двадцати лѣтъ тому назадъ [2]). Какъ мы видѣли, эти его источники суть наказы. Признавая самъ ихъ большую важность, особенно въ новыхъ ихъ изданіяхъ, болѣе полныхъ, чѣмъ въ прежнемъ сборникѣ Лорана и Мавидаля, я только подвергъ бы систематическому изученію ихъ всѣ, какіе имѣются въ отдѣльныхъ томахъ, а не довольствовался бы только случайными изъ нихъ выдержками, какъ это дѣлалъ авторъ [3]).

Сдѣлавъ на трехъ съ половиною страницахъ (10—13) нѣсколько выдержекъ изъ изданія наказовъ бальяжа Меца и Нанси, онъ прибавляетъ, что, по его мнѣнію, ихъ „достаточно, чтобы разсѣять въ читателѣ сомнѣніе на счетъ возможности, пользуясь наказами, придти къ болѣе или менѣе точнымъ выводамъ о распредѣленіи земельной собственности“ (стр. 13). Лично знакомый какъ-разъ съ наказами, которыми пользовался М. М. Ковалевскій и на этихъ страницахъ, и на слѣдующихъ за ними, равно какъ со многими другими[4]), могу только сказать, что о точности и рѣчи быть не можетъ въ данномъ случаѣ, если имѣть въ виду даже не бо́льшую часть деревень и притомъ далеко не всей Франціи. Правда, онъ не ограничивается одними наказами Меца и Нанси, но беретъ и другіе, чтобы либо констатировать отсутствіе въ нихъ упоминаній о крестьянахъ-собственникахъ (стр. 18), либо еще рѣзче выразить ту же мысль. „Вопросъ, говоритъ онъ, напр., о существованіи или несуще-

[1]) Дѣло идетъ о приходѣ Брей, относительно котораго авторъ могъ бы выписать изъ своего источника нѣсколько еще больше.

[2]) См. стр. 9, 19, 41, 50 и др.

[3]) Такъ именно нужно было бы поступать въ спеціальномъ пересмотрѣ вопроса въ работѣ монографическаго характера.

[4]) Онъ не пользовался, напр., вторымъ томомъ наказовъ Котантэна, вторыми томами наказовъ Труа и Орлеанэ и т. п.

ствованіи значительнаго числа крестьянъ-собственниковъ рѣшается этими документами съ большою опредѣленностью и въ вполнѣ отрицательномъ смыслѣ“ (стр. 19). Для противниковъ исключительнаго пользованія наказами при изученіи крестьянскаго землевладѣнія аргументація проф. Ковалевскаго, думается, мнѣ не можетъ имѣть силы [1]).

Укажу еще на то, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ М. М. Ковалевскій былъ, на мой взглядъ, недостаточно точенъ въ передачѣ, свѣдѣній, которыя находилъ въ наказахъ, между прочимъ когда доказывалъ на основаніи этихъ свѣдѣній, что въ такихъ-то и такихъ-то приходахъ не было мелкихъ собственниковъ [2]). Не всегда можно, кромѣ того, согласиться въ подобныхъ случаяхъ и съ толкованіями автора. Напр., мелкіе собственники одного прихода жалуются на то, что со своихъ земель (héritages) имъ прихо-

[1]) Въ предисловіи къ 3 изд. I тома „Происхожденія современной демократіи“ (стр. VI) авторъ говоритъ, что „продолжительная остановка“ на вопросахъ о разныхъ источникахъ, „безъ всякой пользы для дѣла, только обременила бы книгу техническими подробностями“. Жаль, что авторъ отказался отъ нихъ и въ болѣе спеціальной работѣ.

[2]) См. стр. 15 говорится о пахаряхъ и крестьянахъ, хотя въ текстѣ только есть laboureurs. На стр. 21 говорится, что населеніе Бертиньоля состояло изъ пахарей, батраковъ и винодѣловъ, тогда какъ въ текстѣ наказа мы находимъ только vignerons и manouvriers. На стр. 16 говорится, что въ Герсигевилѣ жители владѣютъ только половиною (мало!) земель и что здѣсь за исключеніемъ незначительнаго числа жителей, еле-еле существующихъ, всѣ прочіе—рыболовы и лодочники, откуда дѣлается выводъ, что тамъ, очевидно, не было крестьянъ-собственниковъ, хотя изъ текста наказа это отнюдь не вытекаетъ, и притомъ наказъ говоритъ еще объ artisans въ составѣ населенія прихода (artisans ou obligés de prendre le parti de la mer). На стр. 24, передавая одно мѣсто, авторъ слово métairies толкуетъ такъ: „т. е. снимаемыхъ въ аренду земельныхъ участковъ (locatures)“, когда въ текстѣ стоитъ: „métairies *et* locatures“, причемъ для послѣдняго слова см. въ одномъ наказѣ такое мѣсто: „le reste de feux n'étant que de simples locatures . . . . . occupées par des mercenaires“ (Нак. Труа, I, стр. 153). Есть неточные переводы. Напр., „nos petites propriétés se trouvant appauvries par l'imposition accablante que payent les laboureurs et fermiers“ передано такъ: наши мелкіе собственники обѣднѣли, пахари и фермеры отказываются“ и т. д. (стр. 28).

дится платить сеньёрамъ „и другимъ кредиторамъ“ (et autres créanciers, слова, пропущенныя проф. Ковалевскимъ), что они „n'en sont véritablement que les fermiers“; т. е. мелкіе собственники приравниваютъ здѣсь свое положеніе къ положенію фермеровъ [1]), а проф. Ковалевскій дѣлаетъ тотъ выводъ, что они „оказываются“ фермерами (стр. 16). О населеніи другого прихода сказано, что оно состоитъ изъ мелкихъ собственниковъ и фермеровъ. „Кого, замѣчаетъ авторъ, разумѣть подъ мелкими собственниками, изъ наказа не видно“, но такъ какъ въ другихъ приходахъ это, очевидно, не собственники, то „нѣтъ основанія думать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло со свободными владѣльцами“.

Вообще въ пользованіи наказами въ разсматриваемой работѣ почтеннаго автора я, къ сожалѣнію, нахожу нѣкоторые дефекты, которые, впрочемъ, вкрались и въ другія мѣста [2]) этихъ по содержанію своему интересныхъ „Очерковъ“, только отчасти посвященныхъ рѣшенію вопроса о мелкомъ землевладѣніи по наказамъ.

Въ заключеніе укажу еще на одну мысль проф. Ковалевскаго, по поводу которой не могу также не сдѣлать

---

[1]) Подобнаго рода выраженія встрѣчаются въ наказахъ. См. хотя бы одно мѣсто, приводимое въ работѣ самого М. М. Ковалевскаго: „хотя виноделъ и собственникъ, но онъ такъ задолженъ, что въ дѣйствительности ему ничего не принадлежитъ, и самъ онъ является прикрѣпленнымъ къ землѣ сервомъ“ (стр. 31).

[2]) Укажу, чтобы не быть обвиненнымъ въ голословности, кое-какіе lapsus'ы. Нѣкоторыя провинціи „завели у себя представительныя собранія со временъ Тюрго и Неккера“ (стр. 5), но при первомъ не было заведено ни одного провинціальнаго собранія, а въ министерство второго только два, всѣ же остальныя были учреждены при Ломени-де-Бріеннѣ за два года до революціи. На стр. 35 авторъ повторяетъ тотъ же анахронизмъ, говоря, что такіе-то документы „сохранились далеко не во всѣхъ провинціяхъ, получившихъ мѣстное представительство во время перваго министерства Неккера“. Торговый договоръ съ Англіей далеко не устанавливалъ безпошлиннаго ввоза товаровъ (стр. 40). Исправляю также нѣкоторыя названія: вм. Nancy, нужно Ансу (стр. 10) , вм. Баренвиль—Баронвиль (стр. 12 и 13), вм. Гіавиль—Гіэнвиль (стр. 17), вм. Ассемэ—Ассенэ (стр. 20), вм. Сентъ-Исменъ—Сенъ-

маленькаго замѣчанія. Францію наканунѣ революціи онъ справедливо признаётъ страною сеньёрьяльнаго права (стр. 38), въ которой даже усиливался вотчинный гнетъ надъ деревней, что вызывало сильное недовольство людей, ему подвластныхъ (стр. 40). Въ доказательство этого онъ приводитъ немало фактовъ (стр. 42). Только революція привела къ „упраздненію феодальной системы“ (стр. 47). Въ этомъ отношеніи взглядъ М. М. Ковалевскаго, конечно, вполнѣ сходится съ взглядомъ И. В. Лучицкаго. Но собственно не ради указанія на согласіе обоихъ историковъ по данному предмету я заговорилъ о сеньёрьяльномъ строѣ.

М. М. Ковалевскій, какъ только что сказано, говоритъ объ упраздненіи революціей феодальной системы. Прочтите, однако, первыя страницы I тома „Происхожденія современной Франціи“ (стр. 58 и слѣд. по первому изданію, 132 и слѣд. по третьему изданію), гдѣ говорится о феодальной системѣ. Вотъ что тамъ сказано:

„Если мы обратимся къ современникамъ и участникамъ революціи съ вопросомъ, въ чемъ состоялъ произведенный ею общественный переворотъ, мы не получимъ отъ нихъ другого отвѣта, кромѣ слѣдующаго: „дѣятели 89 года ниспровергли феодальную систему“,... т. е. „зло, отъ котораго страдало французское общество XVIII вѣка и отъ котораго

Месменъ (стр. 23), вм. Huette—Huettre (стр. 24); вм. Sigbois—Sigloy (стр. 25), вм. Сюлли—Сюлли-ля-Шапелль (стр. 27), ибо есть и другіе Сюлли; вм. Берп—Брерп (стр. 28); вм. Контп—Contres (стр. 29), вм. Coizand—Coizard (стр. 31) и др. Соредакторъ Сэ по изданію реннскихъ наказовъ Лезоръ, а не Лессоръ (стр. 49.). На стр. 21 смѣшаны приходы Bierne и Briel. Нѣкоторыя цифры тоже требуютъ поправокъ. Напр., во 2 примѣч. на стр. 15, вм. стр. 228, должно быть 330; въ Шантлѣ было 460, а не 450 жителей (стр. 16); мѣсто, указанное въ примѣч. 6 къ стр. 21, находится въ I т. реннскихъ наказовъ не на стр. 441 и слѣд., а на стр. 458; въ примѣч. 4 на стр. 23 нужно 79, а не 70 и т. п. Доводя свою акрибію до конца, отмѣчу еще, что напрасно М. М. Ковалевскій „tiers état“ по-русски передаетъ терминомъ „среднее сословіе“ (постоянно на стр. 6, 11, 18, 21, 22, 24, 34, 44, 101, 130, 145, 148, 149, 150, 151, 156, 158, 159, 162 и, можетъ быть, гдѣ-либо еще). Къ намъ этотъ переводъ перешелъ черезъ нѣмецкое „Mittelstand“, но вѣдь третьимъ сословіемъ считалась вся нація, кромѣ двухъ привилегированныхъ.

избавили его дѣятели 89 года, былъ феодализмъ. Ничто, однако, не отвѣчаетъ меньше дѣйствительности, ничто не даетъ болѣе ложнаго представленія объ экономическихъ и соціальныхъ порядкахъ, какъ окрестить ихъ именемъ феодальныхъ". Правда, далѣе идутъ кое-какія оговорки, но даже съ ними это мѣсто постоянно смущало занимавшихся у меня студентовъ и курсистокъ, и по его поводу у насъ велись довольно часто бесѣды на тему, что слѣдуетъ понимать подъ феодализмомъ во Франціи передъ революціей. Это и было, главнымъ образомъ, сеньёрьяльное право, или сеньёрьяльный режимъ, но тогда гдѣ же выразилъ проф. Ковалевскій свою настоящую мысль, тамъ ли, гдѣ говоритъ, что феодальной системѣ не было, или тамъ, гдѣ заявляетъ, что была?

V.

Присматриваясь ближе къ разногласію между двумя русскими изслѣдователями аграрнаго строя Франціи наканунѣ 1789 г., мы не ошибемся, если сведемъ его къ тремъ главнымъ причинамъ.

Первая изъ нихъ та, что основные источники у нихъ не одни и тѣ же. Проф. Лучицкій опирается главнымъ образомъ на податные списки, тогда какъ проф. Ковалевскій пользуется почти исключительно наказами 1789 г.

Вторая причина разногласія—въ различномъ пониманіи ими крестьянской собственности: въ то время, какъ первый изъ нихъ, говоря общо, подводитъ чиншевое землевладѣніе подъ понятіе собственности (конечно, условной, феодальной), другой въ этой формѣ видитъ только наслѣдственную аренду, признавая право на наименованіе собственностью только за алодами.

Наконецъ, третьей причиной разнаго пониманія аграрнаго строя является то, что, одинаково признавая основное дѣленіе крестьянскаго населенія на „laboureurs" и „manouvriers", оба изслѣдователя не совсѣмъ одинаково толкуютъ это дѣленіе или, вѣрнѣе, чѣмъ на дѣлѣ были „manouvriers",

были ли они только земледѣльцами, менѣе обезпеченными землею, или же это былъ настоящій сельскій пролетаріатъ, классъ наемныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Моею задачею теперь и будетъ разсмотрѣть эти три пункта, по которымъ извѣстные взгляды у меня лично сложились еще болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, когда я работалъ надъ своей магистерской диссертаціей „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“, съ каковою цѣлью я и наказами пользовался, и юридическія формы французскаго землевладѣнія изучалъ, и разбирался въ вопросѣ о различіи, существовавшемъ между „laboureurs“ и „manouvriers“,—все такіе вопросы, которые тогда еще мало кого интересовали. Не предаваясь систематическому пересмотру этихъ вопросовъ, я не упускалъ ихъ изъ виду и слѣдилъ все время за работами и И. В. Лучицкаго, и М. М. Ковалевскаго, не исключая журнальной полемики между ними. Кромѣ того, свои практическія занятія съ учащимися въ высшей школѣ я очень часто сосредоточивалъ на наказахъ 1789 г., что нерѣдко приводило меня къ необходимости разъяснять своимъ ученикамъ спорные вопросы аграрной исторіи Франціи передъ революціей. Иногда мнѣ учениками прямо ставился вопросъ, кто, по-моему, правъ, Ковалевскій или Лучицкій. Любопытно, что тотъ же самый вопросъ былъ мнѣ поставленъ недавно и совсѣмъ въ другой средѣ.

Въ первыхъ числахъ января 1912 г. я сдѣлалъ въ парижскомъ „Обществѣ новой исторіи“ (Société d'histoire moderne) небольшое сообщеніе о русскихъ работахъ по французской революціи за послѣднія десять лѣтъ (1902—1911), въ которомъ, конечно, упомянулъ и о новѣйшихъ работахъ обоихъ русскихъ изслѣдователей аграрнаго строя Франціи передъ 1789 г. Послѣ прочтенія мною этого реферата мнѣ были присутствовавшими членами предложены кое-какіе вопросы, среди которыхъ былъ и вопросъ о моемъ мнѣніи касательно разногласія между Лучицкимъ и Ковалевскимъ. На это я имѣлъ готовый отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что это—вопросъ нѣсколько сложный, состоящій, собственно говоря, изъ

вопросовъ 1) объ источникахъ нашихъ свѣдѣній объ аграрномъ строѣ передъ 1879 г., 2) о юридическомъ характерѣ крестьянскаго землевладѣнія въ ту эпоху и 3) объ экономическомъ различіи между двумя главными классами французскаго крестьянства въ XVIII в. Другими словами, я сказалъ то же самое, что раньше не разъ говорилъ своимъ слушателямъ и слушательницамъ и что формулировалъ теперь выше, говоря о причинахъ разногласія.

Въ печати объ этомъ предметѣ мнѣ не пришлось еще высказаться. Въ третьемъ томѣ своей „Исторіи Западной Европы въ новое время“, вышедшемъ въ свѣтъ еще до начала работъ И. В. Лучицкаго и М. М. Ковалевскаго, я, въ сущности, изложилъ тотъ взглядъ на предметъ, который былъ высказанъ въ „Крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ“, и только въ подстрочномъ примѣчаніи въ началѣ главы VIII третьяго тома (о крестьянскихъ отношеніяхъ въ XVIII вѣкѣ) въ новыхъ изданіяхъ „Исторіи Западной Европы“ отмѣчалъ, рядомъ со старыми, новые труды обоихъ своихъ коллегъ съ упоминаніемъ о существованіи спора между ними, но безъ всякихъ подробностей о его содержаніи [1]). Естественно, что въ предисловіи своемъ къ французскому переводу „Крестьянъ и крестьянскаго вопроса“, который былъ изданъ безъ всякихъ измѣненій, я не могъ не выразить сожалѣнія, что мнѣ не удалось переработать свою книгу, между прочимъ, наприм., на основаніи изслѣдованій проф. Лучицкаго, но этимъ я отнюдь не давалъ понять о томъ, что я перемѣнилъ бы въ своихъ взглядахъ [3]). Для меня въ самомъ концѣ XIX в.,

[1]) См., напр., стр. 93—94 четвертаго изданія, вышедшаго въ свѣтъ въ 1908 г.

[2]) „Во французскомъ изданіи своего труда, говоритъ М. М. Ковалевскій, профессоръ Карѣевъ, не дѣлая никакихъ измѣненій въ текстѣ, объявляетъ себя тѣмъ не менѣе противникомъ прежде высказаннаго имъ взгляда (см. предисловіе)“. Происхожденіе современной демократіи, т. I (изд. 3), стр. 61, прим. То же самое см. и во французскомъ изданіи. Между тѣмъ въ моемъ предисловіи къ переводу (Les paysans et la question paysanne au dernier quart du XVIII siècle) буквально сказано только слѣдующее: „quoique, depuis lors, le sujet traité par moi ait suscité de nouvelles recherches (entre autres de la part de mon compa-

когда писалось это предисловіе, разысканія именно проф. Лучицкаго казались наиболѣе заслуживавшими въ то время съ моей стороны вниманія, если бы я предпринялъ внесеніе въ свою книгу какихъ-либо дополненій, такъ какъ въ основу изслѣдованія имъ аграрнаго строя Франціи былъ положенъ такой матеріалъ, который для меня (да и не для одного меня) былъ совершенно новымъ. Я очень хорошо понималъ, что между источниками и выводами изъ нихъ бываетъ извѣстное несоотвѣтствіе, т. е. что источникъ можетъ быть переоцѣненъ или что выводы могутъ быть преувеличены (и, наоборотъ, источникъ недооцѣненъ или выводы менѣе значительными, чѣмъ слѣдовало бы), но во всякомъ случаѣ новый, дотолѣ неиспользованный матеріалъ, представлялся мнѣ такимъ фактомъ, съ которымъ нельзя было не считаться. Другія научныя работы не дали мнѣ времени произвести систематическое сравненіе аргументаціи проф. Лучицкаго съ тѣми взглядами, къ которымъ приводилъ имѣвшійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ, когда писались „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“.

Излагая новый взглядъ на аграрный строй Франціи передъ 1789 г. въ статьѣ „Работы русскихъ ученыхъ“, я, конечно, не могъ не коснуться своего отношенія къ этому взгляду. Я высказался въ томъ смыслѣ, во-первыхъ, что матеріалъ, на которомъ основывается проф. Лучицкій, „вообще надежнѣе и обильнѣе, чѣмъ то, что можно извлечь изъ приходскихъ наказовъ“, которыми тѣмъ не менѣе все-таки пренебрегать не слѣдуетъ и въ этомъ вопросѣ [1]). Во вторыхъ, я назвалъ „сильно поколебленными прежнія мнѣнія о томъ, что размѣры крестьянской собственности во Франціи были крайне незначительны, и что главными и чуть не единственными

triote Loutshitsky), j'ose espérer que le public français ne tiendra mon oeuvre pour vieillie . . Je n'aurais pu, cependant, que la compléter, le fond le mes idées n'ayant pas changé, sauf en ce qui touche à la petite propriété foncière paysanne et la vente des biens nationaux“ (стр. X). Едва ли измѣнить свои взгляды и сдѣлаться противникомъ прежнихъ своихъ взглядовъ значитъ одно и то же. Прибавлю, что въ другомъ мѣстѣ (см. ниже) я оговорился о далеко неполномъ измѣненіи этихъ взглядовъ.

[1]) Стр. 65 отдѣльнаго оттиска.

покупщиками національныхъ имуществъ были лишь богатые буржуа“ [1]). Сильно поколебленными я не могъ ихъ не считать, хотя и оговорился, что все-таки это еще вопросы спорные [2]). Именно, то обстоятельство, что явился на сцену новый матеріалъ, поколебало во мнѣ былую увѣренность въ прежнемъ рѣшеніи вопроса, самый вопросъ былъ признанъ мною спорнымъ, подлежащимъ пересмотру, и въ этомъ смыслѣ я не могъ не отмѣтить измѣненія въ своемъ взглядѣ: убѣжденнымъ противникомъ прежняго взгляда я не сталъ, но началъ относиться къ нему съ сомнѣніемъ, поколебленный, какъ только-что сказано, въ прежней своей увѣренности.

Во всякомъ случаѣ, моя прежняя позиція въ этомъ вопросѣ была ближе къ той, которую потомъ занялъ М. М. Ковалевскій, нежели къ позиціи И. В. Лучицкаго. Послѣдній самъ возражалъ и противъ моего взгляда, находя, что проф. Ковалевскій только повторилъ то, что было высказано мною [3]).

Эта маленькая справка должна показать читателю, что пишущій эти строки по своему прежнему отношенію къ предмету былъ, въ моментъ возникновенія спора между обоими изслѣдователями, болѣе предрасположенъ къ принятію взгляда М. М. Ковалевскаго, но что простой фактъ обращенія И. В. Лучицкаго къ новому матеріалу поколебалъ его въ прежней его увѣренности.

---

[1]) Стр. 61.

[2]) Ср. два мѣста въ той же статьѣ: „въ предисловіи къ французскому изданію я счелъ себя вправѣ оговориться, что общіе мои взгляды измѣнились (да и то, прибавлю кстати, не вполнѣ), лишь по отношенію . . . къ двумъ вопросамъ, которые и до сихъ поръ служатъ предметомъ спора“, стр. 24.—„Общіе выводы . . . и теперь для меня остаются въ силѣ, за исключеніемъ развѣ пункта о крайне незначительномъ развитіи крестьянской собственности передъ революціей, но этотъ вопросъ до сихъ поръ остается спорнымъ“, стр. 26—27.

[3]) „Въ данномъ случаѣ, говоритъ Лучицкій о Ковалевскомъ, онъ лишь повторяетъ мнѣніе, высказанное еще въ 1789 г. Карѣевымъ“, И. Лучицкій. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи. Кіевъ. 1894. Стр. 9.

Послѣ всего сказаннаго можно безъ дальнѣйшихъ объясненій перейти къ причинамъ разногласія между обоими учеными.

VI.

Первый вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, есть вопросъ объ источникахъ для исторіи французскаго землевладѣнія наканунѣ революціи, т. е. о податныхъ спискахъ и о наказахъ 1789 г. Такъ какъ послѣдними для этой цѣли стали пользоваться раньше, то съ нихъ я и начну.

Въ своей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“ при рѣшеніи вопроса о крестьянской собственности я пользовался показаніями наказовъ только между прочимъ (ср. стр. 107 и слѣд., LXIII и слѣд. и особенно LXIX—LXXV), и это потому, что „cahiers очень рѣдко занимаются статистикой [1]), а показанія иныхъ слишкомъ неопредѣленны и неясны“. Тѣмъ не менѣе я все-таки наказами пользовался и, въ частности, привелъ не мало свидѣтельствъ изъ наказовъ о существованіи безземельныхъ крестьянъ. Съ другой стороны, въ главѣ VII своей книги я подвергъ нѣкоторому сомнѣнію полную и всегдашнюю достовѣрность крестьянскихъ наказовъ, требующихъ потому критическаго къ себѣ отношенія.

Вопросъ о достовѣрности приходскихъ наказовъ, поставленный мною, послужилъ потомъ темою для изслѣдованія А. М. Ону подъ заглавіемъ „Выборы 1789 г. во Франціи и наказы третьяго сословія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія истинному настроенію страны“ (1908),—изслѣдованія, первое начало которому было положено много лѣтъ тому назадъ въ моемъ историческомъ семинаріи. Этотъ капитальный трудъ, плодъ многолѣтнихъ занятій автора наказами, оцѣненъ, что для насъ особенно здѣсь важно, одинаково и И. В. Лучицкимъ и М. М. Ковалевскимъ. Первый изъ нихъ даже написалъ обстоятельный разборъ книги А. М. Ону по пору-

[1]) Все-таки, однако, такіе есть, на что мною было указано, напр., на стр. LXXI—LXXIII.

ченію Академіи Наукъ [1]). Книгу проф. Лучицкій называетъ „цѣннымъ вкладомъ въ науку“ и „первымъ серьезнымъ шагомъ къ разработкѣ и изданію cahiers на болѣе научныхъ основаніяхъ“, признаётъ его выводы „тщательно обоснованными“, а методъ автора „настолько правильнымъ и правильно примѣняемымъ“, что имъ „устраняются сколько-нибудь серьезныя возраженія“ [2]). Проф. Ковалевскій тоже высокаго мнѣнія о книгѣ г. Ону: „Детальное изученіе г-номъ Ону, говоритъ онъ, вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ приходскіе наказы отражаютъ на себѣ дѣйствительныя нужды и желанія народныхъ массъ, и въ какой мѣрѣ ихъ составители подчинились вліянію ходячихъ доктринъ и напередъ заготовленныхъ образцовъ, избавило автора (т. е. самого проф. Ковалевскаго) отъ необходимости предпослать своей работѣ критику главнѣйшаго изъ своихъ источниковъ“ [3]).

Что же говоритъ столь солидный изслѣдователь по интересующему насъ спеціальному вопросу?

Поднимая вопросъ о достовѣрности наказовъ, А. М. Ону различаетъ достовѣрность субъективную, болѣе его интересующую, отъ достовѣрности фактической, которая въ меньшей степени его интересовала по самому характеру наказовъ, заключающихъ въ себѣ, главнымъ образомъ, жалобы и пожеланія. Авторъ отмѣтилъ, что проф. Лучицкій „отрицаетъ цѣлесообразность пользованія наказами для опредѣленія размѣровъ крестьянской земельной собственности“, но, „по крайнему разумѣнію“ г. Ону, „профессоръ Лучицкій идетъ слишкомъ далеко въ своемъ отрицаніи надежности крестьянскихъ наказовъ“, между прочимъ, и „въ полемикѣ своей съ М. М. Ковалевскимъ“. Онъ, однако, признаётъ „несомнѣннымъ, что добываемыя въ наказахъ свѣдѣнія требуютъ про-

---

[1]) Отзывъ о сочиненіи А. М. Ону: „Выборы 1789 г. во Франціи“ и пр., составленный проф. И. В. Лучицкимъ. Оттискъ изъ „Сборника отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г.“ (преміи имени М. Н. Ахматова). Спб. 1910.

[2]) См. стр. 74 „Отзыва“.

[3]) Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи, т. I (изд. 3), стр. VI.

вѣрки и сличенія съ матеріалами другой категоріи“ [1]). Свой взглядъ на ненадежность наказовъ онъ основываетъ, напр., на томъ, что „наказы нерѣдко отрицаютъ наличность поземельнаго обезпеченія населенія, вопреки дѣйствительности“ [2]). Точку зрѣнія соотвѣтствія или несоотвѣтствія наказовъ именно „дѣйствительному положенію вещей“ (т. е. объективной достовѣрности, а не достовѣрности субъективной, соотвѣтствія мыслямъ и желаніямъ населенія) г. Ону даже называетъ „методомъ И. В. Лучицкаго [3]).

„Особенно сложнымъ и щекотливымъ, говоритъ онъ, представляется разборъ объективной (фактической) достовѣрности наказовъ по экономическимъ вопросамъ. Первичные наказы описываютъ иногда свойства почвы, распредѣленіе поземельной собственности и величину податного обложенія даннаго поселка. Нельзя, продолжаетъ онъ, требовать отъ этихъ свѣдѣній безусловной точности, и очень вѣроятно, что провѣрка наказовъ по методу И. В. Лучицкаго обнаружитъ въ нихъ много недомолвокъ, ошибокъ, неточностей и недоразумѣній. Избирательныя собранія 1789 г. были очагами общественной борьбы, а не статистическими комиссіями... Но, спрашиваетъ г. Ону, можно ли на этомъ основаніи вычеркивать наказы изъ числа источниковъ по экономической исторіи того времени“? Отнюдь нѣтъ, отвѣчаетъ онъ и указываетъ, что и самъ проф. Лучицкій „не игнорируетъ наказы, хотя и относится къ нимъ скептически“ [4]) Авторъ только требуетъ, чтобы и къ фискальнымъ доку-

[1]) А. Ону, стр. 450.

[2]) Ibid., 453.

[3]) Ibid., 455.

[4]) Ibid., 455—456. Въ своемъ „Отзывѣ“ (стр. 73 или 42 отд. оттиска) проф. Лучицкій объ этомъ заявленіи г. Ону пишетъ слѣдующее: „Говоря объ отрицательномъ отношеніи къ даннымъ cahiers по вопросамъ, касающимся землевладѣнія и его распредѣленія, г. Ону признаётъ, что податные списки внушаютъ больше довѣрія, но настаиваетъ на такой же критикѣ ихъ, какъ и та, которой подвергаютъ cahiers Возражать противъ такого требованія нельзя, но авторъ, настаивая на этой критикѣ, направляетъ ее вовсе не туда, куда слѣдуетъ. Онъ повторяетъ то, что сказано было другими, а именно: о неточности оцѣнки,

ментамъ примѣнялась та же критика, что и къ наказамъ [1]). На этомъ основаніи г. Ону высказывается противъ „той ученой забастовки въ отношеніи наказовъ, къ которой призываетъ нѣмецкій историкъ Валь. Другое дѣло,—подчеркиваетъ нашъ изслѣдователь наказовъ,—методъ И. В. Лучицкаго, цѣлесообразность котораго не должна, впрочемъ, мѣшать параллельному изученію наказовъ. Такъ какъ, говоритъ еще г. Ону, историкъ не можетъ объять необъятнаго, а потому долженъ ограничивать поле своего изслѣдованія, то съ этой точки зрѣнія И. В. Лучицкій поступилъ совершенно правильно, обратившись къ изученію колоссальныхъ вороховъ податныхъ списковъ, которые были доселѣ оставлены почти безъ вниманія“ [2]).

Въ другомъ мѣстѣ о наказахъ съ интересующей насъ точки зрѣнія А. М. Ону говоритъ въ параграфѣ объ аграрномъ вопросѣ и народномъ хозяйствѣ, гдѣ, между прочимъ, сопоставляетъ оптимистическіе и пессимистическіе взгляды на вопросъ у разныхъ историковъ. Къ оптимистамъ, „признающимъ наличность экономическихъ улучшеній наканунѣ революціи“, онъ отнесъ И. В. Лучицкаго (съ Токвилемъ и Жоресомъ), къ пессимистамъ—М. М. Ковалевскаго (съ Тэномъ, Шампіономъ и мною [3]). Не рѣшая этого ученаго

о преслѣдованіи фискальныхъ цѣлей, объ огульномъ увеличеніи окладовъ. Это все вѣрно и не оспаривается, какъ не оспаривается и неточность цифръ обложенія. Но дѣло-то въ томъ, что это ничего общаго не имѣетъ съ цифрами, опредѣляющими количество земли, какъ я показалъ въ своей книгѣ (о Лимузенѣ), на которую ссылается авторъ. Добавлю, продолжаетъ проф. Лучицкій, что данныя податныхъ списковъ опирались на кадастры, palpes и т. д., что эти послѣдніе, какъ равно и податные списки, опирались на arpentements. Между тѣмъ процедура arpentement, измѣренія земли, всегда производилась отдѣльно и особо отъ оцѣнки. Наконецъ, сличеніе цифръ количества земли по податнымъ спискамъ съ количествомъ земли, нынѣ значащейся въ данной деревнѣ, одно и то же». Объ этомъ подробнѣе см. ниже въ этой же моей замѣткѣ.

[1]) Ibid., 455.

[2]) А. Ону, стр. 457—458.

[3]) Ibid, 26.

спора, авторъ только констатируетъ, что наказы жалуются на тяжелое положеніе, и въ этомъ отношеніи имъ признаётся большая цѣнность первичныхъ наказовъ, такъ сказать, описательнаго характера, гдѣ сообщаются фактическія данныя, но, прибавляетъ онъ еще, „точности отъ такихъ описаній ожидать нельзя: цифры и вычисленія ихъ помѣщены, очевидно, на-память и на-глазъ“. Только искренность (субъективную достовѣрность) этихъ наказовъ г. Ону считаетъ несомнѣнною, и въ этомъ смыслѣ авторъ вполнѣ на сторонѣ М. М. Ковалевскаго[3]). Приведши нѣсколько примѣровъ такихъ описательныхъ наказовъ, онъ указываетъ на то, что они, „поскольку будетъ установлена ихъ объективная достовѣрность, представляютъ богатѣйшій фактическій матеріалъ по бытовой и хозяйственной исторіи. Н. И. Карѣевъ и М. М. Ковалевскій, читаемъ мы дальше, усматриваютъ въ нихъ доказательство того, что населеніе бросало землю вслѣдствіе невозможности свести концы съ концами. Напротивъ, И. В. Лучицкій, работавшій надъ другимъ матеріаломъ,... непреложно, съ цифрами въ рукахъ, доказалъ,... что мелкая собственность была развита во Франціи уже до революціи и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наблюдался ростъ крестьянскаго землевладѣнія“. Считая прямо невозможнымъ спорить съ цифрами проф. Лучицкаго и присоединяясь къ его взгляду, авторъ только дѣлаетъ къ нему оговорку или, скорѣе, дополненіе: „въ виду крайней пестроты стараго строя, возможно, говоритъ онъ, что отмѣченное Н. И. Карѣевымъ и М. М. Ковалевскимъ явленіе существовало рядомъ съ нарастаніемъ крестьянскаго землевладѣнія; одни гибли, другіе выживали и крѣпли. Какъ бы то ни было, заключаетъ г. Ону, описательные наказы, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о существованіи крестьянскаго землевладѣнія“, ибо „наказы говорятъ обыкновенно не про безземелье, а про малоземелье“[2]).

Таковъ выводъ А. М. Ону, компетентность котораго въ

---

[1]) Ibid., 627.

[2]) Ibid., 631—632.

вопросѣ о наказахъ признаётся одинаково и И. В. Лучицкимъ, и М. М. Ковалевскимъ. Резюмирую: податные списки, какъ источникъ для исторіи землевладѣнія наканунѣ революціи, выше наказовъ, но и въ нѣкоторыхъ наказахъ есть,—хотя и не всегда строго точныя,—фактическія данныя, свидѣтельствующія все-таки, что мелкая крестьянская собственность до революціи существовала, и что жалобы наказовъ раздавались не столько на безземелье, сколько на малоземелье.

Проф. Ковалевскій полагаетъ, что „болѣе продолжительная остановка на вопросахъ"—о большей или меньшей достовѣрности наказовъ и податныхъ списковъ—„безъ всякой пользы для дѣла, только обременила бы его книгу техническими подробностями" [1]).

Проф. Лучицкій какъ-разъ сообщаетъ намъ техническія подробности о главномъ своемъ источникѣ, который и защищаетъ отъ высказанныхъ нѣкоторыми историками нареканій. Въ числѣ этихъ историковъ былъ и самъ М. М. Ковалевскій.

„Взамѣнъ наказовъ, говоритъ послѣдній, г. Лучицкій рекомендуетъ держаться... такихъ источниковъ, какъ оцѣночные листы прямыхъ налоговъ въ родѣ taille и vingtième,... въ которые вносится не все населеніе, а одни владѣющія землею лица" [2]). По отношенію къ этому источнику, прибавляетъ онъ, проф. Лучицкій отказывается „отъ примѣненія элементарнѣйшихъ пріемовъ научной критики", между тѣмъ, какъ „все, что мы знаемъ о развертскѣ прямыхъ налоговъ во Франціи до революціи, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея пристрастности" [3]), да и какъ, съ другой стороны, признавать, что „сумма обложенія каждаго можетъ служить указателемъ размѣра его участка?"

Подобныя возраженія противъ пользованія податными

---

[1]) Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи, т. I (3 изд.), стр. VI.

[2]) Ibid., 71.

[3]) Ibid., 72.

списками для той цѣли, какую имѣетъ въ виду проф. Лучицкій, дѣлались и нѣкоторыми другими историками, какъ извѣстно, и въ самой Франціи, но и самъ проф. Лучицкій имѣетъ свои контръ-возраженія. Послѣднюю по времени и наиболѣе полную его аргументацію въ защиту rôles de vingtièmes можно найти во французской переработкѣ его главнаго труда „La propriété paysanne en France à la veille de la Révolution“ (principalement en Limousin), только что появившейся въ печати.

Проф. Лучицкій оспариваетъ мнѣніе извѣстнаго французскаго изслѣдователя Бретта о полной тщетности и безполезности изученія вопросовъ о поземельной собственности на основаніи rôles des vingtièmes. Главные аргументы въ пользу такого опороченія этихъ документовъ сводятся къ тому, что церковныя земли были свободны отъ этого налога, и что въ самихъ rôles были грубѣйшія погрѣшности въ пользу болѣе состоятельныхъ владѣльцевъ. Нашъ историкъ возражаетъ на это, во-первыхъ, тѣмъ, что церковныя земли, хотя и не платившія даннаго налога, все-таки въ списки вносились, а во-вторыхъ, тѣмъ, что важны не столько цифры налога, падавшаго на самыя земли, сколько самое исчисленіе отдѣльныхъ участковъ: „aussi la question essentielle, ce n'est pas de savoir si l'évalution des revenus était plus ou moins exacte, mais de rechercher si le dénombrement des terres, donné par les rôles, correspond à la réalité [1]). Противъ значенія rôles des vingtièmes былъ выдвинутъ еще аргументъ Эдмомъ Шампіономъ, книжка котораго „La France d'après les cahiers de 1789“, вышедшая въ свѣтъ въ 1897 г., существуетъ и въ русскомъ переводѣ. Разсматриваемымъ спискамъ этотъ историкъ противополагаетъ наказы 1789 г., „научающіе-де насъ относиться съ недовѣріемъ къ документамъ, при помощи которыхъ воображаютъ познакомиться съ мелкою собственностью“. Проф. Лучицкій опровергаетъ и это мнѣніе. Онъ указываетъ на то, что Э. Шампіонъ привелъ два-три случайныхъ мѣста

[1]) I. Loutchisky. La propriété paysanne en France à la veille de la révolution (principalement en Limousin), стр. 10.

изъ наказовъ съ жалобами на несправедливость и неравномѣрность обложенія vingtièmes, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ наказы объ этомъ налогѣ какъ разъ молчатъ, а если и упоминаютъ, то противополагая его другимъ, какъ все-таки болѣе сносный, а иногда даже соглашаясь на его сохраненіе. Самая критика этого налога въ наказахъ касается оцѣнокъ доходности земель (évaluation du revenu des terres), а не ихъ измѣреній (arpentement). „On ne trouve donc rien dans les cahiers, говоритъ проф. Лучицкій, qui puisse infirmer les indications que peuvent fournir les rôles des vingtièmes sur la quantité des terres qui appartennaient aux différents groupes de la population rurale“ [2]).

Вмѣстѣ съ этимъ проф. Лучицкій оправдывается отъ упрека, который ему былъ сдѣланъ раньше, въ томъ, что онъ пренебрегъ наказами въ одномъ изъ прежнихъ своихъ изслѣдованій о мелкой собственности во Франціи передъ революціей.

Въ сущности, говоритъ онъ, наказы заключаютъ очень мало указаній на распредѣленіе собственности въ сколько-нибудь точныхъ данныхъ [1]). Проф. Лучицкій отмѣчаетъ и то, что, судя по наказамъ, приходится признавать крайнюю неодинаковость отношеній отъ прихода къ приходу съ цѣлою градаціей отъ многоземелья къ малоземелью, но о томъ же свидѣтельствуетъ и rôles de vingtièmes. Работа самого проф. Лучицкаго о крестьянскомъ земледѣліи въ Лимузенѣ, сдѣланная на основаніи этого источника, показываетъ, что въ данной области крестьянская собственность по приходамъ колебалась между 5% и 91%!

Отсюда, авторъ заключаетъ, что между наказами и rôles

[2]) Ibid., 15.

[1]) Nous n'avons, à cet égard, dans les cahiers que des données éparses exprimées en des termes très vagues; comment en tirer des conclusions précises. Ibid., 17... La quantité minime des cahiers qui parlent de la répartition des terres, le caractère vague, à peu d' exceptions près, de leurs mentions, ne permettent pas de déterminer, d'une façon tant soit peu précise, la répartition de la propriété, à la veille de la Révolution, 18.

de vingtièmes не только нѣтъ противорѣчія, что первыми только подтверждается значеніе вторыхъ [1]). Проф. Лучицкій скорѣе, если уже на то пошло, готовъ вѣрить rôles больше, чѣмъ cahiers [2]). Если даже думать, что при хаосѣ стараго порядка измѣреніе земель, занесенное въ rôles de vingtièmes дѣлалось на-глазъ, то вѣдь и цифры, иногда сообщаемыя наказами, должны были получаться не инымъ способомъ.

Въ своей аргументаціи проф. Лучицкій особенно настаиваетъ на необходимости различать l'évaluation и le dénombrement des terres. Дѣло въ томъ, что это были двѣ совершенно различныя операціи, производившіяся разными людьми. „Достаточно только, говоритъ авторъ, пересмотрѣть les livres des arpentements, которые можно видѣть въ разныхъ департаментскихъ архивахъ, чтобы въ этомъ убѣдиться". Именно, почти во всѣхъ этихъ книгахъ проф. Лучицкій встрѣчалъ приблизительно такое заявленіе: „мы, такіе-то нижеподписавшіеся, должны были заняться только землемѣріемъ (mensuration on arpentements des terres), потому что оцѣнка (l'évaluation) земель, опредѣленіе ихъ качества не входятъ въ кругъ нашихъ обязанностей, составляя функціи другихъ агентовъ" [3]). Притомъ, если оцѣночная работа, на которую обыкновенно жаловались, дѣлалась въ два-три дня, измѣреніе поверхности одного какого-либо прихода затягивалось нерѣдко на очень продолжительное время. На этотъ счетъ проф. Лучицкій приводитъ немало любопытныхъ примѣровъ [4]).

---

[1]) Ainsi, entre les données des cahiers et celles des rôles des vingtièmes il n'existe aucune contradiction; ces deux sortes de documents concordent. Par conséquent, les cahiers pervent nous fournir une preuve indirecte et subsidiaire de la véracité probable des rôles de vingtièmes. Ibid., 18.

[2]) Mais on nous assure que la vérité se trouve dans les cahiers et non pas dans les rôles. Ibid., 18. Dans une mesure beaucoup plus large que pour les rôles, les données des cahiers exigeraient une vérification serieuse;.. ils méritent moins de confiance que les rôles, 19.

[3]) Ibid., 20.

[4]) См. подстрочное примѣчаніе на стр. 19—20 его книги.

Онъ отмѣчаетъ также тотъ фактъ, что администрація XVIII в. никогда не выражала сомнѣній относительно вѣрности показаній податныхъ списковъ о количествѣ земли, принадлежащей отдѣльнымъ плательщикамъ (sur l'exactitude de la contenance des fonds attribués à chaque contribuable); напротивъ, она всегда выражала полную увѣренность въ томъ, что въ данномъ отношеніи эти показанія соотвѣтствовали дѣйствительности. Проф. Лучицкій ссылается при этомъ на авторитетное свидѣтельство Тюрго, бывшаго, какъ извѣстно, одно время интендантомъ въ Лимузенѣ.

О самомъ налогѣ, носившемъ названіе vingtièmes, нашъ изслѣдователь, ссылаясь на свидѣтельства современниковъ, говоритъ, какъ о болѣе правильномъ среди налоговъ того времени въ принципѣ, хотя и распредѣлявшемся въ дѣйствительности очень неправильно [1]): налогъ этотъ должны были платить всѣ, но кто платилъ больше, а кто меньше чѣмъ слѣдовало бы на самомъ дѣлѣ. Въ основу vingtièmes былъ положенъ принципъ пропорціональности по отношенію къ доходамъ отъ земель, сеньёрьяльныхъ рентъ и промышленности, но послѣднія двѣ категоріи доходовъ были обложены непропорціонально низко, земли же облагались и крайне неравномѣрно. Между прочимъ, и на это указывалъ Тюрго, вполнѣ въ данномъ случаѣ согласно съ другими свидѣтельствами, идущими изъ XVIII в. [2]). Наказы 1789 г. вполнѣ сходятся съ этими свидѣтельствами [3]).

---

[1]) On reconnaissait que cet impôt était le mieux établi et le plus régulier de tous ceux qui existaient en France sous l'ancien régime;. mais en même temps, on trouvait que la façon dont il était appliqué ne correspondait pas au principe qui avait presidé à son établissement. Ibid., 25.

[2]) Ibid., 23—24 и 43—44 (мѣста о Тюрго).

[3]) .... sont les mêmes que celles qu'énoncent postérieurement les cahiers. Ibid., 23.... procédant des mêmes raisonnements, et chez Turgot aussi bien que chez les auteurs des cahiers, 25. Проф. Лучицкій и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, прибавляетъ, что ces critiques portaient exclusivement sur l'évaluation des revenus, sur le mode de répartition, et non pas sur les données relatives à la quantité de la terre 24—25.

Таковы самыя общія соображенія проф. Лучицкаго о значеніи rôles de vingtièmes, какъ источника для исторіи мелкаго землевладѣнія во Франціи. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ изложеніи имъ исторіи самого этого налога, а остановимся еще лишь на нѣкоторыхъ болѣе спеціальныхъ аргументахъ, какіе мы у него находимъ далѣе въ защиту rôles de vingtièmes противъ ихъ опороченія, какъ историческаго источника.

„Если допустить, говоритъ проф. Лучицкій, что цифры списковъ (rôles), указывающія на количество земли каждаго прихода, были произвольны, какъ объяснить то обстоятельство, что списки, отдѣленные одинъ отъ другого довольно значительными промежутками времени, отмѣчаютъ совершенно тожественныя поверхности (une superficie identique)? Если бы эти цифры на самомъ дѣлѣ, были произвольными,... какъ могла бы получиться совершенная тожественность, напримѣръ, въ спискахъ 1779 и 1791 г.?“ [1]).

Авторъ приводитъ и примѣры подобныхъ совпаденій и даетъ весьма убѣдительныя сравнительныя таблицы (tableaux comparatifs). А между тѣмъ въ приходахъ происходилъ за разсматриваемые сроки переходъ земельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія. И этотъ результатъ, прибавляетъ проф. Лучицкій, замѣчается вездѣ [2]).

Кромѣ того, для провѣрки данныхъ, заключающихся въ rôles de vingtièmes, проф. Лучицкій прибѣгаетъ къ кадастрамъ,— въ Лимузенѣ называвшимся „пальпами“ (palpes), — въ которыхъ перечислялись всѣ земельные участки (biens-fonds) съ указаніемъ ихъ размѣровъ (contenance) и именъ владѣльцевъ (propriétaires). Такіе кадастры существовали и въ другихъ провинціяхъ. „Пріемы, продолжаетъ проф. Лучицкій, посредствомъ которыхъ составлялись кадастры, пальпы, заключали въ себѣ самыя серьезныя гарантіи точности въ исчисленіи земель. Инициатива ихъ измѣренія (arpentement)

---

[1]) Ibid., 32.

[2]) Que l'on prenne au hasard n'importe quelle paroisse: on aboutit à des résultats absolument identiques, 35.

всегда принадлежала жителямъ прихода.... Землемѣръ былъ обязанъ изготовить кадастровую книгу, планъ прихода и всѣхъ зависѣвшихъ отъ него земель и протоколъ обмѣра. Но это не было еще все: кадастровая книга... отпралялась къ интенданту, который... посылалъ спеціальнаго коммиссара, занимавшагося въ присутствіи всѣхъ жителей прихода новою провѣркою“ [1]). У проф. Лучицкаго были въ рукахъ такія „пальпы“, и онъ сравнивалъ ихъ показанія съ показаніями rôles de vingtièmes. Онъ приводитъ одинъ примѣръ такого сравненія, но такъ, прибавляетъ онъ, и вообще было [3]).

Далѣе проф. Лучицкій ссылается на то, что архивы полны жалобами интендантамъ по поводу vingtièmes, но что напрасно было бы искать жалобъ на неправильности въ „dénombrement des terres“. Мы видѣли, что проф. Лучицкій особенно настаиваетъ на необходимости различать между „estimation de la superficie des terres“ и „l'évaluation de leur revenu“ [3]), и то, что имъ сказано о жалобахъ интендантамъ, только подтверждаетъ общій его выводъ.

Во всей этой части своего главнаго труда П. В. Лучицкій не побоялся „техническихъ подробностей“, да и не могъ иначе сдѣлать для большей убѣдительности своего утвержденія, что rôles de vingtièmes—надежный источникъ для исторіи землевладѣнія.

Выводъ, къ которому я прихожу по первому пункту разногласія, такой. Еще въ своихъ „Крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ“ я говорилъ о необходимости строгой критики наказовъ и видѣлъ въ нихъ лишь вспомогательный источникъ для рѣшенія вопроса о мелкой собственности во Франціи. Изслѣдованіе А. М. Ону, предпринятое имъ по моей иниціативѣ, дало результаты вполнѣ меня удовлетворяющіе: главнымъ источникомъ для исторіи землевладѣнія во Франціи они служить не могутъ, но и пренебрегать ими не

---

[1]) Idib., 38.

[2]) En comparant les données des palpes que j'ai entre les mains et celles des rôles, on arrive toujours aux mêmes résultats, 41.

[3]) Ср. еще стр. 42.

слѣдуетъ, потому что все-таки нѣкоторыя данныя по этому вопросу въ нихъ имѣются. Основнымъ источникомъ поэтому слѣдуетъ считать податные списки, на которыхъ основываетъ свои заключенія И. В. Лучицкій, убѣдительно, по моему мнѣнію, защитившій достовѣрность содержащагося въ нихъ матеріала.

Другими словами, источниками для исторіи мелкой собственности во Франціи до революціи являются и податные списки, и наказы, и тѣ, и другіе въ мѣрѣ того, что въ нихъ заключается. Я думаю, что проф. Ковалевскому слѣдуетъ отказаться отъ своего предубѣжденія противъ rôles de vingtièmes совершенно такъ же, какъ проф. Лучицкій смягчилъ, на мой взглядъ, свое прежнее рѣзко отрицательное отношеніе къ наказамъ [1]).

Въ заключеніе этой замѣтки о наказахъ скажу еще слѣдующее. Когда я работалъ надъ своими „Крестьянами и крестьянскимъ вопросамъ“, существовало только одно большое, но притомъ крайне несовершенное изданіе ихъ въ первыхъ томахъ первой серіи „Archives parlamentaires“, въ которомъ и мало вообще приходскихъ наказовъ. Теперь существуетъ цѣлый рядъ томовъ не разъ называвшейся мною „Collection de documents inédits“ съ массою именно приходскихъ нака-

[1]) Въ своей работѣ 1894 г. („Вопросъ о крестьянской поземельной собственности“ и т. д.) И. В. Лучицкій писалъ: „считаю излишнимъ останавливаться на обсужденіи вопроса о томъ, насколько ненадежнымъ источникомъ для опредѣленія размѣровъ крестьянской собственности являются крестьянскіе cahiers 1789 г., которыми, къ удивленію, пользуется для этой цѣли г. Ковалевскій“ (стр. 10). Проф. Ковалевскій и теперь цитируетъ эти слова (т. I, стр. 71), почему-то давая не настоящій титулъ работы Лучицкаго („стр. 10 перваго отчета о заграничной командировкѣ“). Пренебреженіе Е. В. Тарле къ наказамъ, о которомъ сказано во второй изъ этихъ моихъ замѣтокъ, я объясняю вліяніемъ на Тарле его учителя. Въ предисловіи къ II тому „Рабочаго класса“ авторъ говоритъ (стр. XIII): „въ Кіевскій университетъ я поступилъ какъ-разъ тогда, когда И. В. Лучицкій началъ свои создавшія эпоху въ наукѣ архивныя работы по исторіи крестьянскаго землевладѣнія и продажѣ національныхъ имуществъ при революціи. Я живо помню его лекціи, на которыхъ онъ безпощадно разрушалъ установившіеся взгляды и не переставалъ повторять, что не въ наказахъ“ и т. д.

зовъ. Въ особенности важно, что при отдѣльныхъ cahiers этой категоріи печатаются извлеченныя изъ архивовъ свѣдѣнія о самихъ приходахъ, о занимавшихся ими территоріяхъ, о количествѣ населенія, о поземельной собственности, о налогахъ и т. п., причемъ фигурируютъ и vingtièmes, свѣдѣнія о каковыхъ берутся, разумѣется, изъ матеріала, особенно выдвигаемаго впередъ И. В. Лучицкимъ.

Другой вопросъ—вопросъ о методѣ разработки этого матеріала. Я думаю, что для каждаго бальяжа нужно подсчитывать количество приходскихъ наказовъ, заключающихъ въ себѣ какія-либо свѣдѣнія о землевладѣніи, сравнивать эти свѣдѣнія съ архивными, буде послѣднія имѣются, классифицировать ихъ и подводить исчерпывающіе итоги. Это—методъ, настойчиво рекомендуемый мною при занятіяхъ наказами въ историческомъ семинаріи. Но это и методъ проф. Лучицкаго, примѣняемый имъ къ излюбленному имъ матеріалу.

VII.

Теперь очередь за вопросомъ, что слѣдуетъ понимать подъ мелкою крестьянскою собственностью.

По этому вопросу я тоже приведу справку, касающуюся моей книги о французскихъ крестьянахъ въ XVIII вѣкѣ. Самымъ раннимъ въ XIX в. взглядомъ на происхожденіе мелкой собственности во Франціи было признаніе ея порожденіемъ революціи. Противъ такого пониманія, какъ извѣстно, высказался Токвиль, послѣ котораго нѣкоторые писатели даже стали утверждать, что большинство крестьянъ въ дореволюціонной Франціи обладало поземельною собственностью. Въ то время, когда я работалъ надъ своей магистерской диссертаціей, т. е. около тридцати пяти лѣтъ тому назадъ, этотъ вопросъ былъ крайне неразработанъ, и я съ большимъ трудомъ собралъ лишь кое-какія данныя для его рѣшенія [1]). Существованія крестьянъ-собственниковъ во Франціи

[1]) Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в., стр. 105 и слѣд.

передъ 1789 г. я не отрицалъ, но высказался противъ мнѣнія, будто всѣ крестьяне были обладателями хотя бы маленькихъ огородовъ, не говоря уже о такихъ участкахъ земли, которые были бы достаточны для веденія самостоятельнаго хозяйства: во Франціи существовала и категорія безземельныхъ крестьянъ, жившихъ въ чужихъ домахъ и даже переходившихъ съ мѣста на мѣсто [1]). Между прочимъ, я ссылался на сильное распространеніе во Франціи мелкой аренды, какъ на доказательство малой обезпеченности крестьянъ собственною землею [2]). Толкуя свидѣтельство Артура Юнга о распространенности мелкой собственности, я указывалъ на то, что этого писателя интересовалъ вопросъ не о распредѣленіи собственности, а о раздробленіи земель въ хозяйственной эксплуатаціи [3]), и на одно его показаніе, что $^7/_8$ населенія находилось въ положеніи половниковъ, я ссылался, какъ на нѣчто такое, что плохо вяжется съ существованіемъ крестьянской собственности въ большомъ количествѣ [4]). Самъ же Юнгъ, наконецъ, отмѣчалъ фактъ крайней незначительности участковъ, находившихся въ рукахъ крестьянъ [5]).

Проф. Лучицкій въ первой своей работѣ, посвященной предмету, подвергъ критикѣ высказанный мною взглядъ и взялъ Юнга подъ свою защиту, отмѣтивъ, между прочимъ, что этотъ писатель „рѣзко отдѣляетъ крестьянскую собственность (petite propriété) отъ фермъ (fermes), феодальныхъ держаній (tenures féodales), земель, снимаемыхъ крестьянами изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, métairies“ [6]). Если подъ tenures féodales разумѣть цензивы, то „petite propriété“ должна была бы считаться за алоды, но извѣстно, что въ большей части Франціи алодіальная собственность не могла

---

[1]) Ibid., 108—109.
[2]) Ibid., 109.
[3]) Ibid., 117.
[4]) Ibid., 112.
[5]) Ibid., 117.
[6]) И. Лучицкій. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности и т. д. (1894), стр. 9.

существовать въ силу правила „nulle terre sans siegneur“ [1]). На этомъ пунктѣ я и теперь твердо стою и продолжаю думать, что свободная мелкая крестьянская собственность могла существовать во Франціи XVIII в. только въ видѣ очень рѣдкихъ, прямо исключительныхъ случаевъ. Въ этомъ смыслѣ я вполнѣ схожусь съ проф. Ковалевскимъ, хотя рѣшительно несогласенъ съ его нежеланіемъ подводить цензивы подъ понятіе собственности (феодальной, т. е. условной, несвободной). Замѣчу здѣсь кстати, что проф. Ковалевскій недостаточно вникалъ въ кутюмы и трактаты февдистовъ, которые въ свое время мною изучались довольно внимательно. По крайней мѣрѣ, я не вижу слѣдовъ изученія частнаго кутюмнаго права (по его сборникамъ и теоретическимъ обработкамъ) въ главѣ, посвященной сеньёрьяльному праву въ „Происхожденіи современной демократіи“ [2]). Только недостаточно внимательнымъ отношеніемъ М. М. Ковалевскаго къ юридической сторонѣ вопроса я могу объяснить себѣ отожествленіе имъ шампартныхъ участковъ съ половническими арендами [3]). По существу, повторяю, я согласенъ съ авторомъ „Происхожденія современной демократіи“, что о полной крестьянской собственности въ до-революціонной Франціи говорить не приходится. Съ тѣмъ же, впрочемъ, вынужденъ согласиться и проф. Лучицкій, который, конечно, не утверждаетъ, чтобы защищаемая имъ собственность была алодіальной. Если ему и приписывается такое мнѣніе, то происходитъ это отчасти отъ того, что его сравнительно мало интересуетъ вопросъ, какая же была это собственность, полная или чиншевая, отчасти и потому, что защита имъ Артура Юнга, какъ-никакъ, могла давать поводъ къ приписыванію ему взгляда, который самъ онъ не можетъ раздѣлять, зная, что такое была сеньёрія не только въ областяхъ „nulle terre sans seigneur“, но и въ областяхъ „nul seigneur sans titre“.

По вопросу о характерѣ французской крестьянской соб-

[1]) Крестьяне и крестьянскій вопросъ, стр. 29 и слѣд.

[2]) См. т. I (3 изд.), стр. 132 и слѣд. И здѣсь главный матеріалъ проф. Ковалевскаго—наказы.

[3]) См. выше (стр. 82); я еще вернусь къ этому пункту.

ственности до революціи я остаюсь при прежнемъ своемъ взглядѣ, тѣмъ болѣе, что ни И. В. Лучицкій, ни М. М. Ковалевскій въ своихъ работахъ не занимались спеціальными вопросами гражданскаго права по кутюмамъ и трактатамъ февдистовъ [1]). Проф. Ковалевскій даже дѣлаетъ прямую ошибку въ данной области, отожествляя, какъ мы видѣли, шампаръ съ половничествомъ, т. е. не принимая въ расчетъ, что въ шампартной цензивѣ мы имѣемъ дѣло съ отношеніемъ феодальнаго (сеньёрьяльнаго) характера, а въ половничествѣ—съ простою сдачею земли въ наемъ, какая возможна и въ настоящее время. Въ первомъ случаѣ дѣло въ томъ, что у участка было какъ бы два собственника, изъ которыхъ одному принадлежалъ „dominium directum“, а другому — „dominium utile“, тогда какъ во второмъ — между собственникомъ (алодіальнымъ, цензивнымъ или феодальнымъ, все равно), сдающимъ землю, и ея съемщикомъ, простымъ арендаторомъ не существовало узъ, напоминающихъ вассалитетъ [2]).

„Цензитарій, — такъ формулировалъ я ученіе февдистовъ,—былъ наслѣдственнымъ собственникомъ своей земли, но онъ никогда не могъ выкупиться отъ ценза и соединенныхъ съ нимъ droits casuels, взимавшихся въ пользу сеньёра при продажѣ цензивъ. Цензъ этотъ могъ носить разнообразныя названія (между прочимъ, шампара),... но только тогда повинности были цензомъ, когда платились сеньёру (а не всякому землевладѣльцу), были невыкупаемы и соединены съ упомянутыми droits casuels. Въ противномъ случаѣ это были простыя поземельныя ренты (rentes foncières), за вѣчный платежъ которыхъ и каждый цензитарій могъ отдать въ собственность (правильнѣе сказать: во владѣніе) свою землю“ [3]). Это различіе являлось основнымъ и было принято въ расчетъ при ликвидаціи сеньёрьяльныхъ правъ въ эпоху революціи. Самъ же, напр., проф. Ковалевскій въ изложе-

[1]) См. „Крестьяне и крестьянскій вопросъ“, стр. 257 и слѣд.

[2]) Ibid., 31.

[3]) Ibid., 34—35.

ніи имъ исторіи феодальнаго законодательства революціи отмѣчаетъ, что отмѣна конвентомъ безъ выкупа всѣхъ феодальныхъ правъ не распространялась на „земельныя ренты, т. е. на наложенные на недвижимое имущество по договорамъ періодическіе платежи“ [1]).

Земельная рента между тѣмъ близко подходила къ цензу-шампару, но если бы послѣдній былъ тѣмъ же самымъ, что métayage, нужно было бы думать, что всѣ половники сдѣлались собственниками, благодаря революціи, чего на самомъ дѣлѣ не было. Вѣдь цензитарія сеньёръ не имѣлъ права лишить его земли, пока онъ правильно платилъ цензъ и шампаръ, а арендатора-половника землевладѣлецъ прогонялъ, когда угодно, не говоря уже о томъ, что часто половничество было только срочною арендой [2]).

Общій выводъ изъ всего сказаннаго, я думаю, можетъ быть сдѣланъ такой.

Сколько бы земель ни было въ рукахъ крестьянъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ крестьяне не были полными ихъ собственниками (алоды были исключеніями), но въ то же время нельзя отожествлять наслѣдственныхъ владѣльцевъ, которые въ эпоху революціи сдѣлались полными собственниками своихъ участковъ, съ простыми арендаторами, къ числу таковыхъ, главнымъ образомъ, принадлежали половники. Мелкая собственность во Франціи существовала, но это два разныхъ вопроса: одинъ о количествѣ и размѣрахъ этой собственности, другой, — о ея юридической природѣ. Нужно точно опредѣлить, въ какихъ областяхъ Франціи возможно было алодіальное крестьянское землевладѣніе, и въ какихъ мѣстное право не допускало его существованія, и по-

[1]) Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе мелкой крестьянской собственности во Франціи, стр. 190.

[2]) Въ моей книгѣ объ этомъ много подробностей, которыхъ не принимали въ расчетъ ни проф. Лучицкій, ни проф. Ковалевскій. См. напр., о различеніи, дѣлавшемся между сеньёромъ „foncier“ и „censier“ (Крестьяне и крестьянскій вопросъ, 43), о томъ, что шампаръ могъ быть сеньёрьяльнымъ, или просто „foncier“ (стр. 47) и т. п. О разныхъ условіяхъ половнической аренды тоже есть свѣдѣнія въ моей книгѣ.

стоянно имѣть въ виду, какъ юристы тамъ и здѣсь опредѣляли природу крестьянскихъ земель, безъ чего не можетъ быть понято въ своихъ подробностяхъ и феодальное законодательство конституанты и легислативы.

Что касается до мнѣній М. М. Ковалевскаго и И. В. Лучицкаго, то употребленіе послѣднимъ термина „собственность“ тамъ, гдѣ первый предпочитаетъ говорить о вѣчно-наслѣдственномъ арендномъ держаніи, болѣе соотвѣтствуетъ пониманію XVIII вѣка. Въ концѣ же концовъ, впрочемъ, это болѣе вопросъ терминологіи, нежели существа дѣла, и, конечно, терминологическое различіе не должно запутывать самой сути вопроса.

VIII.

Переходимъ къ вопросу о раздѣленіи сельскаго населенія на „laboureurs“ и „manouvriers“.

Въ своей книгѣ о французскихъ крестьянахъ въ XVIII в. я счелъ себя вправѣ написать, между прочимъ, слѣдующія строки: „встрѣчаемое почти у всѣхъ историковъ представленіе о французскомъ крестьянствѣ, какъ объ однородной массѣ, ошибочно: необходимо, напротивъ, имѣть въ виду существованіе въ крестьянствѣ отдѣльныхъ классовъ“ [1]). По тогдашней неразработанности этого предмета мнѣ пришлось самому устанавливать понятія „laboureurs“ и „manouvriers“ и искать толкованія этихъ терминовъ въ справочныхъ пособіяхъ въ родѣ „Энциклопедіи“ [2]). Эти термины, постоянно встрѣчались мнѣ въ документахъ [3]), что заставило меня даже посвятить имъ обоимъ особую замѣтку. Въ общемъ я принялъ, что „laboureurs“ назывались крестьяне, имѣвшіе свое хозяйство, а „manouvriers“ или „manoeuvres“ — батраки, „которые для своего существованія имѣли только пару рукъ, иногда

[1]) Крестьяне и крестьянскій вопросъ, 105.
[2]) Ibid., 104.
[3]) Ibid., 78 и др.

домишко съ огородомъ самыхъ незначительныхъ размѣровъ, не всегда штуку или двѣ скота и которые поэтому должны были добывать хлѣбъ, главнымъ образомъ, нанимаясь на работы у самостоятельныхъ хозяевъ, имѣвшихъ собственность въ размѣрахъ, достаточныхъ для хозяйничанья, или снимавшихъ фермы у болѣе крупныхъ собственниковъ. Такіе „manouvriers“ либо нанимались на опредѣленный срокъ (ouvriers, domestiques, valets и т. п., либо жили поденнымъ трудомъ“ [1]). Однако, въ упомянутой замѣткѣ [2]) я долженъ былъ признать, что названія эти „очень часто не были разграничены“, и что „есть иногда такія обозначенія, которыя стоятъ въ противорѣчіи съ отожествленіемъ „laboureurs“ съ хозяевами, а „manoeuvres“ съ батраками“. Мнѣ, напр., встрѣчались случаи, когда о „manouvrier“ говорилось, что онъ „possède et exploite“ такое-то количество земли, держитъ, наприм., въ арендѣ 16 арпановъ земли, т. е. довольно много. Поэтому я даже рекомендовалъ „постоянно остерегаться и не полагаться на термины“.

Мною былъ поднятъ еще вопросъ объ относительномъ количествѣ „manouvriers“ и „laboureus“, причемъ я подчеркивалъ, что послѣдніе могли быть и собственниками, и арендаторами [3]). При скудномъ еще въ то время матеріалѣ я все-таки могъ извлечь изъ нѣкоторыхъ наказовъ данныя о количествѣ „laboureurs“ и „manouvriers [4]), что подтверждалось и другими источниками [5]). Въ настоящее время, благодаря новымъ изданіямъ наказовъ, подобныхъ исчисленій объихъ категорій крестьянства сдѣлать можно гораздо больше.

М. М. Ковалевскій понимаетъ различіе между обѣими категоріями въ томъ же общемъ смыслѣ, какой и мною былъ принятъ. Это—„пахари“, имѣвшіе полные или частичные надѣлы, и „батраки“, ими не обладавшіе [6]). Съ другой стороны,

[1]) Ibid., 104—105.
[2]) Ibid., LXII—LXIII.
[3]) Ibid., 109.
[4]) Ibid., LXXI—LXXIII.
[5]) Ibid., LXXIII—LXXVI.
[6]) М. Ковалевскій. Происхожденіе мелкой крестьянской собственности, стр. 2, 9 и др.; ср. выше, стр. 5.

однако, подъ мое опредѣленіе „laboureurs“ подходятъ не только мелкіе собственники, но и фермеры съ половниками, которыхъ проф. Ковалевскій противополагаетъ пахарямъ [1]). Не вижу ни малѣйшаго основанія для этого, ибо у самого же автора есть указанія то, что „laboureurs“ были и „fermiers“ [2]), и даже прямо на то, что они „не были земельными собственниками“ [3]) и т. п. Прибавлю, что проф. Ковалевскій тоже извлекъ изъ изданій наказовъ нѣсколько указаній касательно количества „пахарей“ и „батраковъ“ въ отдѣльныхъ приходахъ.

Проф. Ковалевскій отожествляетъ „manouvriers“ съ сельскимъ“ пролетаріатомъ [4]), наличность котораго И. В. Лучицкій прямо отрицаетъ [5]). „Начиная отъ самой, повидимому, обезпеченной землею группы laboureurs и кончая такъ называемыми mendiants“, онъ „во всѣхъ и всюду находитъ одинаковую разномастность каждой группы съ точки зрѣнія надѣленія землей“ [6]). Рѣзкая грань между „laboureurs“ и „manouvriers“ у проф. Лучицкаго вообще стирается, ибо, по его словамъ, „часть journaliers доходила по размѣрамъ своихъ владѣній до средненадѣленныхъ laboureurs“ [7]).

Я спрашивалъ самъ И. В. Лучицкаго, въ чемъ же заключается постоянно проводимое различіе между „laboureurs“ и „manouvriers“: его мнѣніе, повидимому, таково, что одни пахали землю рабочимъ скотомъ, другіе воздѣлывали ее руками при помощи кирки или лопаты. Весьма вѣроятное объясненіе [8]), но тогда и среди „manouvriers“ оказались бы и

[1]) . . . „не одними фермерами и половниками, но и пахарями (laboureurs“). Ibid., 9.

[2]) Ibid., 11, 12, 24.

[3]) Ibid., 15.

[4]) См. выше, стр. 79.

[5]) См. выше, стр. 64— 65.

[6]) Книга для чтенія, т. II, стр. 253.

[7]) Ibid., 254.

[8]) Напр., въ одномъ наказѣ я нашелъ такое мѣсто: Pour être réputé laboureur d'une charrue complète, il fallait cultiver 90 journels de terre avec un cheval. Ceux qui n'avaient pas d'indication étaient reputés manouvriers infirmes ou vieillards. Cahiers de Châlons-sur-Marne, стр. 122, примѣч. Журнель=8 -9 denrées, a denrée=5 аровъ 63 сантіаровъ.

собственники, и арендаторы очень маленькихъ участковъ. Думаю, однако, что вопросъ заслуживаетъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Въ цѣляхъ такового я началъ собирать, гдѣ только можно было это находить, объясненія терминовъ. Французскіе словари (напр., Hatzfeld'a, Darmesteter'a и Thomas'a или Godefroy) въ этомъ отношеніи мнѣ не дали ничего, да и въ изданіяхъ наказовъ я пока не нашелъ ничего новаго, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Есть мѣста въ cahiers, свидѣтельствующія о томъ, что крестьянъ распредѣляли на два класса очень произвольно, т. е. очень бѣдныхъ „пышно“ причисляли къ „laboureurs“, а зажиточные сами „скромно“ называли себя „manoevures“[1]) Фактически „laboureur вообще былъ зажиточнѣе, нежели „manouvrier“, и дѣти недостаточнаго „laboureur“ попадали въ разрядъ „manouvriers“ [2]). Встрѣчаются, въ частности, указанія на то, что первые работали при помощи именно скота, напр., лошадей [3]). Во всякомъ случаѣ не всегда „manouvriers“ лишены земли. Ихъ участки были слишкомъ незначительны,

[1]) Въ одномъ наказѣ мы читаемъ: Il est bon d'observer que ce qu'on appelle laboureurs dans cette paroisse, ce ne sont pas des gens faisant valoir et labourant leurs terres par eux- mêmes, mais bien des malheureux qui n'ont que leurs bras et qui habitent les métairies où ils sont plutôt tierciers que métayers, s'ils ne sont pas au quatre, par toutes ces charges, dont ils sont accablés; et quoiqu'il y ait dans la paroisse des laboureurs qui ne travaillent que pour eux, leur aisance, leurs facultés les mettent dans le cas de se faire craindre et on ne les impose pas au taux qu'ils devraient supporter. Beaucoup d'entre eux prennent modestement le titre de manoeuvres sur le rôle des tailles et se font imposer en conséquence tandis que tout le fardeau sur les métayers à qui on impose pompeusement le nom de laboureurs sur le même rôle. Приходъ Tracy. Cahiers de Bourges, стр. 490—491.

[2]) Le père laboureur, s'il est peu aisé, ne laisse après lui que des enfants qui rentrent, faute de moyens, dans la classe des manouvriers Городъ Труа, I, 217.

[3]) Въ приходѣ Connantray было 25 laboureurs d'un cheval et un de deux, le reste est manouvriers et veuves. Cahiers de Châlons-sur-Marne, стр. 203.

чтобы ихъ можно было пахать [1]). Большею частью они обладали маленькимъ домомъ съ небольшимъ огородомъ, да какимъ-нибудь клочкомъ земли [2]), съ которымъ приходилось разставаться въ неурожайные годы [3]). Иногда мелкій собственникъ отмѣчается, какъ „manoevre“ или виноградарь [4]) и т. п.

Все это, однако, даетъ очень мало, какъ мало даютъ и введенія или примѣчанія редакторовъ отдѣльныхъ томовъ „Collection de documents inédits“, содержащихъ въ себѣ наказы [5]). Притомъ встрѣчаются заявленія, которыя идутъ въ разрѣзъ съ основными выводами проф. Лучицкаго [6]).

---

[1]) Il y a beaucoup de manoeuvres qui ne peuvent labourer ni faire labourer leur peu de terre. Приходъ Rian. Cahiers de Bourges, стр. 302

[2]) ... des journaliers, maçons, manoeuvres, qui n'ont d'autres biens pour faire subsister leurs nombreuses familles que le seul fruit de leur travail, n'ayant qu'une petite maison avec un petit jardin, et peu ont quelques vergées de terre. Приходъ Hyenville въ Cotentin. I, 385.

[3]) Il est visible qu'un manoeuvre surtout qui, dans les années malheureuses, a été obligé de se dépouiller de quelques pouces de terre dont il jouissait encore pour la subsistance. Приходъ Bey въ bail. de Vic, стр. 70.

[4]) Il n' y a de petit propriétaire en manoeuvre non plus qu'en vigneron qui puisse aller de pair avec cette sorte de laboureurs. Приходъ Sigloy въ Орлеанэ. I, 235 — 236. Les uns propriétaires, les autres cultivateurs, ceux-ci vignerons, ceux-là manouvriers. Приходъ Bartignoles въ Орлеанэ. I, 376.

[5]) Въ протоколахъ реннскихъ наказовъ, изданныхъ Сэ и Лезоромъ, иногда отмѣчено соціальное положеніе comparants, среди которыхъ мы находимъ обозначенія: „propriétaire“, „fermier“ или „fermier et propriétaire“. Мѣстами издатели приводятъ свѣдѣнія объ общественномъ положеніи comparants по „rôles de la capitation“ съ указаніями количества ихъ „domestiques“. Издатели находятъ, что „бо́льшая часть comparants состояла изъ крестьянъ, собственниковъ, ведущихъ хозяйство на своихъ земляхъ (exploitant leurs biens), и особенно фермеровъ“, но поденщиковъ являлось мало. T. I, стр. LX. Grâce aux rôles de taille on peut se faire une idée approximative de chacun des comparants... Souvent les rôles nous ont donné les professions qui ne figurent pas aux procès-verbaux. Cahiers d' Orléans, t. I, p. XXXII.

[6]) Les paysans aisés qui pouvaient vivre de la culture de leur patrimoine, étaient relativement très peu nombreux; la plupart ne détenant que d'infimes parcelles, devaient louer des fermes ou des closeries ou

Еще предстоитъ произвести болѣе систематическое изслѣдованіе о томъ, въ чемъ заключалось различіе (не всегда ясное) между „labourеurs“ и „manouvriers“, но не подлежитъ сомнѣнію, что первые далеко не всегда были собственниками всей обрабатывавшейся ими земли, а вторые не всегда—батраками въ смыслѣ наемныхъ рабочихъ, какъ мнѣ уже приходилось это наблюдать и раньше.

Гораздо важнѣе всякихъ опредѣленій то, что въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ изданіяхъ наказовъ мы имѣемъ примѣчанія, указывающія точно, на основаніи архивныхъ данныхъ, сколько въ томъ или другомъ приходѣ было „labourеurs“ и „manoeuvriers“. Беру, напр., наказы бальяжа Труа. (Большею частью, правда, здѣсь указаны только число „дымовъ“ и общая цифра жителей, причемъ иногда говорится и о „полудымахъ“ [1]).

Изъ 87 приходовъ, имѣющихся въ I томѣ наказовъ бальяжа Труа, такихъ отмѣтокъ я насчиталъ только 14, каковыя и привожу полностью [2]).

1. La Chapelle-Saint-Luc: 161 habitants, dont 6 labourеurs et 43 manouvriers (m. въ 7 разъ больше, чѣмъ l.), стр. 560.

2. La Chapelle-Vallon: 588 habitants, dont 42 labourеurs et 94 manouvriers (въ 2 раза больше), стр. 562.

3. Chappes: 390 habitants, dont 5 labourеurs et 91 manouvriers (въ 18 разъ больше), стр. 573.

4. Charmont: 468 habitants, dont 52 labourеurs et 66 manouvriers (больше только на 30%), стр. 577.

5. Charmoy: 28 feux; 10 labourеurs, 9 manouvriers (почти одинаковое число), стр. 583.

6. Chauchigny: 318 habitants, dont 23 labourеurs et 48 manouvriers (m. вдвое больше, чѣмъ l.), стр. 591.

---

encore travailler à la journée. Les ouvriers agricoles paraissaient avoir été nombreux. Cahiers de Rennes, I, стр. XXII—XXIII (введеніе Сэ).

[1]) Это—тѣ самые наказы, изъ которыхъ мною были приведены (во второй замѣткѣ) свѣдѣнія о кустарной промышленности въ деревняхъ въ дополненіе къ даннымъ проф. Тарле.

[2]) Въ тѣхъ наказахъ или протоколахъ, гдѣ есть имена comparants, иногда отмѣтки званія такія: labourеur, manouvrier. См., напр., приходы Beugnon (стр. 399), Butteaux (стр. 483), Chaource (стр. 548—549) и др.

7. Le Chêne: 380 habitants, dont 30 laboureurs et 49 manouvriers (на 40% больше), стр. 596.

8. Chennecy: 788 habitants, dont 18 laboureurs et 165 manouvriers (въ 9 разъ больше), стр. 81.

9. Chevillelle: 79 habitants, dont 3 laboureurs et 16 manouvriers (въ 5 разъ больше), стр. 620.

10. Clérey: 746 habitants, dont 30 laboureurs et 178 manouvriers (въ 6 разъ больше), стр. 627.

11. Courgerennes: 85 habitants, dont 5 laboureurs et 12 manouvriers (въ два съ половиною раза больше), стр. 637.

12. Courteranges: 246 habitants, dont 6 laboureurs et 40 manouvriers (почти въ 7 разъ больше), стр. 656.

13. Crémost: 97 habitants, dont 8 laboureurs и 39 manouvriers (почти въ 5 разъ больше), стр. 664 [1]).

14. Chésantignes: 477 habitants, dont 13 laboureurs et 119 manouvriers (въ 9 разъ больше), стр. 667.

Свѣдѣнія подобнаго рода, содержащіяся во II томѣ, я свелъ въ слѣдующую таблицу, которую представляю здѣсь въ видѣ примѣра того, что можно еще извлечь относительно интересующаго насъ вопроса изъ новѣйшихъ изданій наказовъ.

Изъ сопоставленія приведенныхъ цифръ можно видѣть, что процентное отношеніе обѣихъ категорій было весьма различно [2]), но что вообще „manouvriers“ были болѣе многочисленны, нежели „laboureurs“, иногда даже въ двадцать

---

[1]) Верньe думаетъ, что въ цифру 97 не включены дѣти въ раннемъ возрастѣ.

[2]) Одна изъ участницъ моего семинарія на Высшихъ Женскихъ Курсахъ (А. И. Иванова) подсчитала, сколько показано жителей въ 127 приходахъ бальяжа Труа и сколько въ общей сложности крестьянъ обѣихъ категорій. Цифры получались такія: жителей—37.497, изъ нихъ laboureurs—1924, а manouvriers—6806, что составляетъ 5,1% первыхъ и 18,1% вторыхъ, т. е. manouvriers было въ три съ половиною раза больше, чѣмъ laboureurs. Если считать на каждую семью по четыре человѣка (разъ сами laboureurs и manouvriers составляли почти 25%), изъ 37½ тыс. жителей болѣе 27 т. приходилось бы на manouvriers съ ихъ семьями. Неужели во Франціи былъ на самомъ дѣлѣ такой сельскій пролетаріатъ?

Приходъ.	Число жит.	lab.	man.	Приходъ.	Число жит.	bab.	man.
Dandes	136	5	17	Montgueux	428	24	80
Dierrey-St. Julien	228	29	69	Montiéramey	456	16	104
Dierrey-St. Pierre	338	55	47	Montreuil	358	18	52
Doches	153	2	43	Montsuzain	161	25	25
Estissac et Thuisy	1026	33	193	Moussey	208	12	38
Faux-Villecerf	330	43	17	Neuville-sur-Vanne	291	14	62
Fays	254	néant[1])	72	Les Noes	240	5	45
Fenges	138	13	20	Nogent-sur-Aube	542	46	70
Fontaine-St. Georges	191	20	35	Nozay	107	13	9
Fontvannes	225	18	36	Onjon	440	60	72
Fresnoy	187	6	27	Paisy-Cosdon	316	16	48
Gérosdot	492	14	102	Palis	572	37	104
Javernant	313	3	92	Le Pavillon	332	40	51
Jeugny	421	5	111	Payns	362	31	62
Laines-aux-Bois	722	20	150	Pont-Hubert	348	27	155
Laubressel	397	22	58	Prugny	217	11	53
Lavan	254	13	45	Prunay-St.-Jean	74	1	16
Lirey	275	pas del.[2])	56	Rhèges	190	34	9
La Loge-Pontblin	160	14	21	Riancey	147	11	19
Les Loges-Margueron	358	10	49	La Rivière-de-Corps	387	13	70
Longeville	214	12	40	Roncenay	63	3	13
Lusigny	770	17	176	Rosières	151	4	29
Macey	246	18	55	Rosson	99	7	20
Machy	210	1	45	Rouillerot	104	4	24
Maraye-en-Othe	1389	26	231	Rouilly-St.-Loup	135	6	26
Les Maupas	172	3	46	Ruvingny	152	8	25
Menois	104	0[3])	17	Saint-André	369	(?)	81
Mergey	394	31	58	Saint Aventin	86	0[5])	16
Mesnil-Littre	149	20	6	Saint-Benoît-sur-Seine	259	17	40
Mesnil-St.-Loup	216	21	16	Saint - Benoît - sur Vanne	270	12	45
Mesnil-Sillières	444	32	54	Sainte-Maure	168	6	33
Mesnil-Vallon	142	20	15	Sainte-Savine	412	12	76
Molins	143	11	11	Saint-Etienne	95	10	7
Montabert	86	3	14	Saint-Germain et Lepine	459	24	66
Montaulin	278	9	42				
Montceaux	193	2[4])	60				

[1]) Земельныя отношенія прихода не вполнѣ ясны, но о приходѣ Fay въ его наказѣ сказано: „le seigneur seul possédant tous les biens de notre paroisse“, стр. 101.

[2]) Наказъ жалуется на малоземелье, на то, что бо́льшая часть земли принадлежитъ привилегированнымъ, стр. 209.

[3]) Pas de laboureurs (стр. 275). Въ наказѣ сказано: les dits habitants ne possèdent en propre que très peu de biens (стр. 277).

[4]) Въ наказѣ сказано, что прежде были 5 laboureurs, а оставшіеся два ne ont valoir que la ferme du commandeur de Troyes et celle du seigneur (стр. 334).

[5]) Aucun laboureur (стр. 503).

Приходъ.	Число жит.	lab.	man.	Приходъ.	Число жит.	lab.	man.
Saint-Jean de Bonneval	407	12	103	Torcy-le-Petit	188	15	24
Saint-Leger	189	5	25	Torvilliers	428	16	79
Saint-Loup-de Buffigny	188	13	39	Trancault	207	15	32
Saint-Lyé	405	26	50	Vailly	303	30	46
Saint-Martin-ès-Vignes	128	18	285	Vanne	136	13	23
Saint-Martin-les Daudes	70	2	16	Vauchassis	651	18	144
Saint-Mesmin	255	35	65	Vaudes	328	13	53
Saint-Parres-les Vaudes	197	7	30	La Vendal-Mignot	95[1])	3	42
Saint-Pouange	132	15	16	Verrières	246	7	50
Saint-Rémy	133	18	20	Viélaines	99	6	10
Saint-Thibault	347	14	51	Villacerf	296	18	46
Sancey-St-Julien	187	5	28	Villechétif	200	8	49
Savières	445	56	96	Villeloup	293	28	36
Savoie	87	2	18	Villemaur	423	22	73
Sommeval	310	11	64	Villemerenil	203	12	35
Souligny	423	28	63	Villemoyenne	419	9	62
Thennelières	182	4	44	Villepart	209	(?[2])	39
Torcy-le-Grand	292	16	68	Villery	271	3	74
				Villette	199	11	27
				Villy-le-Maréchal	167	7	41
				Virloup	46	4	5
				Voué	246	26	45

разъ [3]), въ тридцать разъ [4]); исключенія же были рѣдки, когда „laboureurs“ были въ меньшемъ въ числѣ [5]), какъ рѣдки были случаи и того, чтобы въ цѣломъ приходѣ не было ни одного „laboureur“ [6]). Случалось, что число тѣхъ и другихъ было одинаковое или почти одинаковое [7]). Наконецъ, обращаютъ на себя вниманіе приходы съ 1—2 laboureurs [8]).

---

[1]) Sans compter les garçons et les filles.

[2]) Въ спискѣ comparants я насчиталъ, однако, два laboureurs среди многихъ manouvriers (стр. 694—695).

[3]) Прих Doches.

[4]) Прих. Javernant и Montclaux, а въ прих. Machy на 11. приходилось 45 m.

[5]) Прих. Dirrey-St. Julien, Faux-Villecerf, Mesnil-Littre, Mesnil-St. Loup, Mesnil-Vallon, Nozay, Rhèges.

[6]) Какъ въ прих. Fays, Lirey, Menois, St. Aventin, St. Etienne и можетъ быть, St. André, т. е. всего 5—6 случаевъ изъ 110.

[7]) Прих. Molins (по 11), Montsuzain (по 25), St. Pouange (15 и 16), St. Rémy (18 и 20), Virloup (4 и 5).

[8]) Въ Doches 2 на 153 жителя, въ Javermont 3 на 313 жителей, въ Machy 1 на 210 жителей, въ Les Maupas 3 на 171 ж., въ Montceau 2 на 193 ж., въ Prunay St. Jean 1 на 74 ж., и т. п.

Обработка и такого матеріала можетъ пролить свѣтъ на крестьянское безземелье и малоземелье, но не нужно забывать еще и того, что часто въ примѣчаніяхъ къ наказамъ мы находимъ и цифры того количества земли, которымъ обладалъ каждый приходъ [1]).

* * *

Подведемъ итоги.

I. Наказами 1789 г., какъ источникомъ для нашихъ свѣдѣній о крестьянскомъ землевладѣніи во Франціи до революціи, пренебрегать не слѣдуетъ, но самъ по себѣ это—источникъ все-таки недостаточный, и неизмѣримо большее значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ податные списки, поскольку въ нихъ даны размѣры отдѣльныхъ земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ сельскому населенію.

II. Полной, алодіальной собственности во Франціи было мало, это правда, но, съ одной стороны, таковою вѣдь не были и феоды, а съ другой, нельзя трактовать чиншевое землевладѣніе, какъ простую аренду, и въ силу этого совершенно невозможно, конечно, отожествлять цензъ-шампаръ съ половническимъ оброкомъ.

III. Во Франціи, несомнѣнно, существовали и безземельные или малоземельные крестьяне, которые обозначались, какъ manouvriers, въ отличіе отъ laboureurs, но, разумѣется, не всѣ laboureurs обрабатывали землю въ качествѣ ея собственниковъ (были между ними и арендаторы), какъ далеко не всѣ manouvriers были только батраками.

Читатель можетъ судить самъ, какой путь слѣдуетъ считать болѣе правильнымъ въ разрѣшеніи спорнаго вопроса о мелкой собственности во Франціи до революціи.

---

[1]) Послѣдняго я здѣсь не касаюсь.

IX.

Разсмотрѣнная выше работа П. В. Лучицкаго о землевладѣніи и крестьянствѣ во Франціи наканунѣ 1789 г. вошла въ составъ (вышедшей въ свѣтъ уже послѣ нашего разсмотрѣнія) книги „Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи наканунѣ революціи и аграрная реформа 1789—1893 г.г." (Кіевъ, 1912). Именно, названная работа составила первыя шесть главъ книги (стр. 1—50), а остальныя главы могутъ быть раздѣлены на три отдѣла: первый изъ нихъ (главы VII—XIV, стр. 51—117) посвященъ отмѣнѣ сеньёрьяльныхъ правъ, второй (глава XV, стр. 118—128)—законодательству объ общинныхъ земляхъ, третій (глава XVI, стр. 128—157)—распродажѣ національныхъ имуществъ [1]), которую авторъ разсмотрѣлъ подробнѣе еще въ статьѣ „Отчужденіе національныхъ имуществъ во Франціи въ концѣ XVIII вѣка", напечатанной въ февральской и апрѣльской книжкахъ „Русскаго Богатства" за 1912 г. [2]).

Новая книга проф. Лучицкаго касается тѣхъ же самыхъ вопросовъ, которые составляютъ содержаніе книги М. М. Ковалевскаго „Происхожденіе мелкой крестьянской собственности во Франціи": и въ этой послѣдней, кромѣ главъ, посвященныхъ, аграрнымъ отношеніямъ и сельскому

[1]) До своего напечатанія въ названной книгѣ, эти три ея отдѣла были помѣщены въ III томѣ „Книги для чтенія по исторіи новаго времени", подобно тому, какъ первыя шесть главъ во II томѣ того же изданія. См. выше, стр. 59, прим. 2

[2]) Отмѣчу, что за послѣднее время въ „Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la révolution française" появилось уже нѣсколько томовъ съ документами, касающимися продажи національныхъ имуществъ, причемъ самимъ документамъ предпосланы болѣе или менѣе обширныя введенія. Редакторами этихъ томовъ являются Charlety (департаментъ Роны, 1906), Moulin (деп. устьевъ Роны, 1908 и слѣд.), Schwab (деп. Вогезонъ, 1911), Marion, Benzacar и Candrillier (деп. Жиронды, 1911) и др. См. также A. Violay. La vente des bien nationaux pendant la revolution (1908). Самъ П. В. Лучицкій началъ свои изслѣдованія по этому вопросу еще въ серединѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка.

населенію до революціи, есть еще главы объ отношеніи революціоннаго законодательства къ общиннымъ землямъ (часть главы III), о судьбѣ національныхъ имуществъ (гл. IV) и ликвидаціи феодальныхъ отношеній (гл. V). Это—вполнѣ параллельныя книги, притомъ параллельныя и съ моей диссертаціей „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка", съ тѣмъ, однако, различіемъ что въ послѣдней, главное вниманіе сосредоточено на ликвидаціи феодальныхъ отношеній и очень мало говорится о двухъ другихъ темахъ книгъ И. В. Лучицкаго и М. М. Ковалевскаго, т. е. объ общинныхъ земляхъ и о національныхъ имуществахъ.

Si duo idem faciunt, non est idem. И въ вопросѣ объ аграрномъ законодательствѣ революціи оба писателя стоятъ далеко не на одной и той же точкѣ зрѣнія. Для проф. Ковалевскаго, отрицающаго большое развитіе во Франціи крестьянской собственности, революція является событіемъ, положившимъ начало этой собственности, тогда какъ проф. Лучицкій, доказывающій, что мелкая собственность въ крестьянскихъ рукахъ уже существовала до революціи, находитъ, что послѣдняя вовсе не имѣла такого значенія.

Послушаемъ обоихъ авторовъ.

„Начиная, говоритъ Ковалевскій, съ августовскихъ декретовъ 1789 г., французскій крестьянинъ фактически сдѣлался собственникомъ тѣхъ надѣловъ, какими до тѣхъ поръ онъ пользовался въ обмѣнъ за барщину, чиншъ, шампаръ и рядъ поборовъ, вызванныхъ существованіемъ монополіи помѣщика и сосредоточеніемъ въ его рукахъ распоряженія феодальною собственностью. Переставъ, за немногими исключеніями, нести всѣ прежніе повинности и сборы,... крестьянинъ перевелъ свою оброчную землю въ полную собственность. Фактическія отношенія узаконены были нормами законодательнаго собранія и конвента, которыми и завершился процессъ созданія во Франціи мелкой собственности (разрядка, какъ и дальше, наша). Переходъ въ руки крестьянства только части секуляризованныхъ государствомъ церковныхъ и монастырскихъ имѣній, какъ и

конфискованныхъ у эмигрантовъ земель, расширилъ кадры крестьянъ-собственниковъ. Тому же исходу содѣйствовали мѣры конвента по отношенію къ общиннымъ землямъ, поголовный дѣлежъ ихъ между всѣми жителями деревни" (Происхожденіе и пр., стр. 190—191). Т. е. во Франціи революція произвела „демократизацію землевладѣнія" (выраженіе самого автора) путемъ 1) ликвидаціи феодальныхъ отношеній, 2) продажи національныхъ имуществъ и 3) раздѣла общинныхъ участій.

„Земельный вопросъ,—читаемъ мы въ концѣ книги Лучицкаго,—какъ онъ былъ поставленъ жизнью въ XVIII в., рѣшенъ революціей не былъ. Она не помѣшала естественному переходу части собственности въ руки крестьянъ, хотя въ малой степени содѣйствовала ему, но рѣшительно ничего не сдѣлала и не могла сдѣлать, чтобы хоть въ малѣйшей степени измѣнить соціальный характеръ земельныхъ отношеній во французской деревнѣ" (Состояніе и пр., стр. 157).

Итакъ, по мнѣнію одного изслѣдователя, революція „демократизировала землевладѣніе", тогда какъ другой утверждаетъ, что она отнюдь „не измѣнила соціальнаго характера аграрныхъ отношеній", существовавшихъ раньше. Но разногласіе это не должно насъ удивлять, разъ мы примемъ въ расчетъ, что наши историки неодинаково понимаютъ суть прежнихъ аграрныхъ отношеній. И. В. Лучицкій полагаетъ, что крестьянская цензива была мелкою собственностью, которую революція только освободила отъ тяготѣвшаго надъ нею сеньёрьяльнаго права, Ковалевскій же думаетъ, что революція создала мелкую собственность, превративъ въ нее чиншевое оброчное владѣніе. Мы знаемъ, однако, изъ предыдущаго сравненія взглядовъ обоихъ историковъ что въ основѣ ихъ разногласія лежитъ, между прочимъ, разное пониманіе и употребленіе терминовъ. Во всякомъ случаѣ, ликвидаціей феодальнаго режима революція не увеличила той земельной площади, которую можно назвать крестьянскою: съ нея, съ этой площади, была снята сеньёрьяльная тягота, (какъ и церковная десятина), цѣнность этой

земли повысилась, но сама площадь не увеличилась ни на одинъ вершокъ. Увеличеніе могло произойти только изъ другихъ источниковъ, изъ которыхъ главнымъ была продажа національныхъ имуществъ, второстепеннымъ,—раздѣлъ общинныхъ земель, бывшихъ въ нераздѣльномъ обладаніи сеньёровъ и крестьянъ.

Вопросъ о распродажѣ, во время революціи, секуляризованныхъ у духовенства и конфискованныхъ у дворянства земель, или такъ называемыхъ національныхъ имуществъ имѣетъ уже свою исторію. Были писатели, утверждавшіе, что мелкая собственность во Франціи ведетъ свое начало отъ распродажи національныхъ имуществъ, тогда какъ другіе высказывались въ томъ смыслѣ, что національныя имущества раскупались лицами, уже раньше владѣвшими поземельною собственностью. Однако, эти мнѣнія основывались не столько на положительныхъ данныхъ, бывшихъ прежде крайне скудными, сколько на общихъ соображеніяхъ. Начало научному рѣшенію было положено только тогда, когда изслѣдователи,—а въ числѣ первыхъ былъ и П. В. Лучицкій,—обратились къ хранящимся въ архивахъ актамъ продажи и соотвѣтственный матеріалъ началъ издаваться. За послѣднее время стали выходить и работы, посвященныя вопросу [1]). М. М. Ковалевскій написалъ свою главу о немъ на основаніи новыхъ изданій и работъ, И. В. Лучицкій—на основаніи, сверхъ того, и собственнаго архивнаго матеріала.

Какъ въ книгѣ, такъ и въ статьѣ, напечатанной въ „Русскомъ Богатствѣ“, проф. Лучицкій обращаетъ особое вниманіе на тотъ фактъ, что революція не использовала представлявшейся ей возможности придти на помощь малоземельной и безземельной массѣ сельскаго населенія, хотя это было „особенно настоятельной задачей въ тогдашней Франціи“.

Многіе и, между прочимъ, сами крестьяне указывали на это, и сами революціонныя собранія готовы были по време-

[1]) См. краткій очеркъ исторіи вопроса въ началѣ указанной выше статьи проф. Лучицкаго („Рус. Бог.“ за 1912 г., кн. II, стр. 102—108).

намъ становиться на такую точку зрѣнія, но на всемъ революціонномъ законодательствѣ касательно распродажи національныхъ имуществъ сказывалась подавляющимъ образомъ другая забота—использованія громаднаго земельнаго фонда, образовавшагося въ распоряженіи государства, въ цѣляхъ удовлетворенія нуждъ послѣдняго. Авторъ разсказываетъ исторію этого законодательства, проводившагося подъ вліяніемъ намѣренія сдѣлать національныя имущества средствомъ для расплаты съ долгами и пополненія казны. „Вся, говоритъ онъ, финансовая политика не одной конституанты, а и легислативы конвента базировалась на этомъ средствѣ, и естественно, весь процессъ продажи, порядокъ и способы этой продажи должны были отпечатлѣть на себѣ эту политику“ [1]). Все дѣло было предоставлено свободной игрѣ соціальныхъ силъ. Даже политическій мотивъ, притомъ очень важный мотивъ — необходимость связать интересы населенія съ новымъ порядкомъ вещей путемъ созданія мелкихъ собственниковъ, даже этотъ мотивъ отступалъ на задній планъ, разъ можно было опасаться, что это будетъ невыгодно для главной цѣли. Отсюда колебанія, ограниченія, оговорки, подрывавшія всю силу и смыслъ постановленій въ интересахъ народной массы, и другіе недостатки въ законодательствѣ, разобранномъ проф. Лучицкимъ. Вся земельная политика революціи, говоритъ онъ, „дѣлала совершенно невозможнымъ устраненіе того земельнаго зла, которое развилось во Франціи въ XVIII в... Мысль объ аграрной реформѣ была чужда большинству членовъ не только конституанты, но даже и конвента; всѣ они относились къ ней съ крайней враждебностью“ [2]).

Поэтому едва ли бы проф. Лучицкій согласился съ слѣдующими словами проф. Ковалевскаго: „двѣ одинаково (разрядка наша) привходящія причины: стремленіе правительства использовать продажу національныхъ имуществъ не для однѣхъ только фискальныхъ цѣлей, но и для демократиза-

[1]) „Рус. Бог.“, кн. II стр. 113.

[2]) Тамъ же, стр. 123.

ціи земельной собственности, чтобы связать съ судьбою революціи наиболѣе широкіе круги, и допущеніе съ этою же цѣлью, а также для ускоренія всей операціи, расплаты, по частямъ или полностью, по выбору самого покупщика, и не одной лишь звонкою монетой,... не мало содѣйствовали тому“ и т. д. (остальное въ данномъ случаѣ неважно). На мой взглядъ, анализъ революціоннаго законодательства, сдѣланный Лучицкимъ, глубже схватываетъ суть дѣла.

Оба изслѣдователя одинаково жалуются на то, что въ распоряженіи науки еще слишкомъ мало фактическаго матеріала для окончательнаго рѣшенія вопроса о значеніи распродажи національныхъ имуществъ. Вѣдь мы даже не знаемъ, какъ великъ былъ тотъ земельный фондъ, который оказался въ рукахъ революціонныхъ правительствъ и былъ потомъ распродаваемъ. Проф. Лучицкій только говоритъ по этому поводу, что одно лишь вѣрно: представленіе о размѣрахъ церковной собственности, еще недавно господствовавшее въ исторической литературѣ, сильно преувеличено, и размѣры эти не только не достигали половины, но даже и одной четверти, составляли быть можетъ, только 10—12% всей территоріи. Притомъ же церковная собственность состояла изъ разбросанныхъ тамъ и сямъ мелкихъ участковъ, иногда просто клочковъ земли, что облегчало продажу ея въ розницу, даже тогда, когда законодательство стояло на сторонѣ распродажи болѣе крупными участками. Наконецъ, церковная собственность заключалась не въ однѣхъ земляхъ, но и въ городскихъ имуществахъ всякаго рода. Съ другой стороны, полагая, что дворянское землевладѣніе занимало $^1/_3$ территоріи, и что проданнымъ было около половины этого количества (т. е. около $^1/_6$), И. В. Лучицкій допускаетъ цифры $^1/_5$ или $^1/_4$ всей территоріи Франціи въ составѣ національныхъ имуществъ. Конечно, все это довольно-таки гадательно.

Интересную сторону работы Лучицкаго представляетъ собою изображеніе борьбы за землю, происходившей между буржуазіей и крестьянами. Едва только началась распродажа, какъ городская и сельская буржуазія, а равно и чины администраціи и суда „набросились на покупку земель и

преимущественно тѣхъ, которыя представляли собою болѣе или менѣе крупные участки", но, продолжаетъ авторъ, „уже здѣсь, при покупкѣ крупныхъ участковъ, цѣлыхъ фермъ или метерій, буржуазія встрѣчалась съ конкурренціей со стороны сельскаго крестьянскаго населенія". Еще съ большей конкурренціей приходилось имѣть дѣло буржуазіи при продажахъ мелкихъ, отдѣльныхъ участковъ, которыхъ было, какъ мы видѣли, большинство, по крайней мѣрѣ, пока распродавались церковныя земли. „Какъ ни было, говоритъ еще Лучицкій, особенно въ 1791 г. неблагопріятно для мелкихъ крестьянъ-собственниковъ законодательство временъ революціи, оно не въ силахъ было остановить или измѣнить ту ясно обнаружившуюся въ XVIII в. тенденцію крестьянской массы къ пріобрѣтенію земель", о которой вообще такъ много говоритъ нашъ историкъ въ своей книгѣ, и вотъ крестьяне массами устремились на публичные торги [1]). Эту борьбу крестьянъ съ буржуазіей за землю онъ называетъ даже „ожесточенною и полною нерѣдко трагизма". И борьба не всегда была безъ успѣха, причемъ „крестьянство не желало останавливаться передъ преградами, какія ставило ему законодательство". Законъ 1791 г. давалъ крестьянамъ возможность пріобрѣтать землю лишь въ томъ случаѣ, если они дадутъ высшую цѣну при конкурренціи съ единичнымъ покупателемъ. Это заставило крестьянъ открыто выступать на торгахъ цѣлыми компаніями, не имѣющими ничего общаго съ существовавшими тогда и „черными бандами" спекулянтовъ. „Каждое новое изданіе актовъ продажи, замѣчаетъ авторъ, подтверждаетъ фактъ сильнаго развитія ассоціацій, притомъ чисто крестьянскихъ". О нихъ въ работѣ проф. Лучицкаго есть также интересныя подробности, а также говорится и о ихъ печальной судьбѣ. „Конвентъ, замѣчаетъ онъ, пытался всячески положить конецъ этому движенію и азарту крестьянской массы и въ апрѣлѣ 1793 г. изъ чисто фискальныхъ соображеній и изъ чувства той вражды, какая царила въ умахъ дѣятелей XVIII вѣка ко всему корпоративному, общин-

[1]) Тамъ же, кн. IV, стр. 50 и слѣд.

ному, ассоціаціонному, конвентъ, принимавшій декреты, которые отмѣняли постановленія, благопріятныя для бѣднѣйшихъ классовъ, принялъ новую мѣру, нанесшую смертельный ударъ одному изъ орудій борьбы крестьянъ за землю". Рѣчь идетъ о декретѣ 24 апрѣля 1793 г., объявлявшемъ „мошенническими" и подвергавшемъ карѣ „всякія ассоціаціи, всѣхъ или части жителей общины, имѣющія цѣлью покупки продаваемыхъ земель для раздѣла ея затѣмъ между этими жителями". „Законъ былъ ясенъ, замѣчаетъ проф. Лучицкій: онъ всею тяжестью падалъ на крестьянъ", ибо отнималъ у нихъ возможность „конкуррировать при покупкахъ болѣе крупныхъ и болѣе дорогихъ участковъ, сводя всю борьбу въ предѣлы аукціона за самые дробные участки" [1]). На эту борьбу за землю проф. Ковалевскій не обратилъ такого вниманія, какъ проф. Лучицкій.

Оба наши изслѣдователя ставятъ, конечно, и вопросъ о томъ, кто же больше воспользовался возможностью купить землю. Данныя у обоихъ были приблизительно одинаковыми, тѣмъ болѣе, что Ковалевскій пользовался прежними работами Лучицкаго объ этомъ предметѣ, но оцѣнка ими добытаго другими историками иногда разная. Наприм., къ выводамъ Маріона, автора книги „La vente de biens nationaux", первый изъ нихъ относится съ бо̀льшимъ довѣріемъ, нежели второй. Впрочемъ, оба они не могутъ считать вопросъ обслѣдованнымъ съ достаточною полнотою. Вѣдь, въ концѣ концовъ, данныя имѣются пока только касательно 16 департаментовъ, да и то по отношенію лишь къ нѣкото-

[1]) Тамъ же, кн. IV, стр. 57—58. Проф. Ковалевскій иначе относится къ этому декрету, но едва ли И. В. Лучицкій согласился бы съ нимъ. Именно на стр. 141. „Происхожденія" мы читаемъ: „Я вполнѣ понимаю тѣ мотивы, которые побудили законодателя считать ассоціаціи между всѣми или нѣкоторыми жителями одной и той же общины разъ онѣ были устроены для покупки за общій счетъ отчуждаемыхъ земель, мошенническими (frauduleuses) и потому подлежащими преслѣдованію." проф. Ковалевскій имѣетъ въ виду борьбу только со спекуляціями.

рымъ дистриктамъ и даже отдѣльнымъ приходамъ. Однородность этихъ данныхъ изъразныхъ частей Франціи, впрочемъ, все-таки позволяетъ дѣлать предварительныя обобщенія.

Проф. Лучицкій находитъ общій выводъ Маріона мало обоснованнымъ. Этотъ французскій историкъ утверждаетъ, что „уже и теперь имѣется полная возможность формулировать для всей Франціи тотъ общій фактъ, что продажа была преимущественно выгодна для всей буржуазіи". Крестьянскія покупки Маріонъ относитъ къ числу тѣхъ исключеній, которыя, какъ говорится, только подтверждаютъ общее правило. Проф. Лучицкій находитъ, что этихъ исключеній гораздо больше, чѣмъ слѣдуетъ для права на установленіе общаго правила, формулированнаго Маріономъ. Въ данныхъ, имѣющихся въ распоряженіи историковъ, мы встрѣчаемъ отсутствіе и буржуазныхъ, и крестьянскихъ покупокъ въ цѣлыхъ дистриктахъ. „Существованіе исключеній въ нѣкоторыхъ дистриктахъ, говоритъ критикъ Маріона, еще не даетъ права ни утверждать, что они повторялись и въ другихъ департаментахъ, акты продажи которыхъ намъ неизвѣстны, ни отрицать возможности ихъ существованія". Тѣ колебанія, которыя Лучицкій отмѣчаетъ въ покупкахъ какъ, крестьянъ, такъ и буржуазіи изъ дистрикта въ дистриктъ изъ прихода въ приходъ, „лишаютъ въ равной мѣрѣ, по его словамъ права утверждать, что земля перешла въ большей части — либо въ руки крестьянъ, либо въ руки буржуазіи". Вопросъ, значитъ, по его мнѣнію остается открытымъ. Впрочемъ, для самого изслѣдователя суть вопроса не въ томъ, кто больше купилъ земли—буржуазія или крестьяне, а въ другомъ. „Если, поясняетъ онъ свою мысль, какое-либо изъ послѣдствій продажи національныхъ имуществъ не можетъ вызывать ни споровъ, ни сомнѣній, то это, безспорно, тотъ фактъ, что продажа могла усилить и усилила процессъ разслоенія, начавшійся еще задолго до революціи" [1]). Аграрное законодательство революціи въ этой

[1]) „Рус. Бог.", кн. IV, стр. 61 и слѣд.

своей части дало „въ дѣлѣ покупки земли перевѣсъ наболѣе сильнымъ, укрѣпило тѣхъ сильныхъ и крѣпкихъ мужичковъ, которые начали зарождаться уже раньше революціи“, а вмѣстѣ съ тѣмъ „открыло арену и для тѣхъ элементовъ въ деревняхъ, которые уже обособились отъ чисто крестьянской среды и подъ именемъ bourgeois уже внѣдрились въ нѣкоторыхъ деревняхъ“. Для проф. Лучицкаго, да и для пишущаго эти строки „естественно, что отношеніямъ, уже существовавшимъ во Франціи до революціи, отношеніямъ въ землевладѣніи различныхъ группъ сельскаго населенія, болѣе того—отношеніямъ этимъ внутри каждой отдѣльной группы должны были соотвѣтствовать и отношенія въ дѣлѣ покупокъ“. Впрочемъ, нашъ авторъ не отрицаетъ того, что землю, но только самыми мелкими участками, пріобрѣтала и нѣкоторая часть безземельныхъ, и въ этомъ смыслѣ, вопреки мнѣнію Токвиля, онъ признаётъ, что „число мелкихъ собственниковъ относительно увеличилось, и что не одни только собственники участвовали въ покупкахъ“. Авторъ приводитъ и примѣры этого, но и такое „увеличеніе количества мелкихъ собственниковъ лишь обостряло и усиливало процессъ разслоенія, и это тѣмъ болѣе, что тутъ же, наряду съ покупками безземельныхъ, шли покупки группъ сельскаго населенія, сразу увеличивавшія существовавшее различіе въ земельномъ отношеніи между группами сельскаго населенія“. Тѣ, именно, категоріи населенія, которыя были наиболѣе сильными въ экономическомъ отношеніи до революціи, наиболѣе пріобрѣли земель какъ до революціи, такъ и въ эпоху самой революціи. Многіе „laboureurs“ и „marchands“ сдѣлались въ эту эпоху болѣе крупными землевладѣльцами.

Другіе выводы проф. Лучицкаго, заслуживающіе особаго вниманія, касаются, во-первыхъ, преобладанія буржуазныхъ покупокъ вблизи городовъ и распространенности крестьянскихъ вдали отъ городовъ, а во-вторыхъ, распродажи церковной собственности мелкими участками (по самому ея характеру), вопреки утвержденіямъ, будто продажа церковныхъ земель совершалась болѣе крупными участками въ

отличіе отъ эмигрантскихъ, поступившихъ въ продажу уже второй очереди.

Въ общемъ, по мнѣнію проф. Лучицкаго, революція не могла не оказать вліянія на два процесса, совершавшіеся во Франціи еще до революціи, на пріобрѣтеніе крестьянами земли и на разслоеніе среди самого крестьянства. Революціей не было сдѣлано „никакихъ серьезныхъ попытокъ противодѣйствовать съ помощью земельнаго фонда растущему малоземелью и безземелью среди крестьянъ“, но революціонное законодательство, предоставившее покупку національныхъ имуществъ свободной игрѣ наличныхъ соціальныхъ силъ, въ то же время „оказалось безсильнымъ и остановить стремленіе крестьянства къ расширенію его землевладѣнія“. Въ болѣе отдаленныхъ отъ центровъ мѣстностяхъ крестьянству удавалось пріобрѣтать около половины продававшейся земли. Разслоеніе сельскаго населенія отъ этого, однако, только увеличивалось. „Мелкіе сельскіе буржуа округлили свои владѣнія, и рядомъ съ ними такимъ же округленіемъ занялись и тѣ крѣпкіе и сильные мужички, которые начали уже формироваться до 1789 г.“. Авторъ думаетъ даже, что въ основу новой буржуазіи легли нестолько старые городскіе элементы, сколько совсѣмъ новые, созданные аграрною политикою революціи. Если, однако, часть крестьянства переходила въ ряды буржуазіи, то мѣста, которыя послѣ этого оставались опустѣвшими, быстро и съ избыткомъ пополнялись тѣми малоземельными и даже безземельными, которые тоже покупали „ничтожные клочки земли“. „Измѣнился отчасти личный составъ крестьянства въ селахъ, но соотношеніе экономическихъ силъ въ деревняхъ осталось прежнимъ“ [1]).

Таковъ общій взглядъ П. В. Лучицкаго на значеніе распродажи національныхъ имуществъ для крестьянской массы.

Земли покупались и буржуазіей, и крестьянами, среди крестьянъ преимущественно тѣми, которые уже владѣли землею, но покупки производились и безземельными, только, конечно,

[1]) Тамъ же, кн. IV, стр. 76—78.

большею частью ничтожными клочками. Во всякомъ случаѣ, число собственниковъ увеличилось, но нѣкоторая часть крестьянскаго землевладѣнія превратилось въ буржуазное.

Въ своей книгѣ нѣкоторыя положенія проф. Лучицкій иллюстрируетъ цифровыми таблицами [1]).

Въ общемъ, основные взгляды М. М. Ковалевскаго мало отличаются отъ взглядовъ П. В. Лучицкаго касательно и преобладанія мѣстнаго населенія среди покупщиковъ въ мѣстностяхъ, далеко расположенныхъ отъ болѣе крупныхъ центровъ (Происхожденіе и пр., стр. 142), и того, что всѣ классы общества принимали участіе въ покупкахъ (стр. 146) т. п.), но во взглядѣ на то, что буржуазія имѣла перевѣсъ надъ простонародьемъ (стр. 146 и 151 слѣд.), онъ больше склоняется къ формулировкѣ Маріона, чѣмъ Лучицкій, хотя и говоритъ самъ, что ядро „мѣстнаго населенія“ при покупкахъ земель составляло крестьянство (стр. 154). При отсутствіи цифровыхъ данныхъ (стр. 149), „нѣтъ увѣренности, что перевѣсъ остался на сторонѣ крестьянъ“ (стр. 155). Общій свой выводъ проф. Ковалевскій формулируетъ такъ: „ликвидація церковной собственности обогатила буржуазію, позволила имѣвшемуся уже налицо... классу крестьянъ-собственниковъ округлить свои участки и открыла доступъ къ землѣ ремесленникамъ, рабочимъ и батракамъ. Многіе изъ нихъ, благодаря участію въ торгахъ, могли перейти въ положеніе мелкихъ крестьянъ-собственниковъ“ (стр. 155).

Отмѣчу еще, что проф. Ковалевскій держится прежняго

[1]) Первая таблица касается % распредѣленіе покупокъ городского и сельскаго населенія по такимъ графамъ:

Департаменты.	Дистрикты.	Церк. З.		Эмигр. З.		Общее колич.		Покупки глав. гор. департ.
		Гор. нас.	Сел. нас.	Гор. нас.	Сел. нас.	Гор. нас.	Сел. нас.	

Вторая таблица указываетъ въ взаимоотношенія проданныхъ участковъ въ рядѣ дистриктовъ по ихъ цѣнамъ: менѣе 100 ливровъ, отъ 100 до 500, отъ 500 до 1000 и т. д.

взгляда на то, что церковная собственность распродавалась бо́льшими участками, нежели эмигрантская.

Въ новой книгѣ И. В. Лучицкаго есть, какъ было уже упомянуто, небольшая (въ 10 страницъ, отъ 118 до 128) глава о революціонномъ законодательствѣ, касающемся общинныхъ земель. Въ книгѣ М. М. Ковалевскаго ей соотвѣтствуетъ значительно бо́льшая (въ 51 стр., отъ 47 до 98) глава подъ названіемъ „Общинныя пользованія крестьянъ и отношеніе къ нимъ конвента", заключающая въ себѣ, впрочемъ, и описаніе прежнихъ порядковъ въ этой области, и жалобы и просьбы касательно этого предмета, а не одно изложеніе революціоннаго законодательства. Тому, кто интересуется этимъ вопросомъ, я рекомендовалъ бы обратиться преимущественно къ книгѣ проф. Ковалевскаго, собравшаго въ указанной главѣ очень большой фактическій матеріалъ, главнымъ образомъ, изъ новѣйшихъ изданій наказовъ. Особенно интересны данныя, указывающія на противоположные интересы въ этомъ вопросѣ главныхъ классовъ тогдашняго крестьянства, т. е. „laboureurs" и „manouvriers",—данныя, только подтверждающія тѣ наблюденія на этотъ счетъ, которыя были сдѣланы и пишущимъ этой строки въ книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ послѣдней четверти XVIII в.". Особенно здѣсь нужно подчеркнуть существованіе данныхъ, безусловно совпадающихъ съ общимъ взглядомъ проф. Лучицкаго на разслоеніе крестьянской массы, но самъ онъ почему-то въ упомянутой главѣ своей новой книги на этомъ предметѣ не останавливается. Между прочимъ, проф. Ковалевскій касается розни между „пахарями" и „батраками" относительно общинныхъ земель и во время самой революціи, когда уже началось новое законодательство объ общинныхъ земляхъ. Матеріалъ для этого онъ нашелъ въ „Procès verbaux du comité d'agriculture et de commerce" въ изд. Gerbaux et Schmidt и въ изданныхъ Bourgain'омъ документахъ „Le partage des biens communaux". Интересы бѣднаго люда почти вездѣ требовали раздѣла общинныхъ земель, вообще же взгляды на этотъ предметъ были очень различные.

Что касается до революціоннаго законодательства касательно общинныхъ земель, то въ книгѣ Лучицкаго оно изложено и полнѣе, и систематичнѣе. Ковалевскій заинтересовался здѣсь только вопросомъ о мотивахъ конвентскаго законодательства (стр. 94), да и въ немъ лишь на декретѣ 10 іюня 1793 г. Въ данномъ отношеніи преимущество полноты и систематичности на сторонѣ Лучицкаго. Къ сожалѣнію ни тотъ, ни другой по современному состоянію нашихъ знаній о предметѣ не могли сказать, ни сколько земли составляло общинную собственность, ни сколько ея пошло въ раздѣлъ, ни насколько, слѣдовательно, революціонное законодательство, касавшееся „communaux“, содѣйствовало развитію мелкой крестьянской собственности. Проф. Ковалевскій лишь глухо говоритъ, что раздѣлъ расширилъ кадры крестьянъ-собственниковъ, а Лучицкій съ своей точки зрѣнія лишь отмѣтилъ одно: раздѣлъ „не привелъ и тамъ, гдѣ онъ былъ примѣненъ, къ парализованію того разслоенія, какое существовало во Франціи, той кричащей неравномѣрности въ распредѣленіи земель, какая развилась въ ней въ XVIII вѣкѣ“.

Самое законодательство революціи объ общинныхъ земляхъ П. В. Лучицкій представляетъ въ слѣдующемъ видѣ.

Учредительное собраніе въ данномъ вопросѣ проявило большую уклончивость, не рѣшившись пойти по пути огражденія правъ общинъ въ ихъ спорахъ и тяжбахъ съ сеньёрами.

Декретъ 11 декабря 1789 г., вызванный случаемъ самовольнаго захвата крестьянами общинныхъ земель, запрещая подобныя дѣйствія, предоставлялъ общинамъ право вчинять иски узурпаторамъ.

Декретомъ 15 марта 1790 г. провозглашена была отмѣна „тріажа“ (выдѣла сеньёромъ въ свою пользу части общинной земли), но эта отмѣна была обставлена рядомъ стѣснительныхъ правилъ.

Декретъ 15 мая 1790 г. внесъ въ отмѣну тріажа рядъ ограниченій.

Въ интересахъ же захватчиковъ были изданы еще декреты 19 сентября и 22 ноября 1790 г. и особенно декретъ 14 апрѣля 1791 г., утверждавшій безвозвратно всѣ захваты, сдѣланные до 4 августа 1789 г.

Законодательное собраніе, да и то въ концѣ своей дѣятельности, 28 августа 1792 г. издало декретъ, отмѣнявшій законодательство Учредительнаго собранія и предававшій общинныя земли въ руки сельчанъ, если они докажутъ свое право, а сеньёръ не представитъ подлиннаго документа о томъ, что свое право онъ купилъ законнымъ порядкомъ.

Конвентъ въ декретѣ 10 іюня 1793 г. пошелъ еще далѣе въ сущности, конфисковавъ всѣ общинныя земли въ пользу приходовъ.

Такъ рѣшался вопросъ права собственности на общинныя земли, вопросъ же о характерѣ и порядкѣ пользованія ими также разрѣшался постепенно и не всегда въ одномъ и томъ же направленіи.

Законодательное собраніе декретомъ 14 августа 1793 г. постановило произвести обязательный раздѣлъ всѣхъ общинныхъ земель между всѣми гражданами общины.

Конвентскій декретъ 10 іюля 1793 г. дѣлалъ его только факультативнымъ. Если бы, говоритъ проф. Лучицкій, этотъ декретъ былъ приведенъ въ исполненіе, бо́льшая часть общинныхъ земель исчезла бы, но какъ разъ процессъ раздѣла совершился медленно, въ массѣ департаментовъ онъ не былъ примѣненъ, а гдѣ нашелъ примѣненіе, вызвалъ рядъ протестовъ и недоразумѣній (Состояніе и пр., стр. 125). Проф. Ковалевскій тоже обращаетъ вниманіе на то, что конвентскій законъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но не упоминаетъ еще о цѣломъ рядѣ законодательныхъ мѣръ болѣе поздняго времени. Противъ закона, какъ показываетъ Лучицкій, началась реакція въ виду опасенія сельскихъ хозяевъ, что, пожалуй, свободныхъ рабочихъ рукъ не станетъ, разъ разовьется всеобщая мелкая собственность.

„Законъ 2 преріаля V года поставилъ осуществленіе раздѣла въ зависимость не отъ простого рѣшенія (сельскаго) схода, а отъ постановленія законодательныхъ собраній“.

То же самое было подтверждено закономъ 9 брюмера VIII г.

Краткій разсказъ проф. Лучицкаго о законодательствѣ, касающемся раздѣла общинныхъ земель, конечно, еще не рѣшаетъ вопроса о фактическихъ отношеніяхъ, которыя ждутъ еще своего изслѣдователя.

Итакъ, насколько распродажа національныхъ имуществъ и раздѣлъ общинныхъ земель увеличилъ площадь крестьянскаго землевладѣнія во Франціи, мы не знаемъ. Что касается ликвидаціи феодальныхъ отношеній, то перемѣнъ въ этомъ она не произвела, и тѣхъ отдѣловъ книгъ И. В. Лучицкаго и М. М. Ковалевскаго, въ которыхъ разсказана исторія этой ликвидаціи я здѣсь не касаюсь, такъ какъ и прежде она была достаточно извѣстна, да и касается она болѣе области гражданскаго права, нежели политической экономіи

X.

Позволяю себѣ еще разъ возвратиться къ книгѣ Е. В Тарле о рабочемъ классѣ во Франціи въ эпоху революціи. О ней я буду говорить теперь по поводу изображенія въ ней состоянія парижскихъ рабочихъ въ указанную эпоху.

Однимъ изъ упрековъ моихъ проф. Тарле въ статьѣ объ его книгѣ [1]) было указаніе на то, что онъ не далъ въ ней картины состоянія рабочаго класса передъ революціей. Онъ говоритъ очень много о настроеніи рабочихъ, объ ихъ стремленіяхъ и движеніяхъ, о вліяніи революціи на ихъ положеніе, но очень мало даетъ свѣдѣній о томъ, что собою представляли они передъ 1789 г. Спеціально это относится и къ парижскимъ рабочимъ. Въ столицѣ Франціи сосредоточена была масса рабочихъ, но то, что онъ о ней говоритъ, наприм., на стр. 256 второго тома, крайне недостаточно для характеристики этой массы. О текстильныхъ рабочихъ онъ говоритъ только въ предположительныхъ выраженіяхъ: „если бы текстильная промышленность была единственнымъ или

[1]) „Русск. Бог.“, 1911 г.

хоть главнымъ занятіемъ“ въ Парижѣ,... то можно было бы съ увѣренностью сказать, что... владѣльцы парижскихъ мануфактуръ силою вещей обратились бы къ дешевому деревенскому труду, и особеннаго скопленія большой рабочей массы въ столицѣ не было бы“. Но это еще не отвѣтъ на вопросъ о фактическомъ положеніи дѣла. Главнымъ образомъ Парижъ производилъ предметы роскоши, о чемъ авторъ „Рабочаго класса“ и написалъ еще нѣсколько строкъ на той же 256 страницѣ. Революція нанесла страшный ущербъ этой промышленности, создавъ въ данной области страшную безработицу, и въ стачечномъ движеніи того времени участвовали рабочіе не указанной категоріи, а главнымъ образомъ строительные рабочіе (большею частью пришлые) и рабочіе типографскіе, ибо и у тѣхъ, и у другихъ работы было, наоборотъ, много (II, 257).

Уже послѣ того, какъ проф. Тарле издалъ свою книгу, появился громадный (болѣе 1200 стр.) трудъ Ф. Брэша подъ заглавіемъ „Коммуна 10 августа 1792 г.“ [1]), о которомъ мнѣ уже приходилось говорить въ печати [2]). Въ этой интересной книгѣ есть нѣсколько страницъ (гл. I, § II, отъ стр. 6 до 27), представляющихъ собою „эскизъ экономической и соціальной географіи Парижа“, въ которомъ авторъ собралъ нѣсколько фактическихъ свѣдѣній, касающихся состоянія промышленности столицы Франціи въ первый періодъ революціи.

Брэшъ въ указанномъ параграфѣ даетъ обзоръ „естественныхъ районовъ“ (régions naturelles) Парижа въ 1792 г. по такимъ фобургамъ, какъ св. Антонія, св. Марселя, св. Іакова и др. урочищамъ старѣйшихъ частей Парижа. Въ дальнѣйшемъ я извлекаю отсюда только то, что имѣетъ отно-

[1]) F. Braesch. La commune de dix août 1792. Étude sur l'histoire de Paris du 2 juin au 2 décembre 1792 (1911).

[2]) См. „Парижскія секціи временъ французской революціи“ (1911) и „Неизданные документы по исторіи парижскихъ секцій“ (1912), а также мою замѣтку „Изъ новѣйшей литературы по исторіи французской революціи“ въ ноябр. кн. „Вѣстн. Евр.“ за 1912 г.

шеніе къ рабочимъ и къ промышленности, иногда прямо словами самого автора.

Предмѣстье св. Антонія, занимавшее восточную часть праваго берега и дѣлившееся на секціи Popincourt, Montreuil и Quinze-Vingts [1]), было населено сравнительно слабо Самою оживленною его частью была „Улица предмѣстья св. Антонія“, гдѣ сосредоточено было производство дорогой мебели, имѣвшей хорошій сбытъ. Даже въ концѣ 1792 г. у хозяевъ мастерскихъ (patrons) было, что̀ давать своимъ рабочимъ, работавшимъ на дому или у хозяина вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами. У каждаго хозяина было отъ 2 до 35 рабочихъ: у одного 35, у другого 30, у третьяго 24, еще у двоихъ по 20, но у большинства (около сотни) было меньше и даже большею частью менѣе 10 рабочихъ. Къ мебельнымъ мастерскимъ слѣдуетъ прибавить 7 заведеній токарныхъ и 13 для рѣзьбы по дереву, на каждую изъ которыхъ работало отъ 3 до 20 рабочихъ. Патроны производили изъ своего матеріала и каждую недѣлю продавали свои издѣлія оптовымъ торговцамъ. Повидимому, отношенія ихъ къ подмастерьямъ были товарищескія. Рядомъ съ этимъ ремесленнымъ классомъ уже началъ въ концѣ XVIII в. формироваться „пролетаріатъ фабричныхъ рабочихъ“ около пяти механическихъ бумагопрядилень, впрочемъ, въ концѣ 1792 г. бывшихъ уже закрытыми. Далѣе, въ фобургѣ было нѣсколько прядилень, гдѣ работа производилась руками, и разныя другія производства: зеркальное, бархатное, ленточное, обойное и т. п., но съ немногими заведеніями, однимъ-двумя. Обойныхъ фабрикъ было больше, и въ одной (знаменитаго Ревельона) работало 200, въ другой 100, въ третьей 60, въ четвертой 42 человѣка. Изъ двухъ позументщиковъ одинъ

[1]) Планы Парижа, раздѣленнаго на секціи, можно найти въ обѣихъ моихъ работахъ, указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи. Въ „Неизданныхъ документахъ“ имѣется спеціальный планъ съ указаніями касательно густоты населенія отдѣльныхъ секцій, чему я посвятилъ еще брошюру (также съ планомъ) „La densité de la population des différentes sections de Paris pendant la révolution“ (1912). Впрочемъ, объ этомъ см. ниже.

въ 1791 г. давалъ работу 119 компаньонамъ, а одинъ фабрикантъ бумажныхъ тканей имѣлъ рабочихъ 130. Брэшъ перечисляетъ еще рядъ такихъ профессій, представители которыхъ населяли фобургъ: каменщики, плотники, замочники, и др. „ouvriers du bâtiment"; здѣсь были заводы свѣчные, кожевенные, фаянсовые, горшечные (эти съ 66, 64, 50 и т. д. рабочими), крахмальные, селитряные, пивные и т. п., но очень маленькіе. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ рабочій людъ находился въ неизмѣримо худшемъ положеніи, нежели въ мебельныхъ мастерскихъ предмѣстья.

На противоположномъ берегу Сены находился faubourg St. Marcel, составлявшій юго-восточную часть тогдашняго Парижа. Это предмѣстье слилось съ городомъ сравнительно поздно, въ XVI в., когда здѣсь впервые стало утверждаться красильное дѣло. Сюда же стали переселяться изъ центра города (изъ квартала Saint-Jacques-la-Boucherie), бойни, мясныя лавки, кожевенные заводы, мастерскія скорняковъ. Кожевниковъ въ 1791 г. было около 12 съ числомъ рабочихъ отъ 2 до 23 на каждаго. Красильщиковъ тоже было, кажется, немного и съ малымъ количествомъ рабочихъ: у одного ихъ было 6, у другого 12, у третьяго 20. Было еще большое число прачешныхъ; есть извѣстіе о томъ, что у одного торговца мыло забиралось приблизительно двумя сотнями заведеній.

Въ этомъ же районѣ находились знаменитые Гобелены (давніе имя одной секціи) и нѣкоторыя частныя предпріятія того же рода. Бо́льшая часть рабочихъ, занятыхъ въ суконномъ, ковровомъ и красильномъ дѣлѣ, были или изъ Артуа и Пикардіи или голландскаго и фламандскаго происхожденія (какъ и мебельное производство въ предмѣстьѣ св. Антонія пришло изъ Нидерландовъ). Брэшъ рѣшается даже на „смѣлую гипотезу", не объясняется ли безпокойный духъ обоихъ предмѣстій во время революціи такимъ происхожденіемъ части ихъ населенія, да и пивовареніе оттуда же было развито въ обоихъ предмѣстьяхъ. Конечно, пивоварни были маленькія, каждая съ полудюжиной рабочихъ. Между пивоварами были, впрочемъ, и болѣе значительные, какъ, наприм.,

генералъ Santerre. Рядомъ съ этимъ производствомъ было развито бочарное дѣло, причемъ пивовары и бочары крѣпко держались другъ за друга, работали вмѣстѣ со своими рабочими и часто, такъ сказать, мѣнялись послѣдними. Т. е. въ этихъ двухъ профессіяхъ отношенія между хозяевами и рабочими приближались къ тѣмъ, какія существовали въ производствѣ мебели, а не въ красильномъ, кожевенномъ и суконномъ производствахъ, въ которыхъ только и имѣлся во всемъ предмѣстьѣ настоящій пролетаріатъ.

Между предмѣстьемъ St. Marcel и предмѣстьемъ St. Jacques, большая часть котораго была занята монастырями и садами, на склонѣ горы св. Женевьевы и около жило въ старыхъ домахъ многочисленное рабочее населеніе, гдѣ было много „фабрикантовъ“ тканей, кружевъ, шапокъ, одѣялъ, бѣлья и т. п., производства которыхъ стали расширяться въ эпоху роста поставокъ на армію. Но особенно здѣсь было много бумагопрядильныхъ рабочихъ: въ одной было отъ 200 до 300 рабочихъ, въ другой—около 1000 (въ III году). Наиболѣе бѣдное населеніе ютилось въ этой части города, бывшей и особенно грязною.

Очень бѣдную часть города составляла и та, которая располагалась около теперешняго Одеона, вблизи отъ Латинскаго квартала, съ его своеобразнымъ населеніемъ, среди котораго рабочихъ было мало (наборщики, каменщики и пр.). Вообще приблизительно отсюда къ западу начиналось болѣе смѣшанное въ соціальномъ отношеніи населеніе. Кварталъ (и секція) Краснаго Креста принадлежалъ къ числу бѣдныхъ и былъ населенъ преимущественно каменщиками, плотниками, столярами, слесарями, малярами и т. п., равно какъ вышивальщиками (одно предпріятіе занимало болѣе 80 человѣкъ). Западная часть тогдашняго Парижа на лѣвомъ берегу была мало вообще населена, а между нею и описанными помѣщался аристократическій кварталъ улицы Гренель.

Мало была развита промышленность западной части Парижа и на лѣвомъ берегу Сены, вообще бывшей и слабо населенною. Описывая отдѣльныя мѣстности, Брэшъ, то и дѣло, говоритъ: „il existait peu d'industries dans cette région“,

„ces fabriques ne suffisaient pas pour constituer, dans cette section, un prolétariat considérable". Онъ перечисляетъ отдѣльныя профессіи, представителей которыхъ можно было встрѣтить здѣсь, но рѣдко сообщаетъ данныя о количествѣ рабочихъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ. Ковровая мануфактура de la Savonnerie, сначала королевская, потомъ національная, исторію которой во время революціи разсказалъ проф. Тарле въ болѣе раннемъ своемъ трудѣ [1]), въ 1793 г. насчитывала лишь 21 рабочаго. Больше промышленности было въ шести сѣверныхъ фобургахъ Парижа съ населеніемъ, однако, очень бѣднымъ. Главнымъ ея видомъ было изготовленіе разныхъ тканей, которое было сосредоточено въ секціи Сенъ-Дени, гдѣ были и наиболѣе многолюдныя бумагопрядильныя предпріятія Парижа съ 800, 314, 279, 125 и пр. рабочихъ въ каждомъ. Другими видами были фаянсовое, стеклянное, горшечное и т. п.

На правомъ берегу Сены, къ югу отъ линіи большихъ бульваровъ, т. е. въ самой старой и населенной части Парижа, вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе торговой, Брэшъ различаетъ нѣсколько районовъ. Въ секціи Пале-Рояля процвѣтало производство предметовъ роскоши, но здѣсь было не мало бѣдноты, ибо рядомъ съ заведеніями золотыхъ дѣлъ мастеровъ и т. п. жили кое-какіе ремесленники, дававшіе заработокъ довольно большому числу рабочихъ.

На правомъ же берегу, среди кварталовъ банковъ, богатыхъ магазиновъ и роскошныхъ отелей, была мѣстность, гдѣ тѣснился въ меблированныхъ комнатахъ многочисленный пролетаріатъ. Особенно въ этихъ центральныхъ кварталахъ Парижа была развита вязальная и швейная промышленность (la bonneterie et la mercerie). Цѣлый участокъ былъ населенъ рабочими, работавшими на большіе торговые дома. Въ центральныхъ же секціяхъ Парижа, расположенныхъ болѣе къ востоку, выдѣлывались игрушки, искусственные цвѣты и разные другіе предметы, требовавшіе работы рѣзчиковъ,

[1]) Е. Тарле. Рабочіе національныхъ мастерскихъ.

золотильщиковъ, граверовъ и т. п. Предпріятій этого рода была масса, но въ каждомъ было немного рабочихъ, и отношенія между патронами и рабочими были относительно хорошими. Еще восточнѣе было немало заведеній для приготовленія тканей, кружевъ и пр., дававшія заработокъ—одна 90 человѣкамъ, другая 60, какъ это наблюдается въ секціи des Lombards, и 50, 57, 60, 67, 89, 100, 200 человѣкамъ, что мы видимъ въ секціи Mauconseil, или 70, 85, 150, 166 въ секціи Bonne-Nouvelle. Брэшъ приводитъ и другія цифры, изъ которыхъ наибольшій интересъ представляютъ собою цифры рабочихъ, выдѣлывавшихъ кружева, газовыя ткани и т. п.: у одного патрона бывало даже 300, 415, 500 рабочихъ [1]).

Между прочимъ, Брэшъ указываетъ, что въ вязальномъ и швейномъ производствахъ дѣло обходилось, такъ сказать, безъ патроновъ: это была поштучная работа у себя на дому за самую низкую плату, то, что у англичанъ называется sweating-system. Та же система примѣнялась крупными заказчиками и по отношенію къ выдѣлкѣ лентъ и галуновъ. Съ введеніемъ механическихъ станковъ многіе изъ занятыхъ этимъ дѣломъ рабочихъ остались безъ работы, хотя тѣ, которые ее сохранили за собою, и стали получать большую плату (1791). Главная масса рабочихъ этой категоріи жила въ секціи Гравилье, бывшей очень густо вообще населенной.

XI.

Для экономической исторіи революціи книга Брэша представляетъ и другой интересъ. Она касается исторіи парижскихъ секцій, которымъ П. А. Кропоткинъ въ своей книгѣ „Великая революція“, подробно разобранной мною въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1910 г. [2]), приписалъ важное значеніе въ экономической исторіи революціи. По мнѣнію Кропоткина въ секціяхъ французской столицы зародилась мысль о соціализаціи производства и торговли. Послѣднее онъ видитъ

[1]) О значеніе этихъ цифръ я говорю ниже.

[2]) Въ 9 и 10 книжкахъ подъ заглавіемъ „Новая книга по исторіи французской революціи“.

въ злосчастномъ законѣ о максимумѣ, такъ обстоятельно разсмотрѣнномъ въ книгѣ Е. В. Тарле и бывшемъ, въ сущности, очень произвольною мѣрою чисто государственнаго (отнюдь не соціальнаго) характера. Что касается до предполагаемой соціализаціи производства, то все дѣло тутъ сводилось къ попыткамъ нѣкоторыхъ секцій взять на себя организацію изготовленія одежды, обуви и палатокъ для арміи въ началѣ борьбы съ иностраннымъ нашествіемъ. Объ этихъ попыткахъ разсказалъ Э. Мелльe въ своей интересной книгѣ о парижскихъ секціяхъ [1]), и все существенное изъ этого разсказа было передано мною на стр. 56—61 моей книги „Парижскія секціи временъ французской революціи", гдѣ и дана надлежащая оцѣнка взгляду Кропоткина. Уже послѣ напечатанія упомянутаго мѣста въ моей работѣ о секціяхъ я познакомился съ только-что тогда появившейся книгой Брэша и въ концѣ своихъ „Парижскихъ секцій" (стр. 84, прим.) успѣлъ отмѣтить, что этотъ историкъ тоже высказывается по вопросу совсѣмъ не такъ, какъ дѣло представлено у Кропоткина. Нахожу небезполезнымъ привести здѣсь соотвѣтственныя мѣста изъ книги Брэша. Кромѣ того, большой интересъ представляетъ и вся глава (chapitre X: la question économique), въ которой находятся эти мѣста. Въ ней нашелъ бы не мало дополненій къ своей книгѣ и проф. Тарле, если бы ему пришлось ее переиздать или передѣлать для французскаго перевода [2]).

Брэшъ подробно разсказываетъ исторію національныхъ мастерскихъ во второй половинѣ 1792 г. Лѣтомъ и осенью этого года изъ Парижа ушло 25 т. молодыхъ людей, чтобы защищать отечество на его границахъ, но по приказу коммуны

[1]) E. Mellié. Les sections de Paris pendant la révolution française. 1898.

[2]) Глава X книги Брэша заключаетъ въ себѣ 122 стр. (746—867) и раздѣляется на такіе параграфы: I. Экономическій вопросъ въ Парижѣ, въ эпоху революціи до 10 августа 1792 г.—II. Вопросъ о работѣ въ Парижѣ во второй половинѣ 1792 года. Національныя мастерскія. Лагери подъ Парижемъ.—III. Вопросъ о монетѣ. Ажіотажъ и кредитныя учрежденія. —IV. Вопросъ о жизненныхъ припасахъ.—Заключеніе.

такіе рабочіе, какъ слесаря, каретники, башмачники, кузнецы и т. п., должны были остаться въ городѣ, и скоро они нашли работу по изготовленію пикъ, палатокъ, обмундированія и т. п., организованному секціями. Прежде всего Законодательному собранію и коммунѣ пришлось позаботиться о снабженіи всѣмъ необходимымъ вооруженнаго лагеря подъ Парижемъ, для чего, между прочимъ, были организованы разныя комиссіи. Въ послѣднихъ числахъ августа и первыхъ сентября было сдѣлано воззваніе къ работникамъ-добровольцамъ, но, кромѣ того, нѣкоторыя секціи объявили и принудительный трудъ для устройства вооруженнаго лагеря подъ Парижемъ, что было потомъ принято и генеральнымъ совѣтомъ коммуны. Образовались двѣ категоріи рабочихъ по устройству лагеря: профессіональные рабочіе и добровольцы (по крайней мѣрѣ, по имени), но и тѣ, и другіе одинаково получали плату, что оказалось сопряженнымъ со многими неудобствами. Брэшъ очень подробно разсказываетъ всю эту исторію работъ по устройству лагеря подъ Парижемъ. Дѣла ли или неважно, были жалобы, что многіе только получаютъ деньги, ничего не дѣлая, а когда введена была сдѣльная плата, вмѣсто поденной, это вызвало неудовольствіе среди рабочихъ, принимавшее иногда очень серьезный характеръ. Вообще дѣло было сопряжено съ большими волненіями среди рабочихъ. Особенно любопытно, что въ ихъ средѣ происходило даже стачечное движенія въ цѣляхъ увеличенія заработной платы. Между прочимъ, рабочіе говорили, что разъ они сдѣлали революцію, то они же и должны довести ее до конца, извлечь изъ нея пользу для себя, такъ какъ вовсе не желаютъ лишиться ея благодѣяній. Руководители работъ, равнымъ образомъ, далеко не обнаружили безкорыстія въ этомъ дѣлѣ.

Одна изъ причинъ неуспѣха всего предпріятія заключалась, по даннымъ Брэша, въ томъ, что тутъ не было общаго хозяина, и, наприм., вмѣшательство отдѣльныхъ секцій только усиливало анархію. Но еще болѣе вреднымъ оказалось, по словамъ автора, обращеніе къ добровольцамъ. Патріотическаго рвенія, заставлявшаго идти на работы, надолго не хватило. Сначала работали даромъ, но очень скоро всѣ

вообще работники стали получать плату, а между тѣмъ большинство добровольцевъ было мало пригодно для той работы, которая требовалась, да и количество ихъ превышало реальную потребность въ рабочихъ рукахъ. Общія собранія секцій, состоявшія изъ мелкихъ патроновъ и ихъ рабочихъ, которые не соблазнились приманкою работъ для устройства лагеря, были настроены очень неблагопріятно по отношенію къ тому, какъ шли эти работы, жалуясь, что денегъ онѣ поглощали много и только поощряли праздность.

Средствъ работы, дѣйствительно, потребовали массу, и на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе дурной организаціи всего дѣла, многіе, получая свою плату, ничего не дѣлали, а между тѣмъ цѣлый рядъ предпріятій остался почти безъ работниковъ, и отъ этого пострадала промышленность.

Брэшъ не дошелъ въ своемъ изложеніи до того момента когда нѣкоторыя секціи взяли на себя поставку обмундировки, палатокъ, пикъ и т. п., но нарисованная имъ картина дастъ намъ очень ясное представленіе о томъ, какіе мотивы заставляли политическихъ дѣятелей эпохи „соціализировать“ трудъ, и какъ большинство рабочаго класса относилось къ общему дѣлу. Все это сходится съ данными и выводами Мелльe: государству нужна была извѣстная работа въ виду иноземнаго нашествія, которое нужно было отразить; парижскія секціи вообще сильно расширившія свои функціи, охотно принимали участіе въ организаціи нужныхъ государству работъ; рабочіе при этомъ не отказывались отъ своихъ личныхъ интересовъ и часто работали плохо лишь вслѣдствіе неподготовки къ дѣлу, которое на себя брали.

Разсказывая исторіи устройства лагеря подъ Парижемъ, Брэшъ очень подробно передаетъ то, что по этому поводу говорилось и писалось въ Парижѣ во второй половинѣ 1792 г. Разумѣется, при обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ дѣломъ, высказывалось много взглядовъ, которые можно называть новыми, и вотъ, подводя итоги подъ тѣмъ, что тогда говорилось и писалось, авторъ „Коммуны 10 августа“ дѣла-

етъ такой общій выводъ. „Самыя смѣлыя, самыя субверсивныя изъ новыхъ идей не имѣли коллективистическаго характера, въ томъ именно смыслѣ, что всѣ онѣ касались проблемы распредѣленія богатствъ, а не ихъ производства... Только нѣкоторыя основы (bases) коллективизма были заложены въ эту эпоху: право на существованіе, право на трудъ, идея угнетенія труженниковъ капиталомъ, идея недозволенности спекулятивныхъ барышей". Но, прибавлю я, какъ разъ того, на что указываетъ Кропоткинъ, въ идеяхъ XVIII в. не было. То, что Мелльe говоритъ о секціонныхъ мастерскихъ, вполнѣ сходится съ такимъ выводомъ.

Самое начало главы объ экономическомъ вопросѣ въ книгѣ Брэша очень характерно. „Я, говоритъ онъ здѣсь, назвалъ эту главу Экономическій вопросъ, а не Соціальный вопросъ. Съ тѣхъ поръ, какъ коренное измѣненіе (le bouleversement) матеріальныхъ условій производства богатствъ далъ почувствовать, въ болѣе или менѣе опредѣленномъ будущемъ, радикальное преобразованіе условій человѣческаго существованія, выраженіе соціальный вопросъ получило совершенно новый смыслъ. Теперь подъ нимъ разумѣютъ, главнымъ образомъ, вопросъ о томъ, не должны ли орудія труда, цѣликомъ или частью, быть возвращены обществу. Во время революціи, о чемъ постоянно нужно твердить (on ne saurait trop le répéter), такой вопросъ не ставился. Историки этой эпохи въ послѣднее время разыскивали съ величайшимъ стараніемъ всѣ проявленія (manifestation[5]) того, что мы теперь называемъ соціалистической идеей, какія только могли бы быть обнаруженными во Франціи раньше Бабёфа. Результатъ этихъ разысканій былъ незначительный. Брэшъ ссылается при этомъ на книги А. Лиштанберже „Соціализмъ въ XVIII вѣкѣ" и „Соціализмъ и французская революція" съ десятками двумя страницъ въ первомъ томѣ „Соціалистической исторіи" Жореса. „Повидимому, продолжаетъ онъ, люди революціи, раньше Бабёфа, не имѣли идеи о полномъ переворотѣ въ соціальной системѣ. Такимъ образомъ, во время революціи не было соціальнаго вопроса, въ современномъ

значеніи слова, но былъ вопросъ экономическій, вопросъ, важность котораго легко отъ насъ ускользаетъ“ [1]).

Въ послѣднемъ отношеніи Брэшъ напоминаетъ о томъ, что „до развитія средствъ производства и транспорта, которое относится къ началу XIX в., плохая жатва, политическія смуты и т. п., не только увеличивали нищету, но часто приводили къ голодной смерти“. „Можно себѣ легко представить, продолжаетъ онъ, какія слѣдствія могла влечь за собою подобная угроза, а потому и нетрудно понять важное значеніе подобнаго фактора въ исторіи революціи. Существованіе голодающаго пролетаріата составляло, быть можетъ, главную заботу тѣхъ людей, которые въ эти трудныя времена брали на себя отвѣтственность власти“. Цѣна хлѣба, а зимою и дровъ, говоритъ Брэшъ, главнымъ образомъ, только и представляли политическій интересъ. „Жалобы парижскаго народа все время, говоритъ онъ, почти что вездѣ касаются еще хлѣба, дровъ и вина“.

Историки революціи часто отмѣчаютъ тотъ фактъ, что населеніе Парижа слѣпо вѣрило въ зависимость цѣнъ на хлѣбъ отъ доброй воли правительства. Основанія для этого были: въ то время какъ въ Парижѣ цѣна на хлѣбъ не превышала 4 су за фунтъ, въ другихъ мѣстахъ онъ стоилъ дороже въ три-четыре раза, и такой результатъ получался, благодаря правительственнымъ мѣрамъ по снабженію столицы хлѣбомъ. Книга Брэша заключаетъ въ себѣ массу интересныхъ подробностей по исторіи продовольственнаго дѣла въ Парижѣ, особенно во второй половинѣ 1792 г. Между прочимъ, у него рѣчь идетъ и о возникновеніи мысли объ установленіи максимума. Въ Парижѣ она была пущена въ ходъ въ сентябрѣ 1792 г. одною изъ секцій (Mauconseil), въ провинціи департаментомъ Indre-et-Loire

Любопытно, что во время агитаціи по вопросу о хлѣбѣ, когда въ народѣ все больше и больше говорилось противъ жадныхъ барышниковъ, кстати и вообще дѣлались нападки на

[1]) Я еще возвращусь къ мнѣнію Брэша на этотъ счетъ по одному частному поводу.

новую аристократію, которая начинала устраиваться на развалинахъ старой, благодаря росту богатствъ, но протестъ, пословамъ автора, шелъ не со стороны пролетаріата противъ мелкой буржуазіи, а со стороны этой послѣдней, т. е. хозяевъ небольшихъ мастерскихъ, мелочныхъ торговцевъ противъ крупной буржуазіи, которая обвинялась въ намѣреніи посредствомъ голода опять поработить народъ.

Брэшъ даже полагаетъ, что въ разсматриваемый имъ періодъ (съ конца іюня по начало декабря 1792 г.), благодаря болѣе дешевому хлѣбу, положеніе парижскаго пролетаріата было много лучшимъ, нежели въ 1789 г., и что до декабря 1792 г. въ продовольственномъ вопросѣ нечего искать главную причину политической агитаціи, хотя положеніе рабочихъ и ухудшилось сравнительно съ 1791 г. [1]). „Гораздо болѣе основаній жаловаться на свое положеніе было у мелкихъ патроновъ и мелкихъ торговцевъ, надъ которыми тяготѣлъ гнетъ крупной буржуазіи. Мелкая буржуазія переживала очень острый кризисъ, и изъ ея рядовъ особенно часто раздавались протесты противъ новой аристократіи".

Вопросъ о безработицѣ въ Парижѣ въ первые годы революціи также нашелъ освѣщеніе въ книгѣ Брэша. Авторъ „Коммуны 10 августа" не считаетъ возможнымъ согласиться съ утвержденіемъ Кореса, что послѣ дворянской эмиграціи буржуазія мощью своего потребленія, даже относительно предметовъ роскоши, удерживала пролетаріатъ въ своей орбитѣ до 10 августа 1792 г. и даже позже этого. На самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, потребленіе сильно сократилось, и это отозвалось на сокращеніи производства. Мало того, вопросъ о безработицѣ возникъ еще въ концѣ 1788 г., и революція только его обострила. Когда въ іюнѣ 1791 г. Національное собраніе закрыло почти всѣ общественныя работы, въ Національное собраніе поступила петиція отъ имени 25 т. человѣкъ, оставшихся безъ работы, съ требованіемъ хлѣба „сей-

[1]) По расчету Брэша, за покупкою хлѣба у рабочихъ оставалось на остальныя надобности вдвое больше денегъ въ 1792 г. сравнительно съ 1789 г.

часъ же, съ даннаго же момента, ибо такъ ли, иначе ли онъ имъ нуженъ". Брэшъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что право на существованіе вовсе не было открыто во время ліонскаго возстанія 1831 г. съ его лозунгомъ: „vivre en travaillant ou mourir en combattant", и что указанная петиція соотвѣтствуетъ всякому времени, когда люди возстаютъ потому, что голодны.

XII.

Въ книгѣ Брэша есть еще нѣсколько страницъ, имѣющихъ также отношеніе къ матеріальной сторонѣ исторіи революціи. Это—страницы 1—3, на которыхъ разсматривается вопросъ о населеніи Парижа въ концѣ XVIII в.

Опредѣлить его цифру болѣе или менѣе точно онъ не берется и считаетъ возможнымъ указать на предѣлы, между которыми, вѣроятно, заключалась цифра населенія Парижа въ эпоху революціи.

Въ мемуарѣ о населенности столицы въ 1790 г., напечатанномъ въ „Монитёрѣ" отъ 25 мая 1791 г., даны были цифры 20.005 родившихся и 19.447 умершихъ. Такъ какъ,—было сказано въ мемуарѣ,—въ Парижѣ живетъ много лицъ, родившихся въ другихъ мѣстахъ, то можно принять цифру 33 за отношеніе числа родившихся и умершихъ къ общему числу жителей. Т. е. въ Парижѣ, такимъ образомъ, принималось 660.165—641.751 жителей. Цифры родившихся и умершихъ для 1790 г. Брэшъ считаетъ средними для эпохи и потому могущими быть взятыми за основу для вычисленія народонаселенія въ 1792 г., а эти среднія авторъ извлекъ изъ данныхъ за нѣсколько лѣтъ (1775—1787), заключающихся въ гидѣ Ватена (Watin) „Le provincial à Paris": 20.276 родившихся и 19.528 умершихъ. Но коэффиціентъ „Монитёра" (33) онъ находитъ слишкомъ крупнымъ. За періодъ времени отъ 1799 до 1803 г. приходилось 28 рожденій на 1000 жителей, т. е. 1 рожденіе на 26 ж., а не на 33. Примѣняя это отношеніе къ среднему числу рожденій за 1771—1780 г., именно 19.861, извѣстный статистикъ Жакъ Бертильонъ находитъ, что въ Парижѣ въ эту эпоху могло быть только 522.000 жителей.

Къ этой послѣдней цифрѣ оказывается близкою та, которая получилась по переписи (recensement) 1789 г. для генеральныхъ штатовъ: 524.186. Къ сожалѣнію, законъ 22 іюля 1791 г., предписывавшій новую перепись, не былъ приведенъ въ исполненіе, какъ и законы 19 сентября 1792 г. и 11 августа 1793 г. Работа по переписи населенія отдѣльныхъ секцій Парижа была начата, однако, во II г. республики, но и въ концѣ III г. многія секціи не доставили о себѣ никакихъ свѣдѣній. Кое-какъ все-таки дѣло было кончено, и получилась „Общая таблица населенія 48 секцій Парижа“ съ итогомъ въ 640.504 ж. Брэшъ эту цифру считаетъ ошибочной.

Слѣдующая перепись была сдѣлана въ V г. республики и дала для Парижа цифру 551.347 безъ военныхъ и непостоянныхъ жителей (non domiciliés). Наконецъ, перепись IX г. (1800) дала итогъ 547.756. По мнѣнію Брэша, отъ этой цифры послѣдняго года XVIII в. нужно исходить: безъ большой ошибки можно предположить, что въ 1792 г., спеціально интересующемъ Брэша, населеніе Парижа было не менѣе 500.000 и не болѣе 550.000.

Вотъ и все, что по этому вопросу мы находимъ въ книгѣ Брэша.

Вопросъ о народонаселеніи Парижа заинтересовалъ меня съ одной, болѣе спеціальной точки зрѣнія. Занимаясь исторіей парижскихъ секцій въ эпоху революціи, я предпринялъ самостоятельныя архивныя разысканія относительно числа жителей въ этихъ 48 частяхъ, на которыя раздѣлялась столица Франціи въ эпоху революціи. Результаты этихъ поисковъ съ составленною мною картою населенности отдѣльныхъ секцій я опубликовалъ по-русски [1]) и по-французски [2]), и здѣсь ихъ излагать не стану. Ограничусь только нѣкоторыми общими данными и соображеніями.

[1]) Неизданные документы по исторіи парижскихъ секцій. Спб. 1912.

[2]) N. Karéiev. La densité de la population des différentes sections de Paris pendant la révolution. 1912. (Эта брошюра издана, какъ отдѣльный выпускъ „Bibliothèque de la Révolution et de l'Empire“).

Парижъ эпохи революціи былъ приблизительно вдвое меньше теперешняго, будучи весь заключенъ въ круговой линіи нынѣшнихъ внѣшнихъ бульваровъ. На этой территоріи, однако, нужно различать болѣе старый и значительно сильнѣе населенный „городъ“ (la ville) и бывшія сравнительно слабо населенными „предмѣстья“ (les faubourgs), къ числу которыхъ относились и два рабочіе фобурга—Сентъ-Антуанъ и Сенъ-Марсель, бывшіе наиболѣе революціонными. Для населенія отдѣльныхъ секцій мы имѣемъ цифры III, V и IX гг. республики, изъ которыхъ цифры первыхъ двухъ годовъ (1794 и 1797) представляютъ большую странность. Это—большею частью одинѣ и тѣ же цифры, но тѣ изъ нихъ, которыя въ первой вѣдомости пріурочены къ однѣмъ секціямъ, во второй отнесены къ другимъ. Напримѣръ, для четвертой секціи показаны цифры 14.000 и 20.400, а для пятой 20.000 и 14.000, т. е. въ обратномъ порядкѣ. Гдѣ-то кто-то перепуталъ. По всей вѣроятности, путаница была сдѣлана при сведеніи въ одну таблицу данныхъ, доставленныхъ отдѣльными секціями въ первый разъ, а во второй разъ секціи доставили прежнія же цифры, попавшія теперь на надлежащія мѣста. Впрочемъ, это только предположеніе, могущее оказаться и невѣрнымъ, но, во всякомъ случаѣ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ характернымъ примѣромъ того, какъ ненадежны нѣкоторыя цифровыя данныя конца XVIII в. Нѣкоторое подозрѣніе внушаетъ и то, что цифры большею частью даются круглыя: 12.500, 8.000 и т. п.

Французскіе ученые принимаютъ для населенія Парижа цифру IX г. Принялъ ее и я для опредѣленія населенности отдѣльныхъ секцій, но тутъ встрѣтилось затрудненіе касательно пространства, занимавшагося отдѣльными секціями Современныхъ революціи свѣдѣній на этотъ счетъ не имѣется. а тѣ, которыя даютъ два изданія, описывающія Парижъ середины XIX в., сообщаютъ противорѣчивыя данныя. Дѣло въ томъ, что территоріи секцій конца XVIII в., въ общемъ, были территоріями кварталовъ (quartiers) середины XIX в., и вотъ въ двухъ изданіяхъ пятидесятыхъ годовъ поверхность этихъ кварталовъ оказывается очень неодинаковою.

Кому было вѣрить? Поэтому пришлось при помощи перевода на миллиметричную бумагу большого плана Парижа, раздѣленнаго на секціи, самому опредѣлять, какія пространства занимали отдѣльныя парижскія секціи, для того, чтобы опредѣлить сравнительную густоту населенія всѣхъ этихъ секцій. Полученные результаты можно считать, конечно, только приблизительными. Болѣе точная карта могла бы быть дана только при болѣе точныхъ цифрахъ.

Было бы, разумѣется, очень важно знать, сколько въ рабочей массѣ было „патроновъ“, мелкихъ предпринимателей, работавшихъ наряду со своими „компаньонами“, и сколько наёмныхъ рабочихъ разныхъ категорій, но едва ли когда-либо мы будемъ въ состояніи узнать это, и даже, при современномъ состояніи науки, трудно было бы начертать карту разселенія рабочаго населенія Парижа по отдѣльнымъ секціямъ[1])

Со словомъ „пролетаріатъ“ бываетъ не мало злоупотребленій или недоразумѣній въ исторіи революціи. Жоресъ, напримѣръ, называетъ коммуну 10 августа 1792 г. пролетарской, признавая пролетаріями среди ея членовъ столяровъ, токарей и т. п., которые были, однако, мелкими патронами. Среди 206 членовъ этой коммуны, профессіи которыхъ намъ извѣстны, Брэшъ насчиталъ только двухъ несомнѣнныхъ пролетаріевъ, изъ которыхъ одинъ былъ „garçon cordonnier“, другой—„ouvrier bijoutier“.

XIII.

Изъ спеціальныхъ вопросовъ экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи въ книгѣ Брэша, между прочимъ, трактуется вопросъ о происхожденіи идеи максимума цѣнъ на предметы первой необходимости.

Исторія этого максимума, играющаго большую роль и въ политической исторіи революціи, до сихъ поръ изучена была мало. Левассёръ въ своей „Исторіи рабочихъ классовъ и

[1]) Это мое мнѣніе подтверждается и новой работой Брэша, о которой см. ниже.

промышленности во Франціи съ 1789 до 1870 г.“ отводитъ ему едва какихъ-нибудь полтора десятка страницъ. Равнымъ образомъ, и Жоресъ въ „Исторіи французской революціи“ посвящаетъ декрету конвента о максимумѣ лишь двѣ-три страницы, причемъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія сколько-нибудь критически разобраться въ вопросѣ. Первый, кто остановился съ большимъ вниманіемъ на исторіи максимума, привлекъ къ дѣлу архивный матеріалъ по этой исторіи и далъ очень обстоятельное изложеніе слѣдствій, какія имѣлъ максимумъ для экономической жизни Франціи, былъ Е. В. Тарле. Страницы объ этомъ предметѣ въ его „Рабочемъ классѣ во Франціи въ эпоху революціи“,—а такихъ страницъ въ названной книгѣ двѣ сотни,—представляютъ собой цѣлое изслѣдованіе, весьма цѣнное и по новымъ фактическимъ даннымъ, извлеченнымъ авторомъ изъ архивныхъ документовъ, и по тѣмъ заключеніямъ, къ которымъ онъ пришелъ.

Въ „Коммунѣ десятаго августа 1792 г.“ Брэшъ сообщаетъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія о томъ, какъ возникла идея о максимумѣ за нѣсколько еще мѣсяцевъ до изданія конвентомъ соотвѣтствующаго декрета [1]). Брэшъ говоритъ объ этомъ въ параграфѣ, озаглавленномъ „La question des subsistances“ (стр. 822—865).

[1]) Кое-что объ обстоятельствахъ, породившихъ идею максимума, имѣется и въ недавно (1911) вышедшей въ свѣтъ книгѣ Lacombe „La première commune révolutionnaire de Paris“. См. стр. 360—361 съ письмомъ Ролана въ защиту свободы торговли и идей Тюрго на этотъ счетъ и стр. 365 и слѣд., гдѣ имѣются извѣстія о томъ, какъ народъ во время происходившихъ тамъ и самъ волненій самъ таксировалъ хлѣбъ еще въ ноябрѣ 1792 г. Здѣсь же указывается, что въ виду обезцѣненія ассигнатовъ землевладѣльцы предпочитали получать, а арендаторы отдавать плату за обрабатываемую землю натурою, т. е. хлѣбомъ, овощами, масломъ. Въ этомъ готовы были тогда видѣть политическую интригу, но, по вѣрному замѣчанію Лакомба, „les fermiers et le propriétaires agissent ainsi par un motif économique très évident“, т. е. вслѣдствіе стремленія всячески избѣгать ассигнатовъ. См. также еще одно письмо Ролана о томъ, что владѣльцы хлѣба боялись вывозить его на рынки, стр. 371. Въ этомъ тоже видѣли слѣдствіе роялистической интриги.

Въ серединѣ ноября 1792 г. центральный комитетъ парижскихъ секцій, занимавшійся вопросомъ о снабженіи столицы хлѣбомъ, обратился къ конвентскимъ комитетамъ земледѣлія и торговли съ указаніемъ на опасное положеніе населенія города въ виду недостатка съѣстныхъ припасовъ. Комитеты въ свою очередь, обратились къ министру Ролану, который, между прочимъ, сказалъ приблизительно слѣдующее: долго думали, что хлѣбъ въ Парижѣ долженъ быть дешевле, нежели въ другихъ мѣстахъ, но это невѣрно, ибо нельзя же продавать хлѣбопекамъ муку съ убыткомъ, да и вообще не слѣдуетъ чѣмъ бы то ни было стѣснять свободу торговли, обезпечивающую снабженіе населенія съѣстными припасами. Извѣстно, какое значеніе имѣлъ во Франціи еще задолго до революціи вопросъ о хлѣбной торговлѣ [1]), и мы видѣли въ изложеніи работы г. Петрова о наказахъ, что и въ этихъ послѣднихъ вопросу о свободѣ или несвободѣ хлѣбной торговли принадлежало очень видное мѣсто. Физіократы и въ частности Тюрго были сторонниками безусловной свободы, и на той же точкѣ зрѣнія стоялъ Роланъ, указывавшій на вмѣшательство муниципалитета въ дѣло снабженія Парижа хлѣбомъ, какъ на одну изъ причинъ нарушенія благодѣтельной свободы. Самъ мэръ Парижа Петіонъ говорилъ, что наиболѣе счастливымъ для муниципалитета положеніемъ было бы не вмѣшиваться въ продовольственное дѣло. Комиссары 48 парижскихъ секцій, въ свою очередь, подвергли рѣзкой критикѣ дѣйствія муниципальныхъ властей въ этомъ дѣлѣ и заявили очень рѣшительно о необходимости, чтобы „законъ лишилъ администраторовъ продовольственной части убійственнаго для свободы права (droit liberticide) торговать хлѣбомъ“ (de faire le commerce des grains). Впрочемъ, они оговаривались, что не нужно отказываться отъ муниципальной поставки, пока не будетъ полной увѣренности, что свободная торговля будетъ въ состояніи ее замѣнить. Роланъ, повидимому, и ждать совсѣмъ не хотѣлъ, настаивая на томъ,

[1]) Напоминаю, что въ русской исторической литературѣ объ этомъ предметѣ имѣется трудъ Г. Е. Аоанасьева „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ“, переведенный и по-французски.

что пока будетъ существовать вмѣшательство муниципалитета, не будетъ и свободы торговли, которая одна въ состояніи была бы устранить зло.

Идея свободы торговли была, по словамъ Брэша, еще довольно популярна въ Парижѣ, но далеко не безъ оговорокъ. Секціонные комиссары откладывали ея введеніе до 1 января 1793 г. Въ разныхъ брошюрахъ, посвященныхъ вопросу, проводилась идея свободы торговли, но и рекомендовалось имѣть запасные склады для регулированія цѣнъ, когда хлѣбъ сдѣлался бы особенно дорогъ (2 су 6 денье или 3 су за фунтъ). Съ своей стороны, муниципальные администраторы по продовольствію столицы оправдывали свои дѣйствія отъ сыпавшихся на нихъ вообще обвиненій, указывая на фактическую невѣрность нѣкоторыхъ изъ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и объясняя, что вынуждало ихъ продавать хлѣбъ съ убыткомъ, т. е. ниже той цѣны, по какой онъ покупался. Вопросъ былъ очень серьёзный, въ которомъ были заинтересованы и центральныя, и муниципальныя власти. Въ концѣ концовъ, разорительная система искусственнаго удешевленія хлѣба продажею муки по цѣнѣ низшей, нежели покупная, была оставлена.

Любопытно, что народная масса, тоже желавшая свободной торговли хлѣбомъ, держалась совсѣмъ иныхъ взглядовъ относительно топлива, т. е. какъ дровъ, такъ и угля: въ этомъ вопросѣ хотѣли уже не муниципальныхъ складовъ которые регулировали бы цѣны на топливо, а прямо установленія обязательной для продавцевъ таксы. Брэшъ прямо заявляетъ, что именно тутъ-то и зародилась впервые мысль о максимумѣ [1]). Въ противность тому, что дѣлалось съ мукою, торговля дровами была совершенно свободною, и у муниципалитета не было своихъ дровяныхъ складовъ. Стакнулись ли между собою дровяники, или же на самомъ дѣлѣ

[1]) On voit combien cette question des combustibles à Paris, en novembre 1792, présente d'intérêt, puisqu'elle va produire au grand jour cette idée du maximum qui devait, quelques mois plus tard, s'imposer à la Convention", стр. 838.

уменьшился подвозъ дровъ, но цѣны на топливо сильно поднялись, и уже въ сентябрѣ 1792 г. въ одной секціи (Roule) шла рѣчь о необходимости регулировать цѣны на дрова и уголь, и очень скоро о томъ же самомъ заговорили муниципальные администраторы по продовольственной части. Генеральный совѣтъ коммуны (т. е. городская дума) издалъ въ этомъ смыслѣ обязательное постановленіе, но оно не исполнялось, на что, между прочимъ, одна секція (Лувра) принесла жалобу этому совѣту. Въ послѣднемъ,—дѣло было въ началѣ ноября,—вопросъ вызвалъ продолжительныя прѣнія. Одинъ членъ требовалъ изданія конвентомъ закона противъ „свободы торговли, которая въ дни революціи выгодна только барышникамъ“, и, конечно, при этомъ не обошлось безъ намека на политическую интригу, которая извлекала-де для себя пользу изъ этой свободы. Дѣло обсуждалось нѣсколько дней. 16 ноября предсѣдатель генеральнаго совѣта коммуны, знаменитый Шометтъ, произнесъ рѣчь, съ содержаніемъ которой по тогдашнимъ газетамъ Брэшъ знакомитъ читателей въ виду „исключительнаго ея интереса съ точки зрѣнія исторіи экономическихъ и соціальныхъ идей вообще и шометтовскихъ въ частности“. Авторъ отмѣчаетъ также, что до него никто на эту рѣчь не ссылался [1]).

Сущность рѣчи Шометта была въ томъ, что націи должно принадлежать право собственности на всѣ продукты. Брэшъ, анализируя эту рѣчь, находитъ, что при всемъ своемъ коллективистическомъ подобіи [2]) идея Шометта была полною противоположностью современному соціализму. Послѣдній, распространяя право собственности государства на орудія производства, признаётъ личное присвоеніе продуктовъ, предназначенныхъ для потребленія, тогда какъ настоящими собственниками всѣхъ жизненныхъ припасовъ Шометтъ считаетъ потребителей: „c'est le consommateur qu'est le véritable pro-

[1]) У Е. В. Тарле указанія на эту рѣчь тоже нѣтъ.

[2]) Voilà bien une affirmation collectiviste, semble-t-il.... Cette manifestation d'apparence collectiviste, стр. 842.

priétaire“ [1]). Шометтъ говорилъ еще объ условности права собственности, считавшагося, какъ извѣстно, священнымъ, и его рѣчи много апплодировали.

Слѣдя изо дня въ день за тѣмъ, что говорилось и предпринималось въ Парижѣ по поводу дороговизны предметовъ первой необходимости, Брэшъ указываетъ, что еще 10 сентября секція Моконсейль установила у себя таксу цѣнъ этихъ предметовъ, а теперь, т. е. во второй половинѣ ноября, многія секціи стали просить коммуну о томъ, чтобы ея декретъ о топливѣ былъ распространенъ вообще на всѣ предметы первой необходимости. Къ жалобамъ на дороговизну топлива стали присоединяться жалобы на вздорожаніе сала, изъ котораго выдѣлывались свѣчи. Въ генеральномъ совѣтѣ происходили горячія пренія, и одинъ ораторъ, напр., говорилъ, что бѣдный классъ, совершившій революцію, долженъ и пользу отъ нея за это получить, и что разъ нужна новая революція, дѣло за нею не станетъ: „s'il faut une nouvelle révolution, nous saurons la faire“. Коммуна затруднялась сдѣлать что-либо на свой страхъ и настаивала на необходимости обращенія къ конвенту, какъ ни аттаковали ее своими требованіями секціи. Въ вечернемъ засѣданіи 24 ноября депутація отъ секціонныхъ комиссаровъ прямо потребовала у коммуны „неизмѣнной таксы для всѣхъ предметовъ первой необходимости“. Брэшъ особенно подчеркиваетъ, что инициатива максимума принадлежала дѣятелямъ парижскихъ секцій, а не генеральному совѣту коммуны, въ которомъ многіе были даже рѣшительно противъ него, по крайней мѣрѣ, противъ таксаціи своею собственною властью. 29 ноября конвенту былъ представленъ адресъ отъ имени генеральнаго совѣта и боль-

[1]) Braesch сопровождаетъ свой анализъ рѣчи Шометта слѣдующими словами: les deux thèses s'opposent l'une à l'autre: dans le premier cas (т. е. у Шометта) la propriété individuelle est conservée quant au capital et supprimée quant aux fruits; dans le deuxième cas (въ коллективизмѣ) elle est conservée quant aux fruits et supprimée quant au capital.... Rien ne peut nous faire saisir la différence radicale qui existe entre les déclarations à tendances les plus socialistes de la Révolution et les idées qui commencèrent à se faire jour avec Babeuf“, стр. 842.

ншнства секцій съ просьбою отмѣнить свободу торговли и разрѣшить установленнымъ властямъ таксировать предметы первой необходимости.

Дороговизну жизни въ зиму съ 1792 на 1793 г. Брэшъ объясняетъ условіями переходнаго времени: причина ея, по его словамъ, заключалась не только въ недостаточности производства или лишь подвоза, сколько въ неприспособленности торговли къ новымъ условіямъ. Революція освободила ее отъ путъ, въ какихъ она находилась при старомъ порядкѣ, но новой ея организаціи возникнуть было трудно, да и старые предразсудки и обычаи сохраняли силу. Народъ жаловался на скупщиковъ и барышниковъ, обогащавшихся на его счетъ, благодаря свободѣ торговли, и это было великимъ испытаніемъ для принципа свободной торговли. Ставился на очередь дня вопросъ, слѣдуетъ ли ее сохранить, или уничтожить, или ограничить. Другими словами, спрашивалось, должна ли была экономическая политика быть политикой воздержанія, или вмѣшательства, или регламентаціи. Этотъ вопросъ занималъ и конвентъ, особенно его комитеты (земледѣлія и торговли), и министра внутреннихъ дѣлъ, и секціи, и генеральный совѣтъ коммуны, словомъ, всѣхъ и вся. Брэшъ подробно слѣдитъ за тѣмъ, какъ этотъ вопросъ освѣщался съ разныхъ точекъ зрѣнія. Одною, которую защищала продовольственная администрація коммуны, было безусловное уваженіе къ собственности и свободѣ, и съ этой стороны другіе взгляды, которые „не переставали быть распространяемыми въ народѣ“, объявлялись пагубными для самого же народа. Наоборотъ, въ генеральномъ совѣтѣ брала верхъ постепенно какъ-разъ противоположная точка зрѣнія.

Люди, внезапно очутившіеся у власти послѣ революціи 10 августа, были вообще свободны отъ какихъ бы то ни было экономическихъ теорій и свою политику основывали исключительно на практическихъ соображеніяхъ, диктовавшихся условіями данной минуты. Столь же мало руководились въ своихъ экономическихъ требованіяхъ какими-либо теоріями и секціи. Постановленіе, сдѣланное секціей Моконсейль 10 сентября

о томъ, чтобы предметы первой необходимости продавались по прежнимъ цѣнамъ и чтобы мелкіе торговцы не платили оптовымъ дороже, нежели то было раньше, обошло другія секціи. Собраніе секціонныхъ комиссаровъ черезъ нѣкоторое время выработало даже цѣлый проектъ регламентаціи торговли предметами первой необходимости на всемъ пространствѣ республики, съ запрещеніемъ, однако, какимъ бы то ни было административнымъ учрежденіямъ вести торговлю и вступать въ конкурренцію съ частными лицами. Помимо того, во многихъ мѣстахъ, какъ было сказано выше, часто случайная толпа мѣшала циркуляціи хлѣба. Комитетъ земледѣлія нашелъ нужнымъ предложить конвенту обратиться къ народу съ воззваніемъ въ пользу свободы торговли и вмѣстѣ съ тѣмъ издать законъ, которымъ карали бы, съ одной стороны, барышниковъ, съ другой, зачинщиковъ безпорядковъ изъ-за жизненныхъ припасовъ. Такой „адресъ“ и былъ составленъ, и въ немъ народъ предостерегался, между прочимъ, и противъ тѣхъ, которые предлагали таксировать хлѣбъ. Съ изданіемъ предположеннаго закона дѣло затянулось, но въ составленномъ тогда же его проектѣ тоже говорилось, что таксаціи хлѣба не должно быть ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ.

Кромѣ секціи Моконсейль, вопросъ о максимумѣ былъ поднятъ еще департаментомъ Эндры-и-Луары, который прислалъ въ конвентъ въ серединѣ октября мемуаръ „De la fixation du maximum du prix des grains dans toute la France“. Нѣкоторыя частныя лица также доказывали необходимость этой мѣры.

Нѣкто Пешадъ представилъ въ комитетъ земледѣлія записку, въ которой сказано было, между прочимъ, слѣдующее: „должно дать народу хлѣбъ по такой цѣнѣ, чтобы онъ былъ ему всегда по его средствамъ и чтобы существованіе бѣдняка было обезпечено. За основу пропорціи цѣны хлѣба (grains) нужно будетъ брать обычную заработную плату (le prix commun des journées de travail), а не хлѣбную цѣну за основу пропорціи цѣны на трудъ“. Эта идея объ извѣстномъ соотвѣтствіи между поденной платой и цѣною предметовъ

первой необходимости, встрѣчается еще въ адресѣ конвенту отъ департамента Сены-и-Уазы. Небольшое число капиталистовъ и собственниковъ, говорится тамъ, распоряжается цѣнами на трудъ и на предметы первой необходимости, откуда между тѣми и другими страшная непропорціональность (disproportion effrayante). Нужно, чтобы законъ не позволялъ капиталистамъ морить голодомъ трудящіійся людъ, а для этого слѣдуетъ установить максимумъ цѣнъ на предметы первой необходимости. Когда подобныя идеи стали распространяться по разнымъ мѣстамъ, Роланъ выступилъ съ защитою полной свободы торговли въ цѣломъ рядѣ заявленій на имя конвента, и коммуны, и комитетовъ земледѣлія и торговли, причемъ въ одномъ изъ такихъ заявленій, отъ 27 ноября, онъ отмѣтилъ попытки таксаціи предметовъ первой необходимости, сдѣланныя въ Шартрѣ, въ Ле-Манѣ (Le-Mans), въ разныхъ мѣстахъ департамента Сарты и въ Ліонѣ. Кромѣ Ролана, не устававшаго твердить одно и то же въ защиту неограниченной свободы торговли, въ ноябрьскихъ засѣданіяхъ конвента, въ которыхъ обсуждался продовольственный вопросъ, выступило еще нѣсколько (Брэшъ говоритъ: „plusieurs“) ораторовъ. Въ конвентъ въ этомъ мѣсяцѣ особенно часто приходили извѣстія о безпорядкахъ, причинами или поводами которыхъ были дороговизна хлѣба, опасенія, что его не хватитъ, и т. п. Между прочимъ, и самъ Роланъ докладывалъ конвенту о нѣкоторыхъ волненіяхъ. Конвентъ сталъ на сторону Ролана, но въ самомъ концѣ ноября парижскія секціи обратились къ нему со своимъ адресомъ о необходимости „de rendre aux autorités constituées le droit de taxer les denrées de première nécessite“.

Любопытна мотивировка этого требованія: „самая многочисленная часть народа, та самая, которая сдѣлала революцію, которая ее поддержитъ, которая умѣетъ любить свободу, которая прежде всего заслуживаетъ вашихъ заботъ, погружена въ самую глубокую тревогу, въ самыя жестокія бѣдствія. Коалиція богатыхъ капиталистовъ хочетъ завладѣть всѣми земельными и промышленными средствами; не довольствуясь высокими цѣнами предметовъ продовольствія, она

ихъ портитъ, поддѣлывая и отравляя напитки.... Революція сдѣлана, новой ненужно. Учредительное собраніе декретировало отмѣну заставныхъ пошлинъ, народу должно было быть лучше, но оно декретировало и свободу торговли, и его благодѣяніе обратилось въ ничто".

Въ этомъ адресѣ, бывшемъ отвѣтомъ на отказъ генеральнаго совѣта секціямъ въ ихъ просьбѣ своею властью таксировать цѣны на топливо, Брэшъ видитъ справедливо отраженіе идей, которыя уже были въ теченіе цѣлаго мѣсяца въ адресахъ конвенту отъ департаментовъ и отъ отдѣльныхъ секцій. Послѣдствій никакихъ петиція не имѣла. Конвентъ пообѣщалъ, что дѣло будетъ разсмотрѣно, и передалъ адресъ секціи въ свой продовольственный комитетъ. Самъ онъ, однако, въ ближайшіе дни продолжалъ обсуждать общій вопросъ о продовольствіи. Въ засѣданіи 2 декабря Робеспьеръ произнесъ длинную рѣчь, гдѣ были два такія мѣста: „первое изъ правъ есть право на существованіе", и „все, что нужно для сохраненія жизни, есть общая собственность всего общества", хотя на самомъ дѣлѣ ораторъ не шелъ дальше того, что предлагали комитеты земледѣлія и торговли и секціонные коммиссары до 29 ноября.

„Система максимума, говоритъ Брэшъ, оканчивая свой разсказъ, была повидимому брошена всѣми: сами якобинцы только похлопали Бентаболю, когда тотъ 30 ноября сказалъ о необходимости таксировать жизненные припасы, и не приняли никакой революціи, чтобы провести данное положеніе на практикѣ. Такимъ образомъ, въ началѣ декабря (1792) налицо были только двѣ системы: неограниченной свободы, которую поддерживалъ Роланъ, и свободы ограниченной, защищавшейся секціонными комиссарами, комитетами земледѣлія и торговли и пр." 8 декабря конвентъ издалъ по этому вопросу декретъ, въ которомъ рѣшительно сталъ на сторону перваго принципа. „Самая полная свобода, гласила статья IV этого декрета, будетъ имѣть мѣсто въ торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ, мукой и сухими овощами на всемъ протяженіи республики". Только вывозъ хлѣба за границу запрещался подъ угрозою смертной казни, внутри же

страны провозглашалась свобода съ отмѣною кое-какихъ ограниченій, принятыхъ—было въ сентябрѣ того же года. Секціи и комитеты земледѣлія и торговли не получили ни малѣйшаго удовлетворенія. Съ такимъ рѣшеніемъ вопроса о максимумѣ Франція окончила бурный 1792 годъ. Въ 1793 г. вопросъ пришлось тому же самому конвенту перерѣшать—и на этотъ разъ замѣнить систему свободной конкуренціи уже не системою ограниченной свободы, а закономъ о максимумѣ.

Въ изложеніи событій французской революціи Брэшъ не идетъ далѣе декабря 1792 г. Исторію того, какъ былъ принятъ конвентомъ законъ о максимумѣ и какія были его реальныя послѣдствія закона, разсказываетъ проф. Тарле въ своей книгѣ о рабочемъ классѣ во время революціи. Повторяю, что до сихъ поръ никто такъ подробно не разсматривалъ этотъ важный вопросъ, какъ именно проф. Тарле [1]).

Русскій изслѣдователь тоже подчеркиваетъ, что мысль о максимумѣ возникла въ народной средѣ. Таксировать хлѣбъ и мясо было предоставлено муниципалитетамъ еще въ серединѣ 1791 г., и уже съ осени этого года не прекращались въ народѣ разговоры о томъ, что слѣдовало бы это право таксаціи распространить вообще на всю торговлю. Власти были противъ такой крутой мѣры, но тамъ и сямъ народъ самъ начиналъ стѣснять свободу торговли и даже грабить транспорты хлѣба для продажи его по цѣнѣ, угодной покупателямъ. На почвѣ вопроса о снабженіи Парижа хлѣбомъ разыгралась борьба между Жирондою и Горою. Правда, монтаньяры, сдѣлавшіеся горячими сторонниками таксаціи не сразу, невыяснили самимъ себѣ, какую нужно было занять позицію, но популярность таксаціи въ народной массѣ рѣшила вопросъ, тѣмъ болѣе, что это была партія завзятыхъ государственниковъ, признававшихъ во имя raison d'état безгранич-

[1]) См. въ статьѣ моей „Русская книга о французскихъ рабочихъ въ эпоху французской революціи“ (Рус. Бог., 1911, кн. VI), о чемъ повторено въ работѣ моей „Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣдніе десять лѣтъ“.

ное право вмѣшательства власти во всѣ стороны общественной жизни. Въ зиму съ 1792 на 1793 годъ народную подозрительность питали слухи о барышническихъ скупкахъ хлѣба и „аристократическихъ“ заговорахъ съ цѣлью уморить Парижъ голодомъ. Хлѣбная торговля сдѣлалась поэтому занятіемъ прямо небезопаснымъ: обозы съ хлѣбомъ приходилось охранять вооруженною силою, и въ февралѣ уже были очень часты нападенія на лавки, торговавшія хлѣбомъ, мясомъ, мыломъ. Въ народѣ все настойчивѣе требовали теперь установленія максимума, и въ конвентъ была послана депутація организованная 48 секціями Парижа. Рѣзкій тонъ петиціи, принесенной ею, раздражилъ конвентъ, и даже Маратъ протестовалъ въ рѣшительныхъ выраженіяхъ противъ предложенныхъ мѣръ. Якобинскій клубъ тоже высказался противъ, въ особенности же Сенъ-Жюстъ. „Такимъ образомъ, говоритъ проф. Тарле, инициатива максимума исходила не отъ конвента и не отъ той или иной вліятельной организаціи, а отъ парижской нуждающейся массы“. Когда муниципалитетъ сталъ на ея сторону, а народныя петиціи о максимумѣ сдѣлались особенно частыми и настоятельными, монтаньяры стали склоняться въ пользу этого требованія, чтобы успокоить рабочихъ и имѣть ихъ на своей сторонѣ.

Проф. Тарле подробно разсказываетъ, какъ колебался, однако, Конвентъ съ установленіемъ максимума, и какъ рабочіе производили на него давленіе. Онъ приводитъ, между прочимъ, одно заявленіе рабочихъ конвенту отъ 1 мая 1793 г. очень грознаго характера. „Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, замѣчаетъ онъ, что, будь подобная петиція подана не въ маѣ [1]), а нѣсколько позже, петиціонеры не отдѣлались бы дешево. Осенью того же 1793 г. казнили и не за такія провинности, какъ прямая угроза возстаніемъ“. 26 іюля 1793 г. конвентъ издалъ декретъ, каравшій смертною казнью барышническую скупку предметовъ потребленія. Въ августѣ 1793 г. началось изданіе декретовъ, таксировавшихъ отдѣльныя категоріи про-

[1]) Т. е. передъ рѣшительной схваткой между жирондистами и монтаньярами.

дуктовъ, а 29 сентября вышелъ и общій законъ о максимумѣ, которымъ таксировалась, равнымъ образомъ, и заработная плата. Этотъ фактъ создалъ въ политической области условія, которыя могущественно способствовали утвержденію диктатуры комитета общественнаго спасенія; въ области экономическихъ отношеній ему суждено было сыграть весьма тоже значительную роль.

„Законъ о максимумѣ, говоритъ проф. Тарле, сталъ проводиться въ жизнь путемъ административныхъ постановленій. Всюду мѣстная администрація издавала соотвѣтствующія постановленія о таксаціи товаровъ, причемъ обыкновенно подчеркивала въ своихъ обращеніяхъ къ населенію благодѣтельный смыслъ закона, который долженъ дать дешевую пищу, дешевое вино, дешевую одежду, дешевое отопленіе бѣднымъ людямъ“. Сейчасъ же, однако, стало обнаруживаться, что властямъ не обойтись безъ широчайшаго пользованія реквизиціями, такъ что „максимумъ и реквизиціи оказались тѣснѣйшимъ образомъ связанными между собою“. Реквизиціи во Франціи существовали, разумѣется, и раньше, но никогда ни центральныя, ни мѣстныя власти не пользовались ими такъ часто, такъ широко. „Въ разсматриваемую эпоху, прибавляетъ авторъ, реквизиціи накладывались какъ на предметы потребленія, на перевозочныя средства и т. п., такъ и на рабочій трудъ... Заставить торговцевъ подчиниться максимуму, заставить рабочихъ получать плату по таксѣ, насильственными мѣрами задержать обезцѣненіе ассигнаціи,— вотъ какова была цѣль реквизицій, ибо комитетъ общественнаго спасенія отчетливо сознавалъ всю невозможность ждать добровольнаго подчиненія товаровладѣльцевъ явно разорявшему ихъ закону“. Для промышленниковъ и купцовъ при этомъ реквизиціи явились тѣмъ большимъ зломъ, что разнообразные представители власти безъ всякаго сговора между собою пользовались и правомъ, и возможностью налагать реквизиціи на одни и тѣ же товары въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, причемъ обыкновенно на первомъ планѣ ставились интересы не потребителей, а государства: въ это время армія нуждалась въ громадныхъ поставкахъ. „Хватать на мѣстѣ, гово-

ритъ проф. Тарле, наказывать немедленно, грозить жезломъ закона,—вотъ что подъ личной своею отвѣтственностью обязаны были неуклонно дѣлать всѣ чины администраціи на мѣстахъ", дабы преодолѣвать „хитрости и обманы". Всѣ мѣры, принимавшіяся для обезпеченія дешевизны товаровъ, оказывались, однако, по его словамъ, совершенно тщетными. Хлѣбъ, мясо, дрова, свѣчи, свѣтильное масло, мыло и т. п., все это было чрезвычайно дорого, и что только можно было, все пускалось въ ходъ для припрятыванія товаровъ и тайной торговли ими въ обходъ закона. Авторъ приводитъ въ большомъ количествѣ жалобы на то, что законъ не соблюдается, что нарушенія его—самое обычное явленіе. Стоявшіе у власти монтаньяры, не будучи сами инициаторами закона, разъ его издавши, считали нужнымъ его поддерживать, и наравнѣ съ войною и внутренними бунтами, необходимость этой поддержки была одною изъ причинъ пріостановки конституціи и оживленія террора. Въ книгѣ проф. Тарле приведенъ рядъ примѣровъ жестокихъ преслѣдованій, какимъ подвергались лица, не соблюдавшія закона о максимумѣ, даже примѣровъ смертной казни. Сенъ-Жюстъ даже предложилъ награждать „патріотическихъ негоціантовъ", продавшихъ провизію по таксѣ, что было „косвеннымъ признаніемъ безсилія, которое чувствовали диктаторы въ области экономическаго строительства, разъ обѣщались денежныя милости за исполненіе тѣхъ самыхъ предписаній закона, неисполненіе которыхъ фактически влекло за собою смертную казнь". Должностныя лица вообще были прекрасно освѣдомлены, какъ плохо стояло дѣло съ максимумомъ, что явствуетъ особенно изъ большого архивнаго матеріала на этотъ счетъ, котораго до проф. Тарле еще никто не трогалъ. „Противъ закона о максимумѣ, говоритъ онъ, боролся могучій, неуловимый, анонимый врагъ" въ видѣ всего тогдашняго экономическаго уклада жизни. Критика закона о максимумѣ въ цѣломъ рядѣ брошюръ сдѣлалась возможною лишь послѣ паденія Робеспьера. 24 декабря 1794 г. законъ былъ отмѣненъ конвентомъ, опасавшимся, впрочемъ, какъ бы не произошло вспышки народнаго недо-

вольства, но ни малѣйшаго протеста на самомъ дѣлѣ не послѣдовало.

Авторъ „Рабочаго класса“ нашелъ въ архивахъ очень много извѣстій о томъ, какъ пагубно отозвался законъ о максимумѣ на обрабатывающей промышленности. Предприниматели, закупившіе сырье по рыночной цѣнѣ, вынуждены были продавать выработанные изъ него продукты послѣ 29 сентября 1793 г. уже по таксѣ, и это ихъ разоряло. Заграничный подвозъ сырья долженъ былъ прекратиться, такъ какъ покупать по рыночной цѣнѣ за границей и продавать по фиктивной „максимальной“ было прямо невозможно. На цѣломъ рядѣ страницъ проф. Тарле обозрѣваетъ состояніе въ эту эпоху отдѣльныхъ отраслей промышленности и показываетъ на множествѣ частныхъ примѣровъ, какъ ужасно отзывался законъ на индустріальныхъ предпріятіяхъ, причемъ реквизиціи, бывшія безсильными въ дѣлѣ добыванія сырья, оказывались, наоборотъ достаточно сильными, чтобы погубить любое производство. Къ какимъ мѣрамъ прибѣгали власти, можно видѣть изъ того, что въ апрѣлѣ 1794 г. комитетъ общественнаго спасенія возложилъ на всѣхъ гражданъ обязанность ежемѣсячно доставлять для бумажныхъ фабрикъ, по крайней мѣрѣ, по одному фунту тряпья: сколько въ семьѣ было человѣкъ, столько и фунтовъ нужно было доставлять. Два печатныхъ листа, посвященные въ книгѣ проф. Тарле обзору вредныхъ послѣдствій максимума для французской промышленности, составляютъ вообще очень цѣнный вкладъ въ экономическую исторію революціи.

Очень важное значеніе имѣютъ въ книгѣ проф. Тарле и страницы, на которыхъ разсматривается непосредственное вліяніе максимума и реквизицій на рабочій классъ. Трудъ тоже былъ подчиненъ и таксаціи, и реквизиціямъ. Въ книгѣ приводятся интересныя подробности объ этомъ, наприм., таблицы тарифовъ, дающія намъ, между прочимъ, возможность составить себѣ понятіе о бюджетѣ рабочаго въ 1790 и 1793 гг. Вздорожаніе жизни заставило рабочихъ требовать повышенной платы, и, конечно, они всячески уклонялись отъ подчиненія таксѣ. Такъ какъ, съ другой стороны, и ихъ на-

сильно заставляли соблюдать законъ, то отсюда возникала упорная борьба между властями и рабочими, которыхъ насильно заставляли работать въ извѣстныхъ отрасляхъ промышленности или произвольно переводили изъ одной мѣстности въ другую, особенно, когда дѣло шло объ изготовленіи казенныхъ заказовъ, а нерѣдко обязывали работать и въ частныхъ предпріятіяхъ, преимущественно въ сельскомъ хозяйствѣ. Чтобы рабочіе не уклонялись отъ такой принудительной работы, усилены были паспортныя строгости. Результатомъ было то, что рабочіе „бѣжали розно“ или устраивали стачки, которыя властями приравнивались къ нападенію на государственный строй. „Рабочіе, говоритъ проф. Тарле, укрывались, убѣгали на болѣе или менѣе продолжительное время изъ дома, словомъ, всячески уклонялись отъ реквизицій“, „поступали подъ чужимъ именемъ въ дѣйствующую армію (хотя рабочимъ нѣкоторыхъ профессій это было прямо воспрещено),—а на работы не шли“. Комитетъ общественнаго спасенія, съ своей стороны, прибѣгалъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ. „Документы, прибавляетъ авторъ, производятъ совершенно опредѣленное впечатлѣніе крутой и рѣшительной борьбы властей противъ рабочихъ и упорнаго нежеланія послѣднихъ подчиниться реквизиціямъ“.

Еще до паденія Робеспьера самъ комитетъ общественнаго спасенія сталъ дѣлать изъятія и послабленія, паденіе же „диктатора“ и конецъ террора явились естественною предпосылкою къ отмѣнѣ закона о максимумѣ. Положеніе рабочихъ закономъ было положительно ухудшено, и „они,—говоритъ проф. Тарле,—безъ тѣни протеста смотрѣли на казнь Робеспьера. Отмѣна максимума не спасла ихъ отъ голода, и они стали ждать человѣка, который бы ихъ избавилъ отъ новыхъ владыкъ, низвергшихъ Робеспьера и сѣвшихъ на его мѣсто. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ,—прибавляетъ авторъ, они уже были не актерами, а только зрителями“.

XIV.

Для экономической исторіи Франціи въ 1792 г. книга Брэша даетъ еще кое-что, заслуживающее быть отмѣченнымъ.

Во-первыхъ, въ ней есть небольшой (стр. 804—822) параграфъ о денежномъ вопросѣ, какъ извѣстно, имѣвшемъ важное значеніе въ эпоху революціи. Еще когда ожидалось государственное банкротство, хотя бы и частичное только, каждый кредиторъ государства стремился реализировать свои бумаги, что повлекло за собою паденіе биржевыхъ курсовъ, которое только усилилось послѣ 14 іюля 1789 г. Когда началась эмиграція, много денегъ было увезено за границу. Однако, монетный кризисъ (la crise de la monnaie) начался только, говоритъ Брэшъ, въ концѣ 1791 г. Созданіе ассигнатовъ въ 1790 г., конечно, облегчило торговыя сдѣлки, но въ слѣдующемъ же году началось паденіе ихъ курса: въ январѣ 1791 г. билетъ въ 100 ливровъ стоилъ лишь 91 ливръ 10 су, а въ январѣ 1792 г. уже 66 ливровъ 15 су. Колебанія курса ассигнатовъ съ наклономъ въ сторону пониженія заставляли предпочитать звонкую монету, а между тѣмъ ея было мало уже въ 1790 г. Это сдѣлало финансистовъ, имѣвшихъ запасы золота, господами положенія, не стѣснявшимися извлекать изъ него всѣ, какія только было можно, выгоды. Къ тому же распродажа національныхъ имуществъ была могущественной причиной увеличенія биржевыхъ сдѣлокъ, и финансисты на своихъ денежныхъ операціяхъ наживали большіе барыши.

Въ 1791 г. въ Парижѣ еще не было замѣтно той общественной ненависти къ ажіотажу, которая потомъ сдѣлалась однимъ изъ очень характерныхъ явленій эпохи. 26 января 1792 г. въ Законодательное собраніе поступила петиція отъ гражданъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, „собравшихся въ количествѣ 10.000 человѣкъ“,—отъ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и т. п., населявшихъ это предмѣстье,—съ требованіемъ вмѣшательства въ дѣйствія денежныхъ барышниковъ,

держащихъ въ своихъ рукахъ звонкую монету. Это было первымъ проявленіемъ того озлобленія противъ финансистовъ, которое затѣмъ только возрастало.

Кромѣ государственныхъ ассигнатовъ, въ обращеніи были еще частные банковые билеты, носившіе названія „billets de secours“, „billets de confiance“ и т. п. Мелкихъ ассигнатовъ, по 5 ливровъ, было выпущено только на сто милліоновъ, и этого не хватало. Для облегченія размѣна ассигнатовъ на металлическія деньги въ отдѣльныхъ секціяхъ были созданы особыя оффиціальныя кассы, но такъ какъ онѣ не въ состояніи были удовлетворять всѣмъ требованіямъ, стали возникать такъ называемыя „патріотическія кассы“, сначала въ общественномъ интересѣ, потомъ въ цѣляхъ спекуляціи. Онѣ выпускали свои билеты, которые одна изъ нихъ дѣлала изъ пергамента. Она называлась „Commission établie à Paris Rue-Neuve-des-Bons-Enfants n° 24“, и ея ликвидація въ сентябрѣ 1792 г. вызвала серьезные уличные безпорядки. Самою знаменитою изъ такихъ банкирскихъ конторъ была „Maison de secours“ на Rue-des-Filles-Saint-Thomas. Дѣйствія ея основателя и директора, нотаріуса Гильома, вызвали также уличные безпорядки еще въ мартѣ 1792 г., послѣ чего Гильомъ былъ арестованъ и чуть-было не погибъ въ тюрьмѣ во время извѣстной сентябрьской рѣзни. Всѣ эти учрежденія размѣнивали ассигнаты на свои бумажки, а на ассигнаты пріобрѣтали земли, золото и другія реальныя цѣнности. Весьма естественно, что тѣ, у кого имѣлись на рукахъ всякіе такіе „billets de secours, de confiance“, были озабочены судьбою своего денежнаго имущества, поступавшаго въ эти кассы. Сентъ-Антуанская петиція и просила установленія надзора за дѣйствіями кассъ, для обезпеченія, между прочимъ, цѣлости размѣненныхъ ассигнатовъ.

Особенно сильно стало проявляться озлобленіе парижскаго населенія противъ „ажіотажа“, подъ которымъ разумѣлась всякая торговля деньгами, противъ биржи, противъ „вспомогательныхъ билетовъ“ послѣ 10 августа 1792 г., дня крушенія монархіи во Франціи, когда вообще народное возбужденіе достигло своего апогея. Наканунѣ, вечеромъ 9 авгу-

ста, сто ливровъ серебромъ оплачивались ста шестидесятью ливрами ассигнатами, а золотая монета въ двадцать ливровъ (луидоръ) стоила даже вдвое, т. е. сорокъ ливровъ ассигнатами. Народное неудовольствіе было такъ сильно, что однимъ изъ первыхъ постановленій революціонной коммуны было потребовать отъ національнаго собранія, чтобы „продавцы денегъ“ (les vendeurs d'argent) подлежали смертной казни: собраніе приглашалось издать такой декретъ, ибо „часть золъ, претерпѣваемыхъ Франціей“, объяснялась декретомъ учредительнаго собранія, объявившимъ, „que l'argent monnayé est un objet de commerce“. Результатомъ такого необычайнаго постановленія было то, что всѣ „продавцы денегъ“ попрятались, и съ этого дня (11 августа) нѣкоторое время никоимъ образомъ нельзя было размѣнять ассигнаты на звонкую монету. Потомъ, конечно, эти люди возобновили свои операціи, но съ большой опаскою, что вызвало рядъ обращеній отъ отдѣльныхъ секцій въ конвентъ съ петиціями противъ „денегъ-товара“ и „ажіотажа“: ассигнаты должны были получить принудительный курсъ, и смертная казнь или другое какое-либо строгое наказаніе должны были быть назначены всякому, „кто при размѣнѣ національныхъ ассигнатовъ на золотую, серебряную, биллонную или мѣдную монету, давалъ бы въ національной металлической монетѣ цѣну, низшую той, которая установлена для этихъ ассигнатовъ закономъ“. Коммуна 10 августа передъ тѣмъ, какъ разойтись, дабы уступить мѣсто новой, еще разъ высказалась въ смыслѣ необходимости отмѣнить законъ, разрѣшавшій торговлю монетою (l'argent monnayé), и издать „репрессивный законъ, противъ денежныхъ барышниковъ (accapareurs et vendeurs d'argent), который даже назначилъ бы имъ смертную казнь“.

Секціи требовали и закрытія биржи и прекращенія создаваемой ею возможности обогащенія игрой (par le jeu), причемъ одна предложила и за всякую азартную игру наказывать смертью, но такъ далеко коммуна 10 августа не пошла. Зато ею были приняты мѣры по отношенію къ „billets de confiance“. Еще весною 1792 г. вспомогательныя кассы были закономъ поставлены подъ надзоръ муниципалитетовъ, и

коммуна 10 августа очень дѣятельно занялась организаціей этого надзора. Одновременно съ этимъ оказана была кассамъ денежная помощь, чтобы выручить ихъ изъ критическаго положенія, въ которое онѣ попали, выпуская свои билеты сверхъ мѣры, потому что отъ банкротства могло бы пострадать великое множество гражданъ. Ни законодательное собраніе, ни коммуна не разочли, однако, что тутъ предстояло помогать и помогать безъ конца, тѣмъ болѣе, что въ обращеніи находилась масса поддѣльныхъ билетовъ. О тайной фабрикаціи фальшивыхъ бумажекъ извѣстія идутъ еще изъ 1791 г. Между прочимъ, ходили слухи, что этой фабрикаціей занимаются въ тюрьмахъ, на которыя населеніе смотрѣло, какъ на центръ роялистической конспираціи,—обстоятельство, отразившееся на заключенныхъ въ злосчастные сентябрьскіе дни. 25 октября министръ финансовъ Камбонъ говорилъ, что если не изъять изъ обращенія эти билеты, Франція будетъ ими наводнена. „Этотъ Гильомъ,—прибавилъ онъ,—убѣжавъ въ Голландію, присылаетъ ихъ намъ постоянно, и вотъ вамъ у меня въ рукахъ нѣсколько совсѣмъ новенькихъ“. Коммуна требовала все новыхъ и новыхъ вспомоществованій для ликвидаціи Maison de secours безъ разоренія жителей, но конвентъ сталъ отказывать, боясь большихъ убытковъ для государственной казны, хотя, въ концѣ концовъ, и вынужденъ на уступки изъ опасенія народныхъ волненій. Дѣло получало политическій характеръ, и вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, сыгралъ свою роль въ исторіи конфликтовъ между коммуною 10 августа и конвентомъ [1]). Брэшъ подробно разсказываетъ объ этихъ уступкахъ конвента коммунѣ и о волненіяхъ въ Парижѣ, вслѣдствіе затрудненій, задержекъ и прямыхъ отказовъ въ обмѣнѣ билетовъ. Бѣгство Гильома также подлило масла въ огонь. Наконецъ, очевидно, разореніе Maison de secours еще болѣе волновало Парижъ и заставляло конвентъ и коммуну принимать мѣры противъ возможности еще большихъ золъ. Дѣло

[1]) Объ этомъ Braesch говоритъ въ другомъ мѣстѣ подробно, стр. 998 и слѣд.

усложнялось тѣмъ, что частные билеты распространены были не только въ Парижѣ, но и въ десяти или двѣнадцати сосѣднихъ департаментахъ.

Въ началѣ ноября выяснилось, что дефицитъ Maison de secours и другихъ кассъ достигъ пяти милліоновъ ливровъ. 8 числа этого мѣсяца конвентомъ былъ изданъ законъ о ликвидаціи Maison de secours и уплатѣ за разные billets de confiance съ оговоркою, что выпускъ такихъ билетовъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ создать долга, за который было бы обязано расплачиваться государство, хотя представители націи и должны „принимать мѣры, чтобы наиболѣе обездоленная (la moins fortunée) часть населенія не сдѣлалось жертвою“ преступныхъ дѣяній лицъ, выпустившихъ означенные билеты. Убытки должны были быть покрыты учрежденіями и лицами, выпускавшими билеты, а дефициты—изъ коммунальныхъ доходовъ. На будущее время выпускъ билетовъ былъ запрещенъ; съ 1 января 1793 г. ни одинъ билетъ не долженъ былъ находиться въ обращеніи, и всѣ они должны были быть предъявлены къ уплатѣ до 1 февраля того же года. Дѣло не обошлось безъ новыхъ денежныхъ жертвъ со стороны казны и безъ новыхъ спекуляцій на ликвидаціи всей этой печальной исторіи. Спекулянты всячески дискредитировали билеты, чтобы скупать ихъ по низкой цѣнѣ, а потомъ получать за нихъ, что слѣдовало.

Другой интересный эпизодъ изъ экономической исторіи французской революціи въ книгѣ Брэша находится въ десятой главѣ „La question religieuse“. Конечно, спеціальный интересъ для насъ здѣсь можетъ имѣть лишь вопросъ о секуляризаціи церковной собственности. Въ самомъ Парижѣ церкви и монастырямъ принадлежали громадныя территоріи и многочисленныя зданія. Въ августѣ 1790 г. Учредительное собраніе для перваго раза продало парижскому муниципалитету національныхъ имуществъ на 3.591.740 ливровъ въ видѣ домовъ, флигелей, садовъ и огородовъ, незастроенныхъ участковъ и т. п., которые муниципалитетъ долженъ былъ перепродавать отъ себя, тогда какъ разныя церковныя дра-

гоцѣнности упраздненныхъ церквей [1]) и общинъ было передано въ завѣдованіе городского казначея. Не всѣ декреты по церковнымъ дѣламъ и учредительнаго, и законодательнаго собраній своевременно и аккуратно исполнялись, и только революція 10 августа положила начало строжайшему примѣненію существовавшихъ тогда законовъ, тѣмъ болѣе, что въ населеніи было страшное озлобленіе противъ монаховъ и монахинь, продолжавшихъ, вопреки закону, жить въ своихъ учрежденіяхъ. Брэшъ разсказываетъ цѣлую исторію эвакуаціи этихъ „домовъ“. Оставлены были только, до новой организаціи школьнаго и больничнаго дѣла, старыя воспитательныя и благотворительныя учрежденія, содержавшіяся духовенствомъ. Одновременно новая городская власть наложила руку на драгоцѣнности и колокола церквей и религіозныхъ учрежденій: все это стало отбираться, частью шло на монетный дворъ или въ особыя хранилища, частью посылалось на пушечный заводъ (кромѣ колоколовъ, и другія вещи изъ бронзы), а изъ желѣзныхъ рѣшетокъ около церквей дѣлались пики. Брэшъ сообщаетъ массу подробностей, большею частью очень мелкихъ о томъ, какъ производилась эта операція. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители оказывали сопротивленіе людямъ, являвшимся за драгоцѣнностями и колоколами церквей и монастырей, и тогда въ ходъ пускалась сила.

XV.

Уже послѣ того, какъ были не только написаны, но и набраны предыдущія замѣтки о нѣкоторыхъ мѣстахъ большого труда Брэша, я прочиталъ другую его работу подъ заглавіемъ „Опытъ статистики рабочаго населенія Парижа около 1791 г.“ [2]).

Матеріаломъ для автора послужили документы, храня-

[1]) Гражданское устройство духовенства оставило въ Парижѣ только 33 прихода.

[2]) F. Braesch. Essai de statistique de la population ouvrière de Paris vers 1791. Въ статьѣ 33 страницы, и помѣщена она въ окт. книгѣ журнала *Олара* „La Révolution Française“ за 1912 г.

щіеся въ національномъ архивѣ подъ шифромъ F^{30}, причемъ въ серіи этой имѣется 54 картона съ бумагами за №№ отъ 1009 по 1062, относящимся большею частью къ вопросу. Это—отвѣты отдѣльныхъ секцій на запросъ властей относительно количества рабочихъ въ отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, находившихся на территоріяхъ секцій. Къ сожалѣнію, изъ 48 секцій для цѣлыхъ семи не сохранилось свѣдѣній, а именно для секцій Елисейскихъ полей, Вандомской площади, Почты, Арси, Бонди, Ратуши и Нотръ-Дамъ. Самый запросъ былъ вызванъ желаніемъ властей знать, въ какомъ количествѣ мелкой размѣнной монеты нуждались хозяева отдѣльныхъ секцій для расплаты со своими рабочими. Ассигнаты были выпущены, какъ мы видѣли на крупныя суммы, и населеніе нуждалось въ болѣе дробныхъ денежныхъ знакахъ.

Документы, которыми пользовался Брэшъ, имѣютъ, напр., такой видъ:

„Мы, нижеподписавшіеся, предсѣдатель и коммиссаръ секціи (такой-то), удостовѣряемъ, что такой-то (имя, профессія, адресъ) жительствуетъ въ нашей секціи и занимаетъ ежедневно въ своемъ дѣлѣ столько-то рабочихъ. Въ силу этого мы просимъ размѣнять ему крупныя ассигнаты на мелкія въ 5 ливровъ, а послѣдніе на су“.

На основаніи такихъ удостовѣреній и иныхъ аналогичныхъ документовъ авторъ подсчиталъ, сколько было въ 41 секціи рабочихъ въ отдѣльныхъ профессіяхъ въ каждой секціи, отмѣчая цифру каждаго отдѣльнаго предпріятія [1]). Наприм., для секціи Тюйлери онъ даетъ такія цифры:

Bourreliers. Selliers: 10, 12, 3, 5.

Menuisiers. Ebénistes: 4, 7, 25, 10, 6, 5, 20.

Maçons: 30, 20.

Serruriers: 1 patron dont on n'indique pas le nombre d'ouvriers.

Bonnetiers: 5.

Charrons: 6.

Cloutiers: 8.

Cordonniers: 12.

Entrepreneurs de bâtiments: **112**, 40.

Fumistes: 8.

Jardiniers. Fleuristes: 20.

Marchands de toiles et fabricants: 25 и т. д.

[1]) Цифры 50 и болѣе онъ печатаетъ жирнымъ шрифтомъ.

На основаніи такихъ цифровыхъ данныхъ Брэшъ дѣлаетъ рядъ выводовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующіе. Во-первыхъ, въ нѣкоторыхъ профессіяхъ (выдѣлка матерій, кружевъ, газовыхъ тканей и т. п.) встрѣчаются очень крупныя цифры, какъ-то 800, 500, 415, 314, 300, 279 и т. д. рабочихъ, т. е. цѣлыя сотни, да и въ другихъ (въ фабрикаціи вязаныхъ издѣлій) нерѣдко цѣлые десятки (80, 60 и т. п.). Во-вторыхъ, рабочіе распредѣлялись очень неравномѣрно по секціямъ, и весьма различною оказывается по секціямъ пропорція хозяевъ (patrons) и рабочихъ Наконецъ, свои итоги авторъ соединяетъ въ большую таблицу съ такими графами:

Нумера и названія секцій.	Число рабочихъ.	Число хозяевъ.	Среднія цифры рабочихъ на одного хозяина.

Оказывается, что число рабочихъ на одного хозяина колебалось между 8,5 и 31,8, средняя же цифра для всего Парижа была 16,6.

Любопытны и другія сопоставленія, которыя дѣлаетъ Брэшъ. „Предмѣстья Сенъ-Марсель и Сентъ-Антуанъ, говоритъ онъ, напр., вопреки столь важной роли, какую они играли во время революціи, вовсе не имѣли такого рабочаго населенія, какое было въ сѣверныхъ предмѣстьяхъ, и съ этой стороны отставали даже отъ центральныхъ частей столицы“: въ одномъ было лишь $5^1/_2$ т. рабочихъ, въ другомъ—только $4^1/_2$, т. е. въ обоихъ 10 тысячъ, тогда какъ въ вдвое меньшей по размѣрамъ центральной части Парижа жило 23 тысячи. „Настоящіе человѣческіе муравейники, за каковые мы склонны считать восточныя предмѣстья (т. е. С.-Марсель и С.-Антуанъ), были не въ этихъ послѣднихъ, а въ самомъ центрѣ города“. Этотъ выводъ вполнѣ совпадаетъ и съ результатами сдѣланнаго мною опредѣленія густоты населенія Парижа [1]).

Все рабочее населеніе въ 41 секціи Брэшъ опредѣляетъ въ 62.743 человѣка при 3.776 хозяевахъ, такъ что среднимъ

[1]) См. выше стр. 150 и слѣд.

числомъ на одного хозяина приходилось 16—17 рабочихъ,— доказательство того, что при существованіи нѣсколькихъ предпріятій съ сотнями рабочихъ парижская индустрія этой эпохи подходила подъ типъ мелкой. Далѣе, авторъ полагаетъ, что въ цифру 62.743 входятъ почти исключительно мущины. Если ихъ признать за отцовъ семействъ, можно думать, говоритъ авторъ, что рабочее населеніе съ женами и дѣтьми (по два на семью) опредѣлится для 41 секціи цифрою 250.972, для всего же Парижа (по среднему расчету) цифрою въ 293.820 человѣкъ. По мнѣнію Брэша, эта цифра лишь немного превосходитъ половину всего населенія Парижа: остальное приходилось на буржуазію, на мелкихъ торговцевъ и т. д. Цифры для семи секцій въ документахъ, бывшихъ въ распоряженіи Брэша, отсутствуютъ, но если мѣстѣ съ авторомъ распространить на эти семь секцій среднюю цифру для 41, то можно предположить, что для всего Парижа общая цифра будетъ 74 тысячи.

Послѣдняя цифра довольно вѣроятна, хотя, разумѣется, точною ее назвать нельзя. Разсказывая о стачечномъ движеніи въ Парижѣ весною 1791 г., Е. В. Тарле въ своей книгѣ „Рабочій классъ“ (т. I, стр. 150 и слѣд.) приводитъ цифру 80 т., каковою опредѣляли число примкнувшихъ къ стачкѣ рабочихъ самыхъ разнообразныхъ профессій. Предположенная цифра меньше этой, но и самъ проф. Тарле называетъ показаніе хозяевъ, говорившихъ о 80 тысячахъ, „пристрастнымъ“. Въ другомъ мѣстѣ своего труда русскій изслѣдователь приводитъ цифру парижскихъ рабочихъ въ 1807 г., съ оговоркой, впрочемъ, относительно и ея точности: это—91.946 человѣкъ, т. е. еще больше. Быть можетъ, однако, въ семи секціяхъ, относительно которыхъ у насъ нѣтъ свѣдѣній, жило больше рабочихъ, нежели предполагаетъ Брэшъ, да и возможно еще, что не всѣ хозяева вообще доставили свѣдѣнія о количествѣ своихъ рабочихъ, и тогда цифру 74 т. придется повысить. Брэшъ исключаетъ возможность того, чтобы хозяева вздували свои цифры для полученія бо́льшаго количества монеты, ибо показанія провѣрялись секціонными комитетами, ручавшимися за вѣрность этихъ.

Такъ ли, далѣе, рабочіе распредѣлялись по секціямъ, какъ это значится въ изслѣдованныхъ Брэшемъ документахъ? Это тоже еще вопросъ. Самъ онъ не считаетъ безспорнымъ, чтобы всѣ рабочіе, показанные въ какой-либо секціи, жили именно на ея территоріи: вѣрно только, что ихъ хозяева проживали въ данной секціи или, по крайней мѣрѣ, имѣли тамъ свое заведеніе (le siège de l'industrie). Выводъ отсюда самого автора— не полагаться слѣпо на эту статистику при опредѣленіи характера населенія данной секціи. Другое дѣло, говоритъ онъ, когда мы взяли бы не отдѣльныя секціи, а цѣлые районы или большіе кварталы Парижа, такъ какъ въ ту эпоху рабочіе едва ли могли далеко жить отъ тѣхъ мѣстъ, куда ходили работать или приносили свои издѣлія въ случаѣ работы на дому. Такъ ли это, однако, или, по крайней мѣрѣ, всегда ли такъ? Проф. Тарле приводитъ примѣръ „парижскаго фабриканта" газовыхъ матерій Сантерра, жившаго и торговавшаго въ столицѣ, который давалъ работу пятистамъ рабочихъ, но послѣдніе жили въ деревняхъ, лежащихъ близъ Сенъ-Кантена, т. е. на довольно далекомъ разстояніи отъ Парижа (т. II, 83). Просматривая у Брэша списки разныхъ производствъ по секціямъ, я нашелъ 500 рабочихъ у какого-то „fabricant d'étoffes, dentelles, gazes etc." въ секціи Ponceau, но если это были рабочіе Сантерра, цифру рабочихъ въ этой секціи, значащуюся въ таблицѣ Брэша, а именно 5288 (самую большую во всей таблицѣ) пришлось бы уменьшить и притомъ, быть можетъ, не на 500 только, такъ какъ у фабрикантовъ матерій, кружевъ, газовыхъ тканей въ этой секціи числилось вообще очень много рабочихъ: 80, 80, 59, 61, 21, 17, 30, 30, 500, 50, 24, 94, 40, 216, 415, 52 и 158. Вѣдь эти цифры въ суммѣ даютъ около 2.000 человѣкъ: что, если они всѣ или даже половина ихъ не жили въ Парижѣ? Проф. Тарле вообще думаетъ, что текстильныхъ рабочихъ вообще въ столицѣ Франціи было мало, тогда какъ Брэшъ даже особо подчеркиваетъ большое количество рабочихъ у фабрикантовъ перечисленныхъ издѣлій: 800, 500, 415, 314, 300, 279 и слѣд.[1]). Что, если бо́льшая часть

[1]) Со статьей Брэша я познакомился по отдѣльному ея оттиску,

и этихъ рабочихъ жила внѣ Парижа? Съ другой стороны, если исключить такія цифры изъ общаго счета, среднее число рабочихъ, занятыхъ однимъ патрономъ, должно будетъ понизиться.

Во всякомъ случаѣ, статистика Брэша вызываетъ сомнѣнія и недоумѣнія, и на интересующіе насъ вопросы его цифры даютъ намъ лишь приблизительные, только вѣроятные отвѣты. Такъ какъ въ Парижѣ каждый кварталъ имѣлъ свою особую физіономію, то для ихъ характеристики такія данныя очень цѣнны. Съ отдѣльными секціями дѣло обстоитъ хуже, какъ признаётся и самъ Брэшъ. Имѣя подъ руками контуры секцій и зная величину ихъ территоріи, я попробовалъ графически изобразить бо́льшую или меньшую густоту собственно рабочихъ на извѣстную мѣру поверхности и нашелъ, что въ секціи Понсо, названной выше, на одну тысячу квадратныхъ туазовъ приходилось около 150 рабочихъ, а, напр., на секцію Quinze-Vingts едва три, тогда какъ густота населенія первой (около 1800 г.) превосходила густоту населенія второй не въ 50, а въ 13—14 разъ.

любезно присланному мнѣ авторомъ, когда не была еще получена въ Петербургѣ книжка журнала Олара съ этою статьею. По ея поводу я имѣлъ разговоръ съ Е. В. Тарле, который сообщилъ мнѣ слѣдующій отрывокъ изъ печатаемой имъ книги „Континентальная блокада и промышленность во Франціи въ эпоху Наполеона“. Указавъ на число рабочихъ, бывшихъ занятыми въ началѣ 1802 г. въ бумаготкацкихъ мануфактурахъ Парижа, проф. Тарле прибавляетъ: „цифры рабочихъ отнюдь не означаютъ, что эти рабочіе живутъ всѣ въ Парижѣ. У Dufrayer'а числится 600 человѣкъ, работающихъ на 516 станкахъ, но изъ этихъ станковъ 16 находится въ Парижѣ, а 500 въ Пикардіи, какъ гласитъ пояснительное примѣчаніе; у Monnot—150 чел., но гдѣ они? „Paris et environs de St. Quentin“,—отвѣчаетъ намъ графа lieux de situation. Если рабочіе и въ Парижѣ, то это тоже не значитъ, что они работаютъ въ одномъ заведеніи въ зданіи мануфактуры. У Валлэ—125 человѣкъ, но они разбросаны по „разнымъ предмѣстьямъ Парижа“. И то же обозначеніе Paris et environs de St. Quentin повторяется и относительно Collin'a (240 рабоч.), Renouard'a (200), Perney (160), т.-е. относительно почти всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ заведеній“. Авторъ ссылается на документъ Нац. арх. F¹² 1564. Seine, № 2. Tissus de coton. Такія же отношенія существовали и въ эпоху, о которой говорится въ статьѣ Брэша.

Ограничиваюсь этими общими выводами и сопоставленіемъ густоты населенія отдѣльныхъ секцій (около 1800 г.) съ распредѣленіемъ рабочихъ по секціямъ, какое получается изъ таблицы Брэша (т. е. какъ если бы всѣ рабочіе жили въ соотвѣтственныхъ секціяхъ).

Секціи.	На одну тысячу кв. туазовъ. Населеніе.	Рабочіе.
Tuileries	74	5,2
Roule	23	2,7
Palais-Royal	251	22,5
Bibliothèque	147	11,7
Grange-Batelière	39	5
Louvre	259	26,8
Oratoire	444	75,8
Halle-au-Blé	294	27
Place Louis XIV	266	29
Fontaine-Monmorency	224	8,5
Bonne-Nouvelle	360	80
Ponceau	360	151
Mauconseil	388	66,5
Marché-des-Innocents	555	110
Lombards	438	52
Montmartre	51	7
Poissonnière	43	7,5
Temple	48	6
Popincourt	17	2,4
Montreuil	45	5
Quinze-Vingts	27	2,9
Gravilliers	364	75,2
S.-Denis	62	23
Beaubourg	315	15,3
Enfants-Rouges	132	16,5
Roi-de-Sicile	239	28
Place-Royale	123	12,2
Arsenal	82	9,1

Ile-St.-Louis	204	13
Henri IV.	297	2,5
Invalides	17	1,5
Fontaine-de-Grenelle	86	6
Quatre-Nations	204	26,5
Théâtre-Français	275	36,7
Croix-Rouge	67	6,7
Luxembourg.	52	3
Thermes	325	30,7
Ste-Geneviève	320	29,2
Observatorie.	32	2,9
Jardin-des-Plantes	60	8,6
Gobelins	35	1,5.

XVI.

Къ числу новинокъ по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи относятся посвященныя этой эпохѣ главы въ новомъ трудѣ Э. Левассера, извѣстнаго автора большой „Исторіи рабочихъ классовъ во Франціи“, состоящей изъ пяти большихъ томовъ (два для всего до-революціоннаго времени, два для исторіи 1789—1870 и одинъ, чуть не въ тысячу страницъ, для третьей республики). Этотъ трудъ, какъ извѣстно, уже посмертный называется „Histoire du commerce de la France“ и состоитъ изъ двухъ томовъ, изъ которыхъ въ первомъ изложеніе доводится до 1789 г., во второмъ начинается съ 1789 г. Слѣдовательно, къ революціонной эпохѣ, причисляя къ ней послѣднюю пору стараго порядка, относятся конецъ перваго тома и начало второго.

Въ предисловіи къ первому тому Левассёръ говоритъ, что подъ „Исторіей торговли во Франціи до 1789 г.“, онъ разумѣетъ не только исторію торговли, какую Франція вела съ колоніями и чужими странами, но также „въ извѣстной мѣрѣ“ и внутренней торговли между отдѣльными частями

Франціи. „Впрочемъ, оговаривается онъ, различіе между тою и другою едва ли могло бы быть сколько-нибудь точно установлено до новаго времени, и даже въ послѣдніе два вѣка старой монархіи административное раздробленіе (morcellement) страны дѣлаетъ такое различеніе труднымъ". Къ этому авторъ прибавляетъ, что содержаніе его труда шире, нежели то значится въ заголовкѣ. „Я, говоритъ онъ, вводилъ въ спеціальныя рамки каждой изъ семи книгъ труда (собственно перваго тома) общее изложеніе состоянія общества, когда находилъ, что это поможетъ понимать условія торговли (du négoce); я давалъ необходимыя разъясненія касательно путей сообщенія и способовъ перевозки, дорогъ, судоходныхъ рѣкъ, портовъ, флота, мореплаванія и орудій обмѣна, включая сюда историческія свѣдѣнія о монетной системѣ, о ея измѣненіяхъ, о добываніи драгоцѣнныхъ металловъ и вліяніи его на цѣны, объ отдачѣ денегъ подъ проценты и о кредитѣ. Равнымъ образомъ, съ достаточною полнотою въ каждой изъ семи книгъ трактуются и такіе предметы, какъ рынки и ярмарки, торговые центры (les places de commerce), образованіе французскихъ колоній и привилегированныхъ торговыхъ компаній, таможенные тарифы, доктрины протекціонизма и свободы труда, торговые договоры, предметы ввоза и вывоза и вообще торговыя сношенія Франціи съ чужими странами" [1]).

---

[1]) Отмѣчу, что въ новомъ трудѣ Левассёра кое-что повторяется изъ его „Исторіи рабочихъ классовъ", въ которой также идетъ иногда рѣчь о торговлѣ, тѣмъ болѣе, что подъ рабочими классами авторъ разумѣлъ не только рабочихъ, но и всѣхъ вообще занятыхъ физическимъ трудомъ (toute personne ouvrant, c'est-à-dire pratiquant une profession manuele), о чемъ см., между прочимъ, въ моей статьѣ-брошюрѣ „Что сдѣлано въ исторической наукѣ о положеніи французскихъ рабочихъ передъ революціей 1789 г." Къ числу ихъ, называя разныя профессіи рабочихъ классовъ, Левассёръ отнесъ и „marchands en détail". Въ предисловіи ко второму изданію „Исторіи рабочихъ классовъ во Франціи отъ 1789 до 1870 г." онъ называетъ въ числѣ трактуемыхъ предметовъ кредитъ и „le régime commercial et particulièrement les systèmes douaniers или l'histoire politique douanière".

Изъ семи частей перваго тома одна (послѣдняя) посвящена XVIII вѣку. Она раздѣляется на восемь главъ: 1) Банкъ Лоу и монетное дѣло; 2) Пути сообщенія и способы перевозки (les routes et les transports); 3) Порты; 4) Индійская компанія; 5) Колоніи; 6) Новыя ученія (théories) о торговлѣ въ XVIII в.; 7) Внѣшняя торговля и 8) Англія и торговые договоры 1713 и 1786 гг.

Въ обоихъ томахъ труда Левассера болѣе 1550 страницъ (въ первомъ, меньшемъ,—XXXIII+811, во второмъ, большемъ, XLV+869), изъ которыхъ нѣсколько десятковъ приходится на предисловіе, оглавленіе, библіографію и алфавитные указатели. Изъ нихъ отведено XVIII вѣку 120 страницъ (въ концѣ I тома), а революціи—40 страницъ (въ началѣ II тома).

Исторію XVIII в., собственно съ 1715 г., авторъ подраздѣляетъ на четыре „подперіода“, а именно эпоху регентства время кардинала Флёри, годы распространенія новыхъ экономическихъ теорій и царствованіе Людовика XVI до начала революціи, но изложеніе у него идетъ по матеріямъ, а не по этимъ хронологическимъ рубрикамъ. Въ каждой изъ главъ, за исключеніемъ шестой, есть матеріалъ, относящійся какъ къ первой половинѣ XVIII в., такъ и ко второй, къ „подперіодамъ“, непосредственно предшествовавшимъ революціи. Въ отдѣлѣ о революціи три главы: первая—о таможенномъ законодательствѣ и внѣшней торговлѣ, вторая—о бумажныхъ деньгахъ, третья—о циркуляціи.

Въ дальнѣйшемъ я остановлюсь въ исторіи XVIII в. лишь на двухъ послѣднихъ его „подперіодахъ“ не только потому, что они хронологически ближе къ революціи, но и потому, что самъ Левассёръ указываетъ на болѣе близкую связь между ними [1]). Задача моя будетъ состоять лишь въ отмѣткѣ нѣкоторыхъ общихъ положеній Левассёра характеризующихъ хозяйственный бытъ Франціи, причемъ

[1]) Le règne (de Louis XVI) pourrait former une quatrième sous-période, mais est en réalité la suite du mouvement reformateur et du remarquable développement économique de la seconde moitié du XVIII siècle (I, 428). Въ другомъ мѣстѣ (I, 586) Левассёръ готовъ слить эти два „подперіода“ въ одинъ, какъ la sous-période des réformes.

отмѣтки эти неизбѣжно будутъ отрывочными въ силу самой манеры Левассера излагать историческіе факты и выводы по дробнымъ рубрикамъ.

Въ общемъ движеніи международнаго обмѣна Франція въ XVIII болѣе ввозила, нежели вывозила, благородныхъ металловъ. Время, непосредственно предшествовавшее революціи, въ исторіи добыванія золота и серебра (особенно послѣдняго) должно быть признано за одинъ изъ періодовъ сильнаго возрастанія этой добыванія, что не могло не отразиться на цѣнѣ всѣхъ товаровъ. Жалобы на возрастаніе цѣнъ— обычное явленіе этой эпохи, заработная же плата (le prix de la main d'oeuvre) въ уровень съ этимъ возрастаніемъ не повышалась (I, 437—438). Обиліе денегъ облегчало торговыя сношенія, и въ томъ же направленіи дѣйствовало улучшеніе путей сообщенія. Въ концѣ стараго порядка длина „королевскихъ дорогъ" опредѣлялась приблизительно въ 40 т. километровъ, большею частью построенныхъ или усовершенствованныхъ въ XVIII в., на три четверти при помощи натуральной повинности (corvée), въ остальномъ на казенный счетъ, на такъ называемые пеажи (péages) и другіе спеціальные платежи (I, 443). Левассёръ останавливается подробно и на попыткѣ Тюрго улучшить и удешевить транспортъ, взявъ организацію перевозки писемъ, путешественниковъ и ихъ багажа въ руки государства, но послѣ паденія этого министра-реформатора была возстановлена система отдачи этой функціи на откупъ (I, 445 и слѣд.). Особенно тягостна была эта откупная система по отношенію къ перевозкѣ товаровъ, бывшей почти монопольною въ рукахъ откупщиковъ „мессажерій" (messageries). „Національный архивъ, говоритъ Левассёръ, содержитъ большое количество жалобъ на это министру отъ провинціальныхъ городовъ и отъ торговыхъ палатъ" (I, 448). Много жалобъ этого рода, могу я прибавить, заключается и въ наказахъ 1789 г. Большую помѣху перевозкѣ товаровъ составляли упомянутые пеажи, т. е. плата за проѣздъ по извѣстнымъ дорогамъ. Несмотря на то, что противъ нихъ началъ дѣйствовать еще Кольберъ, ихъ передъ революціей оставалось еще много.

По докладу одной комиссіи, пересматривавшей основанія, на которыхъ они существовали, только ею было отмѣнено послѣ 1724 г. 2120 пеажей и оставлено 1430, но эта послѣдняя цифра едва ли вѣрна, потому что новой коммисіи, учрежденной Неккеромъ въ 1779 г., пришлось заняться вопросомъ о пяти тысячахъ пеажей, и въ 1789 г. дѣло не было еще окончено (I, 449). Левассёръ сообщаетъ и нѣкоторыя подробности о томъ, какъ тяжело должно было отзываться на перевозкѣ товаровъ существованіе пеажей. Примѣръ представляетъ собою перевозка вина изъ Роанна въ Парижъ, съ уплатами пошлинъ на таможняхъ въ Валансѣ и Ліонѣ, затѣмъ въ Арлэ, въ Живердонѣ, въ Уагуанѣ, въ Десизѣ, въ Неверѣ (цѣлыхъ пять пеажей), въ Пуа-де-Ферѣ и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ иногда было тоже по два или по три пеажа, причемъ всѣ они были или сеньёрьяльными, или городскими (octrois), или же пограничными между отдѣльными таможенными округами (I, 449—450).

Левассёръ останавливается довольно подробно на Индійской компаніи. Въ 1769 г. окончился срокъ ея привилегіи, и торговля съ Индіей сдѣлалась свободною, но она пришла въ упадокъ во время американской войны. Въ 1785 г., однако, была учреждена новая Индійская компанія, просуществовавшая до уничтоженія всѣхъ торговыхъ обществъ во время революціи. Любопытно, что ликвидація ея продолжалась болѣе восьмидесяти лѣтъ (I, 460—400). Изъ главы о колоніяхъ отмѣчу, прежде всего, данныя о населеніи. Въ 1789 г. во французскихъ колоніяхъ числилось всего до 680 т. душъ, изъ коихъ бѣлыхъ было около 55 т., мулатовъ или негровъ, отпущенныхъ на волю, 32 т. и невольниковъ 592 т. Число послѣднихъ особенно увеличилось за предыдущую четверть вѣка, а въ частности въ Сенъ-Доминго за десятилѣтіе передъ революціей оно возросло съ 249 т. до 405 т.—Торговля колоній съ метрополіей сильно увеличилась послѣ семилѣтней войны, въ особенности же послѣ войны за американскую независимость. Въ началѣ XVIII в. ввозъ изъ Антильскихъ острововъ, Кайенны и Лунзіаны былъ въ $7^1/_2$ милліоновъ ливровъ, въ началѣ царствованія Людовика XVI—въ

126 милліоновъ, наканунѣ революціи въ 185 милліоновъ (I, 487). Впрочемъ, всѣ эти цифры о заморской торговлѣ Франціи нельзя считать вполнѣ достовѣрными: онѣ даютъ только приблизительное понятіе о торговыхъ успѣхахъ Франціи въ послѣдней трети XVIII в. (I, 488). Левассёръ останавливается и на исторіи торговой политики Франціи въ колоніяхъ, отмѣчая, между прочимъ, ослабленіе прежнихъ запретительныхъ строгостей въ концѣ старой монархіи (I, 489).

Въ главѣ о новыхъ теоріяхъ относительно торговли въ книгѣ Левассёра я не нашелъ ничего новаго. Стоитъ только отмѣтить слѣдующее мѣсто. „Королевская политика XVII вѣка, говоритъ историкъ, вдохновлялась меркантильной теоріей, но не прилагала ея во всей строгости. Политика второй половины XVIII в. вдохновлялась физіократической теоріей, но примѣняла ее только частично (fragmentairement). Обѣ эти системы, старая и новая, имѣли до самой революціи сторонниковъ въ администраціи и оказывали вліяніе то одна, то другая, смотря по вопросу и по обстоятельствамъ". Впрочемъ, вліяніе новой теоріи усиливалось постоянно (I, 496—497). Ничего новаго нѣтъ и въ параграфахъ о хлѣбной торговлѣ [1]). Сочувствіе Левассёра на сторонѣ свободы торговли: на сторонѣ традиціи кольбертизма, по его словамъ, были „частные интересы и народные предразсудки".

Внѣшней торговлѣ въ книгѣ Левассёра посвящена цѣлая глава, въ которой авторъ жалуется, между прочимъ, на противорѣчивость цифровыхъ данныхъ, касающихся этого предмета (I, 510). Только съ 1781 г., когда было создано спеціальное бюро торговаго баланса, цифры дѣлаются болѣе достовѣрными. Очень гибельное дѣйствіе на внѣшнюю торговлю Франціи оказала семилѣтняя война. Въ 1719—1755 гг. средняя цифра торговли была въ 616 милліоновъ ливровъ, но въ 1756—1763 гг. она упала до 323 милліоновъ, т. е. уменьшилась чуть не вдвое. Послѣ заключенія мира цифра

[1]) По поводу политическаго выступленія Неккера противъ Тюрго въ вопросѣ о свободѣ хлѣбной торговли Левассёръ замѣчаетъ „on ne doit pas s'étonner que le socialiste Louis Blanc, dans son Histoire de la Révolution, ait loué Necker et blâmé Turgot" (I, 506).

стала быстро возрастать: въ 1764—1776 гг. она была въ 725 милліоновъ, въ 1777—1783 гг. (во время войны въ Америкѣ)— въ 683 милліона, въ 1784—1788 гг.—въ 1061 милліоновъ. Къ сожалѣнію, эти данныя точностью не отличаются, но во всякомъ случаѣ общій торговый оборотъ превышалъ милліардъ ливровъ [1]).

Полученію точныхъ цифръ относительно внѣшней торговли Франціи очень много мѣшало таможенное устройство, существовавшее въ странѣ. Съ XVII в. территорія королевства была раздѣлена на четыре группы, въ которыхъ были совершенно различные порядки и приняты неодинаковые тарифы.

Первую группу составляли провинціи пяти крупныхъ откуповъ (provinces des cinq grosses fermes), и въ нее входила самая значительная часть Франціи: Нормандія и Першъ, Пикардія и Булоннэ, Шампань, Иль-де-Франсъ, Бургундія съ Bresse и Bugey, Бурбоннэ, Берри, Туренъ, Пуату, Анжу, Мэнъ и Орлеанэ. Эти провинціи были окружены таможенной чертой; при ввозѣ и вывозѣ черезъ эту черту взимались особыя пошлины. Внутри этой территоріи никакихъ таможенъ между отдѣльными ея частями не было. Вторую группу составляли „les provinces réputées étrangères“: это были южная часть Франціи, а затѣмъ Бретань, Франшъ-Конте, Артуа и Фландрія (послѣдняя безъ Дюнкирхена). Отъ провинцій первой категоріи онѣ были отдѣлены упомянутою таможенною линіей съ уплатою ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ въ пользу пяти откуповъ, да и внутри всей этой территоріи были таможни. Дофинэ, напр., прямо изнывалъ, съ одной стороны, такъ сказать, припертый къ Альпамъ, а съ другой отдѣленный отъ сосѣдней Ліонской области таможенною линіей. Далѣе, особую группу составляли „les provinces d' étranger effectif“, къ числу которыхъ, очень небольшому, принадлежали, главнымъ образомъ, Лотарингія и Эльзасъ, Три Епископства (Туль, Мецъ и Вердёнъ). Онѣ свободно торговали съ заграницею, но зато ихъ товары при ввозѣ въ осталь-

[1]) См. цифровыя таблицы на стр. 512—513.

ныя части королевства разсматривались, какъ иностранные, т. е. были подчинены общему тарифу. Интересно отмѣтить, что онѣ крѣпко держались за свои привилегіи и каждый разъ протестовали, когда возникали проекты о включеніи ихъ въ общую таможенную черту. Наконецъ, четвертую группу составляли пять портофранко, между ними Марсель и Дюнкирхенъ (I, 518 — 520).

Внѣшней торговлѣ Франціи немало вредило существованіе „droit d'aubaine", но во второй половинѣ XVIII в. оно отмѣнялось спеціальными договорами съ иностранными государствами (I, 531).

Особая глава въ первомъ томѣ „Исторіи французской торговли" отведена торговымъ договорамъ Франціи съ Англіей 1713 и 1786 гг. (I, 532—547). Левассёръ довольно подробно разсказываетъ исторію возникновенія договора 1786 г. Этотъ трактатъ былъ въ духѣ новыхъ идей—физіократическихъ во Франціи и ученія Адама Смита въ Англіи [1]), но промышленники обѣихъ странъ были противъ его принциповъ. Во Франціи Верженъ не рѣшился запросить мнѣніе торговыхъ палатъ, боясь встрѣтить съ ихъ стороны сопротивленіе. Результатомъ договора, вошедшаго въ силу за два года до начала революціи, было наводненіе Франціи англійскими товарами, которые еще раньше стали входить въ моду. Въ 1784 г. англійскихъ товаровъ открыто и тайно ввезено было во Францію милліоновъ на 25 [2]), а въ 1787 г. было уже 58½ милліоновъ, въ 1788—63 милліона, въ 1789 — 58 милліоновъ. Французскій вывозъ былъ много меньшимъ: въ 1787 г.—37 м., въ 1788 г.—34 м., въ 1789 г. 36 м. Впрочемъ, не нужно думать, что ввозъ изъ Англіи состоялъ изъ однихъ мануфактурныхъ товаровъ (въ 1787 г. ихъ было на 33 м., въ 1787 г. только на 23 м.), ибо ввозилось и сырье, а въ 1789 г. и хлѣба было ввезено на 18 м., но все-таки отъ англіи-

[1]) En Angleterre les principes d'Adam Smith, dont le grand ouvrage sur les causes de la richesse des nations avait paru en 1776, avait fait des disciples (I, 537).

[2]) У самого Левассёра на стр. 524 показало 26 милліоновъ, а на стр. 542 на два милліона меньше, т. е. 24.

ской конкуренціи пострадали нѣкоторыя французскія производства (I, 542). Левассёръ цитируетъ по этому случаю цѣлый рядъ жалобъ, полетѣвшихъ въ Парижъ изъ многихъ мануфактурныхъ центровъ Франціи (I, 543—544). Онъ ссылается и на то, что въ 1789 г. нѣкоторые бальяжи, въ особенности Руанскій, Амьенскій, Шалонскій-на-Марнѣ и Реимскій, жаловались въ своихъ наказахъ на торговый договоръ 1786 г., „большая же часть наказовъ, по его мнѣнію, совсѣмъ имъ не занималось“ (I, 545), что едва ли вѣрно, такъ какъ при чтеніи наказовъ я очень часто встрѣчался съ заявленіями неудовольствія на этотъ договоръ.

Интересно, что Левассеръ какъ бы сомнѣвается въ основательности этихъ жалобъ и критики договора въ прессѣ [1]). „Революція, говоритъ онъ, прервала опытъ. Нельзя сказать, что произошло бы отъ принципа обоюдной свободы обмѣна, если бы этотъ режимъ продолжился и если бы твердо установился и сталъ примѣняться порядокъ полнаго равенства“ (I, 546). Революція отмѣнила трактатъ, но первый шагъ къ этому сдѣлала Англія и не по экономическимъ, а по политическимъ мотивамъ [2]).

Съ договоромъ 1786 г. Левассеръ связываетъ проектъ таможенной реформы, относящійся къ 1787 г. Внутреннія таможни должны были быть отмѣнены, и тарифъ на иностранные товары долженъ былъ быть повсюду во Франціи одинообразнымъ. Мысль объ этой унификаціи восходитъ еще къ 1614 г., но и въ 1787 г. изъ нея ничего не вышло. Реформа была предложена собранію нотаблей, но изъ семи коммиссій, на которыя оно распадалось, четыре высказались противъ во имя провинціальныхъ привилегій (I, 546—547).

Въ концѣ перваго тома новаго труда Левассёра есть общій обзоръ всего его содержанія („Revue des périodes“). По отношенію ко взятой мною для разсмотрѣнія эпохѣ есть

[1]) Les chiffres de la statistique ne sont pas en somme des témoins à charge contre le traité (I, 545).

[2]) La révolution de 1789 n' a pas laissé le temps de constater les effets définitifs de ce traité,.... dont le principe de suppression d'une longue guerre de tarifs était rationnel (I, 595).

нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, изъ которыхъ приведу только одно. „Внѣшняя торговля Франціи, говоритъ, между прочимъ, Левассёръ, которую войны революціи и имперіи довели до паралича, лишь въ концѣ реставраціи поднялась до того уровня, какого достигла въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI. Въ вывозѣ продукты сельскаго хозяйства занимали еще первое мѣсто, какъ и прежде, но уже увеличивался и начиналъ сравниваться съ нимъ и вывозъ произведеній промышленности“ (I, 592). Революція нанесла ударъ этому торговому развитію.

Въ первой главѣ II тома Левассёръ болѣе обстоятельно указываетъ на причины „дезорганизаціи торговли“ въ эпоху революціи, видя ихъ въ ассигнатахъ, а одно время и въ максимумѣ, затѣмъ въ гражданской и внѣшней войнахъ. Это—пассивъ революціи, активомъ которой является возрожденіе Франціи, благодаря „либеральнымъ и эгалитарнымъ учрежденіямъ“ (II, 3). Изъ всѣхъ періодовъ революціи авторъ считаетъ эпоху конвента „наиболѣе неблагопріятной для хозяйственной работы (aux oeuvres économiques) и для торговыхъ сношеній съ иностранными государствами“ (II, 4).

Первый вопросъ, который разсматривается Левассёромъ въ главѣ о революціи, имѣетъ ближайшее отношеніе къ англо-французскому торговому договору 1786 г. Въ этой главѣ авторъ уже правильнѣе указываетъ на отношеніе наказовъ 1789 г. къ этому договору [1]) и характеризуетъ взглядъ нѣкоторыхъ наказовъ и другихъ подобныхъ заявленій, какъ меркантилистическій [2]), что совпадаетъ съ уже извѣстными намъ выводами г. Петрова. Въ Учредительномъ собраніи рѣчь о договорѣ зашла въ связи съ вопросомъ о таможенной реформѣ. Этимъ дѣломъ занялся комитетъ земледѣлія и торговли, который, въ сущности, только возобновилъ проектъ

[1]) Les cahiers de plusieurs bailliages avaient abordé cette question, le plus grand nombre pour blâmer et démander la révision ou la dénonciation (II, 4).

[2]) C'était un programme mercantile (II, 4). C'était un manifeste entièrement mercantile (II, 5).

1787 г. II на этотъ разъ депутаты „привилегированныхъ“ провинцій протестовали, ссылаясь, напримѣръ, на то, что „даже самъ деспотизмъ въ разныя времена уважалъ привилегіи Лотарингіи“. Однако, Учредительное собраніе отмѣнило всѣ внутреннія таможни, какъ того и требовали наказы 1789 г. (II, 5). Къ вопросу о введеніи однообразнаго тарифа, за который стоялъ комитетъ, тоже высказывались разныя мнѣнія. Между прочимъ, на торговый договоръ съ Англіей было сдѣлано сильное нападеніе съ меркантилистической точки зрѣнія, но были защитники и либеральнаго принципа (II, 6 и слѣд.). Само собраніе не знало, на какую сторону стать, и отдало вопросъ на новое разсмотрѣніе соединенныхъ комитетовъ торговли и налоговъ, которые и выработали новый тарифъ въ духѣ умѣреннаго покровительства (II, 8 и слѣд.). „Онъ, говоритъ Левассёръ, былъ менѣе либералепъ, нежели тотъ, который былъ предложенъ Калонномъ нотаблямъ въ 1787 г.“. Собраніе приняло его весною 1791 г., но при обсужденіи его многіе съ горечью вспоминали, что договоръ 1786 г. былъ заключенъ безъ участія заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ (II, 11). Новымъ тарифомъ осталось недовольнымъ большое количество фабрикантовъ, изготовлявшихъ предметы, ввозъ которыхъ не былъ запрещенъ (II, 12).

Въ эпоху Законодательнаго собранія и внутренняя, и внѣшняя торговля Франціи уже сильно сократились. Оцѣнивая положеніе дѣлъ въ это время, Левассёръ высказываетъ, между прочимъ, такую мысль. „Крестьяне-земледѣльцы, освободившись отъ феодальныхъ правъ, плохо уплачивая налоги, иногда освобождая себя отъ взноса и арендной платы, дорого продавая свои продукты, вообще находились въ лучшемъ состояніи (dans un meilleur état de bien-être). Но въ городахъ патроны и рабочіе страдали отъ безработицы, хлѣбъ былъ дорогъ“ и т. д. (II, 14). Внѣшняя война ухудшила экономическое положеніе, тѣмъ болѣе, что началась и ожесточенная тарифная война. Конвентъ принялъ рядъ мѣръ, чтобы не допускать англійскіе товары во Францію даже при посредствѣ нейтральныхъ странъ (II, 17). Чтобы совсѣмъ разстроить

торговлю, достаточно было войнъ, а тутъ еще прибавились ассигнаты и максимумъ.

Къ сожалѣнію, точныхъ цифръ у Левассёра здѣсь въ распоряженіи не было. Для 1793—1797 гг. министерство торговли, даже само не имѣло никакихъ цифровыхъ данныхъ, да и пограничныя таможни стали дѣйствовать только съ 1795—1797 гг., такъ что оффиціальныя статистическія свѣдѣнія начинаются лишь съ 1797 г. Если въ послѣдніе годы стараго порядка торговый оборотъ достигалъ милліарда въ годъ, то теперь онъ сократился почти вдвое: въ 1797 г. онъ равнялся 564 милліонамъ, въ 1798 г.—551 м., въ 1799 г.—553 м., хотя государственная территорія была теперь больше (II, 18 и слѣд.).

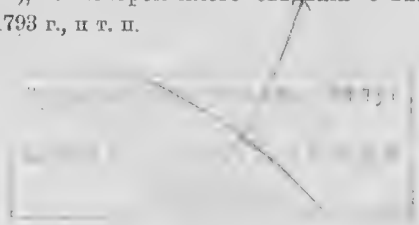
Страницы о бумажныхъ деньгахъ и о максимумѣ не даютъ ничего существенно новаго. Указывая на причины полнаго разстройства торговли во время революціи, Левассёръ останавливается и на совершенномъ упадкѣ въ эти годы дорожнаго дѣла, на небезопасности путей сообщенія отъ разбойниковъ и т. п. Отмѣчая всѣ эти бѣды, свалившіяся на торговлю и промышленность, а съ ними и на городское населеніе, Левассёръ противопоставляетъ имъ тѣ слѣдствія революціи, которыя оказались выгодными для сельскаго населенія. „Деревни, говоритъ онъ, несмотря на убытки, причиненные максимумомъ множеству сельскихъ хозяевъ (cultivateurs), выиграли отъ уничтоженія всѣхъ тягостей стараго порядка, отъ раздѣла общинныхъ угодій, отъ неполной уплаты налоговъ, отъ продажи по низкимъ цѣнамъ національныхъ имуществъ, отъ дороговизны съѣстныхъ припасовъ. Поэтому и населеніе деревенское теперь увеличилось, тогда какъ городское уменьшилось“ (II, 40).

Въ общемъ, нельзя сказать, чтобы исторія торговли во Франціи во время самой революціи была хорошо разработана въ трудѣ Левассёра. Конечно, это лишь глава въ общемъ трудѣ, охватывающемъ исторію Франціи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, но все-таки можно было бы желать отъ этой главы большаго. Хотя книга Е. В. Тарле о рабочемъ классѣ во Франціи въ эпоху революціи только косвенно

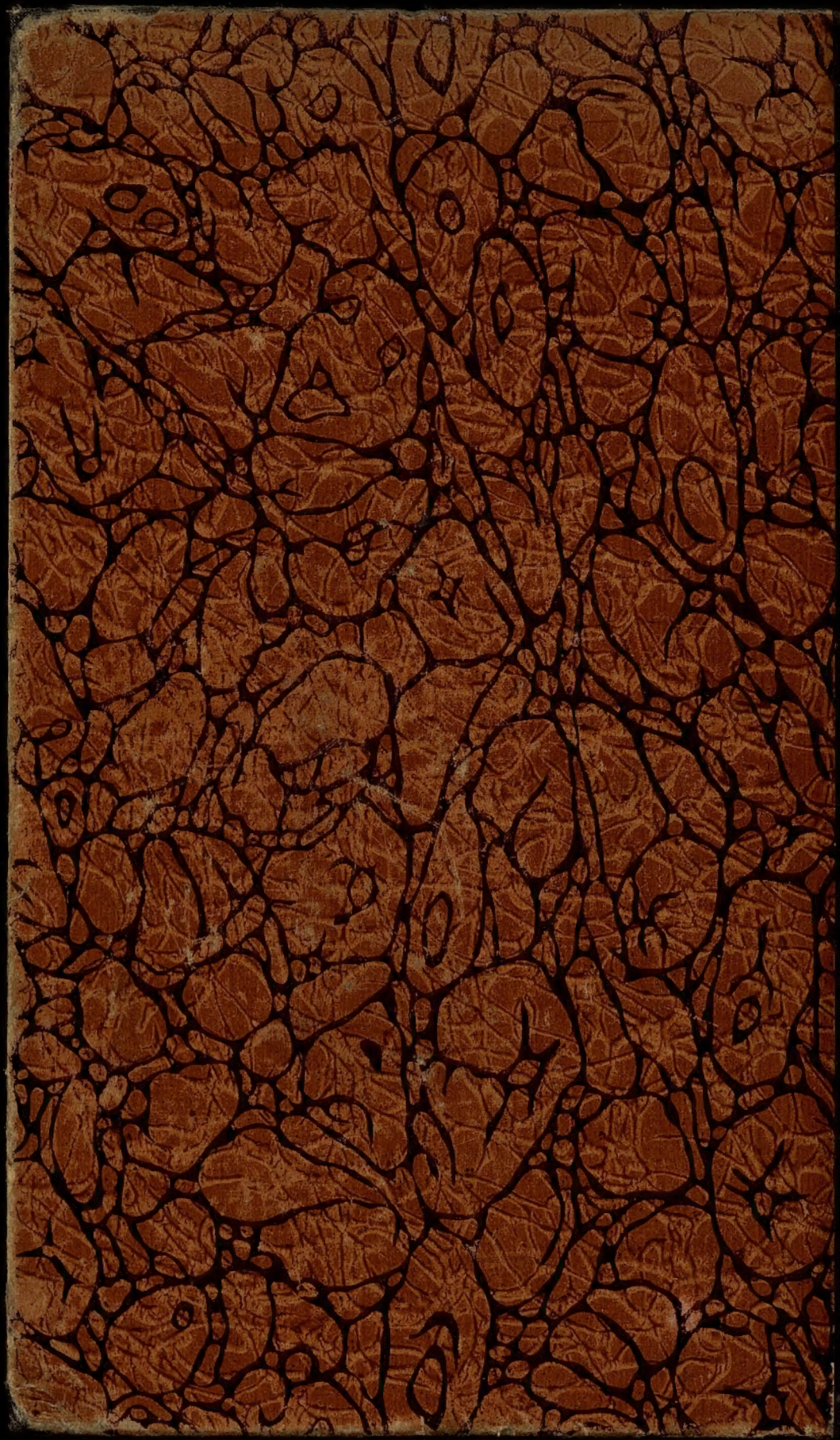
касается тогдашней торговли Франціи, но въ ней отмѣчены нѣкоторыя такія общія явленія, которыхъ и въ помингѣ нѣтъ въ трудѣ Левассёра. Особенно много фактовъ даетъ русскій изслѣдователь по вопросу о вліяніи закона о максимумѣ на обрабатывающую промышленность, а черезъ то и на торговлю, равно какъ и о вліяніи войны. Привозъ сырья изъ-за границы былъ страшно затрудненъ въ это время и не одною войною но и максимумомъ также [1]).

На этомъ я и позволяю себѣ окончить первую серію своихъ „бѣглыхъ замѣтокъ", за которою въ непродолжительномъ времени можетъ послѣдовать и другая. Экономическая исторія эпохи французской революціи—очередной вопросъ науки: постоянно выходятъ новыя изданія документовъ (одно продолженіе публикаціи „Collection de documents inédits sur l'histoire économique de la révolution française" чего стóитъ!), и появляются новыя изслѣдованія разныхъ сторонъ хозяйственнаго быта Франціи въ эту знаменательную эпоху, такъ что, думаю, недостатка въ матеріалѣ для „бѣглыхъ замѣтокъ" быть не можетъ.

[1]) Ср. выше. Прибавлю, что въ книгѣ проф. Тарле вообще немало матеріала, пригоднаго и для освѣщенія состоянія торговли во Франціи въ эпоху революціи, иногда матеріала архивнаго. См., напримѣръ, отчетъ Гудара (1791) о состояніи внѣшней торговли Франціи въ 1789 г. Рабочій классъ т. I, стр. 117 и слѣд. Равнымъ образомъ, см. записку 16 выборныхъ представителей торговаго класса въ Монпелье о состояніи національной промышленности и торговли 9 января 1792 г. Тамъ же, стр. 121. Во II томѣ обращаю вниманіе на главу III (объ общемъ состояніи обрабатывающей промышленности во Франціи предъ изданіемъ закона о максимумѣ), въ которой много свѣдѣній о внѣшней торговлѣ Франціи до осени 1793 г., и т. п.



4-80



11